

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара
С. М. Севярын

Адкажны рэдактар
Э. М. Севярын

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
І. А. Дзенісенка (Украіна)
С. Ц. Кавецкі (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
Г. У. Клімовіч (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
Б. М. Ляпешка (Беларусь)
Я. Мірановіч (Польшча)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
М. М. Чурылаў (Украіна)
Э. Ярмах (Польшча)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2021

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.02.2021 № 36
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 16.03.2021 № 65,
09.04.2021 № 105, 28.04.2021 № 121)

часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Каракo П. С. Кoсмизм К. А. Тимирязева и его роль в становлении естественно-научной ветви в русском космизме	5
Лепешкo Б. М. О новых явлениях в философии культуры: метамодернизм	16
Люкевич У. П. Томас Бах: філасофія алімпізму ў сацыякультурных рэаліях сучаснага грамадства	22
Макаревич А. В. Социокультурная мобильность молодежи как фактор развития современного общества	31
Онуприенко С. П. Тенденции креативного развития в контексте становления эколого-мировоззренческих ориентаций белорусской молодежи	37
Северин С. Н., Северин Э. Н. Методологический и эвристический потенциал трансдисциплинарной стратегии гуманитарных исследований	47
Финслер О. В. Методология развития художественного вкуса у специалистов, реализующихся в сфере визуальных искусств	57
Anastasia Luzgina, Marc Pilkington. Philosophy of Monetary Policy and Fintech in Belarus: Main Trends and Interconnection Through the Prism of a Narrative Approach	63

ПАЛІТАЛОГІЯ

Абраменко Е. Г. Эволюция гендерной политики в Республике Беларусь	72
Лысюк А. И. Детерминация политического лидерства в трудах Питирима Сорокина: теоретико-методологический аспект	81
Климович А. В., Жук С. А. Интерпретация исторического пути западной цивилизации: взгляд Л. Штрауса (политико-философский и историософский дискурсы)	90
Занкевич А. В. Институт общественного контроля: социально-политические и правовые аспекты участия граждан в нормотворчестве	99
Михайловский В. С. Актуализация синергетического неомарксизма на примере теоретического исследования экстремизма	107
Посталовская О. А. Институционализация экополитического конфликта в политической науке	112
Бровка Г. М. Фактор времени в системе политики инновационного развития и обеспечения инновационной безопасности	117

САЦЫЯЛОГІЯ

Посталовский А. В. Социально-демографический портрет аудитории мессенджера TELEGRAM	122
Соколовская М. Г. Маскулинность как социальный феномен: содержание и основные тенденции	128
Сухотский Н. Н. Изучение общественного мнения в Республике Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития	138
Кавецкий С. Т. Аномия как объект социологического анализа	147
Алексеева А. А. Анализ социальных факторов, участвующих в формировании здоровьесберегающей среды в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь	152
Котляров И. В. Цивилизационное кодирование как важнейший тренд управления будущим, или Каким будет завтра человечества? (Социологический дискурс)	159

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy editor-in-chief
S. M. Sevyaryn

Managing Editor
E. M. Sevyaryn

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatył (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
I. A. Dzenisenka (Ukraine)
S. T. Kavetski (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
H. U. Klimovich (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
B. M. Lyapeshka (Belarus)
J. Miranovich (Poland)
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
M. M. Churylau (Ukraine)
E. Yarmakch (Poland)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2021

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from February 16, 2021 nr 36 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from March 16, 2021 nr 65, April 09, 2021 nr 105, April 28, 2021 nr 121) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Petr Karako. Cosmism of K. A. Timiryazev and his Role in the Formation in the Natural Science Branch in Russian Cosmism	5
Borys Lepieszko. About New Phenomena in the Philosophy of Culture: Metamodernism.....	16
Uladzimir Lukievich. Thomas Bach: The Philosophy of Olympism in the Socio-Cultural Realities of Modern Society	22
Artem Makarevich. Socio-Cultural Mobility of Youth as a Factor in the Development of Modern Society	31
Sergej Onuprienko. Creative Development Trends in the Shaping of the Formation of Environmental-Worldview Attitudes of Belarusian Youth.....	37
Siarhej Seviaryn, Eduard Seviaryn. Methodological and Heuristic Potential of the Transdisciplinary Strategy in Humanitarian Studies.....	47
Olga Finsler. Methodology for the Development of Artistic Taste in Special Cialists Implementing in the Sphere of Visual Art.....	57
Лузгина А. Н., Пилкингтон М. Философия денежно-кредитной политики и финтех в Беларуси: основные тенденции и взаимосвязь через призму повествовательного подхода	63

POLITOLOGY

Yelena Abramenko. Evolution of Gender Policy in the Republic of Belarus	72
Anatolij Lysiuk. Determination of Political Leadership in Works of Pitirim Sorokin: Theoretical and Methodological Aspect	81
Hanna Klimovich, Sergey Zhuk. The Interpretation of the Historical Path of Western Civilization: a View of L. Strauss (Political-Philosophical Discourses and Historicise).....	90
Anna Zankevich. Institute of Public Control: Socio-Political and Legal Aspects of Citizens Participation in Rule-Making.....	99
Vadim Mikhailouski. Actualization of Synergetic Neo-Marxism on the Example of a Theoretical Study of Extremism	107
Olga Postalovskaya. Institutionalization of Ecopolitical Conflict in Political Science	112
Gennadiy Brovka. The Time Factor in the System of Innovative Development Policy and Ensuring Innovation Security	117

SOCIOLOGY

Aleksandr Postalovsky. Socio-Demographic Portrait of the Audience of the Messenger TELEGRAM.....	122
Maryia Sokolovskaya. Masculinity as a Social Phenomenon: Content and Main Trends	128
Nikolai Sukhotsky. Public Opinion Research in the Republic of Belarus: State, Problems and Development Perspectives.....	138
Sviatoslav Kavetsky. Anomy as an Object of Sociological Analysis	147
Aleksandra Alekseeva. Analysis of Social Factors the Formation of a Health-Saving Environment in Institutions of General Secondary Education of the Republic of Belarus	152
Igor Kotlyarov. Civilizational Coding as the Most Important Trend in Managing the Future or What Will Humanity be Tomorrow? (Sociological Discourse)	159

Петр Семенович Карак

*д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета*

Petr Karako

*Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science
at the Belarusian State University
e-mail: kafedra628@gmail.com*

КОСМИЗМ К. А. ТИМИРЯЗЕВА И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ВЕТВИ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ

Выявляется вклад К. А. Тимирязева в раскрытие влияния излучений Солнца на процесс фотосинтеза в листьях зеленых растений. Подчеркивается приоритет русского ученого во включении в систему научного знания положения о космической функции таких растений в биосфере Земли. Обращается внимание на значимость космической идеи К. А. Тимирязева на становление космических воззрений у последующих представителей русского космизма (Н. А. Умов, В. И. Вернадский). Фиксируется и практическая направленность его научных положений на решение проблем обеспечения населения России продовольствием и охраны природы.

Ключевые слова: *космизм, русский космизм, солнечный свет, зеленые растения, фотосинтез, хлорофилл, спектральный анализ, физиология растений, эволюционное учение, космическая среда, космическая роль растений.*

Cosmism of K. A. Timiryazev and his Role in the Formation in the Natural Science Branch in Russian Cosmism

The contribution of K. A. Timiryazev to the disclosure of the influence of solar radiation on the implementation of photosynthesis processes in the leaves of green plants is revealed. The priority of the Russian scientist in including the provisions on the cosmic function of such plants in the Earth's biosphere into the system of scientific knowledge is emphasized. Attention is drawn to the importance of K. A. Timiryazev cosmic idea on the formation of cosmic views among subsequent representatives of Russian cosmism (N. A. Umov, V. I. Vernadsky). The practical orientation of its scientific provisions on solving the problems of providing the population of Russia with food and environmental protection is also fixed.

Key words: *cosmism, Russian cosmism, sunlight, green plants, photosynthesis, chlorophyll, spectral analysis, plant physiology, evolutionary doctrine, space environment, cosmic role of plants.*

Введение

В последние годы заметно возрастание интереса многих российских ученых к русскому космизму. В работах Б. М. Владимирского, В. Н. Демина, С. И. Шлёкина к числу представителей данного течения русской мысли стали причисляться многие литераторы, естествоиспытатели и представители ряда других областей знаний и искусства. Но среди их числа нет даже упоминания имени замечательного русского ученого, пропагандиста научных знаний и общественного деятеля К. А. Тимирязева.

Академик В. И. Вернадский (1863–1945) называл его «крупным ученым и яркой личностью», который «посвятил всю главную свою работу одной области бота-

ники – изучению хлорофилла, выяснению энергетических процессов зеленого растения. Это один из глубочайших вопросов биологии, и в этой области Тимирязев работал во всеоружии науки своего времени, достиг блестящими опытами крупных обобщений, получил точные числа, служащие основами нашего современного понимания этих явлений» [1, с. 283–284].

В другой работе Вернадский конкретизирует главные достижения Тимирязева в области познания явлений жизни. По его заключению, они состояли в том, что русский ботаник еще в начале XX в. своими блестящими опытами раскрыл «неразрывную связь всего живого с космической средой» [2, с. 260].

Как же удалось ботанику выявить эту связь? В чем она проявляется? Оказало ли данное открытие влияние на становление космических воззрений у последующих поколений русских ученых? Эти вопросы определили внимание автора настоящей работы к творчеству К. А. Тимирязева, его причастности к тому течению мысли, которое получило название «русский космизм». При этом первостепенное значение будет иметь краткое освещение основных вех творческой деятельности великого ботаника, гражданина и мыслителя.

К. А. Тимирязев «обладал широкой эрудицией и огромными знаниями» (В. И. Вернадский)

Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920) – ученый-ботаник, один из основоположников русской школы физиологии растений и учения о фотосинтезе. В 1865 г. он с отличием окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Его преподавателями в университете были А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев и многие другие крупные ученые России второй половины XIX в. С 1868 по 1870 г. проходил подготовку к профессорской деятельности в ряде университетов Германии и Франции. Так, в Гейдельбергском университете (Германия) он имел честь получить навыки спектрального анализа у таких видных ученых, как Р. Бунзен, Г. Гельмгольц, Г. Кирхгоф и др. Во Франции значимыми для становления Тимирязева как физиолога растений имели лекции знаменитого химика Ж. Буссенго, которые он с удовольствием прослушал. В 1871 г. Тимирязев занимает должность профессора в Московской Петровской земледельческой и лесной академии. Здесь он осуществлял научную и педагогическую работу до 1890 г. С 1878 г. он являлся и профессором Московского университета.

В начале 90-х гг. XIX в. в этом университете приступил к научно-педагогической деятельности и В. И. Вернадский. Значительно позже (1930-е гг.) он с удовольствием отмечал ту поддержку, которую оказал ему, молодому приват-доценту, ставший уже известным профессор Тимирязев в обосновании и чтении курса кристаллографии и минералогии на естественном отделении физико-математического факультета

[2, с. 199]. В 1911 г. Вернадский, Тимирязев и ряд других именитых ученых России в знак несогласия с притеснениями студентов покинули стены Московского университета. Тогда же многие из них продолжили свою преподавательскую деятельность в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. Среди них были и Тимирязев, и Вернадский.

Следующей вехой их совместной деятельности был 1917 г. 10-го июня этого года Вернадский был избран председателем Сельскохозяйственного комитета – правительственной структуры, в задачу которой входила разработка научной политики в области сельского хозяйства. В комитет вошли К. А. Тимирязев, Д. Н. Прянишников, Н. М. Тулайков и ряд других известных ученых [3, с. 241]. Комитет разработал научные основы государственной политики России в области сельского хозяйства. Их содержание изложено в специальных статьях Вернадского [3]. Можно только сожалеть, что предложенные комитетом положения остались невыполненными.

Взаимоотношения Вернадского и Тимирязева продолжались и в последующие годы. Вернадский высоко ценил педагогическую деятельность старшего товарища, его научные труды, стремление связать физиологию растений с практическим земледелием, непримиримость к разного рода концепциям витализма в науке о жизни, отстаивание научной выраженности эволюционной идеи Ч. Дарвина и т. д. Он обоснованно отмечал, что Тимирязев в своих научных трудах «будил мысль, т. к. обладал широкой эрудицией и огромными знаниями. Помимо своей воли, он тем самым участвовал в отходе от старого его мировоззрения. Тимирязев весь был проникнут верой в науку и ее силу» [1, с. 283].

«Силу» научного знания Тимирязев оценил и выразил еще будучи студентом. Касалась она прежде всего эволюционного учения Дарвина, изложенного им в труде «Происхождение видов» (1859). В 1864 г. в журнале «Отечественные записки» студент Тимирязев опубликовал три статьи под общим названием «Книга Дарвина, ее критики и комментаторы». В 1865 г. эти статьи были переизданы в виде самостоятельной книги «Краткий очерк теории Дарвина». В последующие годы она дополнялась автором и

под названием «Чарлз Дарвин и его учение» вышла в 1883 г. При жизни ее автора она многократно переиздавалась на русском и других языках. В первой половине XX в. в Англии она являлась учебным пособием по курсу «Эволюционное учение». Автор данной статьи, будучи студентом биологического факультета Белорусского государственного университета (1963–1968), сдавать экзамен за курс «Дарвинизма» готовился по данной книге Тимирязева и подлиннику труда Дарвина. В своем труде Тимирязев продемонстрировал не только «широкую эрудицию и огромное знание» проблем эволюции живого, обосновываемых английским биологом, но и значимость его учения для становления научного мировоззрения людей. Впечатляет и описание Тимирязевым нравственных качеств Дарвина. Первая глава книги русского биолога «Дарвин как образец ученого» может служить примером глубокого понимания автором этики науки и ее творцов.

К. А. Тимирязев писал, что с момента появления вышеназванной книги Дарвина она является «единственной “философией биологии”, остается единственным ключом для понимания общего строя органической природы, продолжает служить путеводной звездой современного биолога каждый раз, когда, отрывая свой взгляд от ближайших, узких задач своего ежедневного труда, он пожелает окинуть взором всю совокупность биологического целого» [4, с. 236]. Это «бессмертное произведение» (Тимирязев) и для современного биолога остается «путеводной звездой». Тимирязев не ограничился только анализом данного произведения английского ученого. Он высоко оценил и другие работы классика эволюционного учения: «Изменение домашних животных и культурных растений» (1868), «Происхождение человека и половой подбор» (1871). Русский ботаник не просто пересказывал основные положения идей Дарвина. Он обосновывал их объективность, приводил собственные примеры, подтверждающие и расширяющие положения Дарвина. Здесь можно назвать представление Тимирязева о целесообразной организации живых систем, соотношении необходимого и случайного в эволюции, раскрытие содержания понятия «социальный инстинкт» [4, с. 212] и многих других. Причем свои суждения по со-

держанию учения Дарвина он выражает языком, доступным для восприятия учащимися, студентами и всеми теми, кто интересуется проблемами живого и его эволюции. Эту сторону работ Тимирязева высоко ценил именитый русский, советский биолог, академик, президент АН СССР, Герой Социалистического Труда В. Л. Комаров (1869–1945). В предисловии к труду Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение» он писал, что «изложение Тимирязева, отличаюсь железной логикой и ясностью, ничего подобного (отход от материализма. – П. К.) не допускает и должно быть рекомендовано всем и каждому. Запоминается оно надолго и дает сильный толчок к диалектическому возвращению на природу» [5, с. 12–13].

К словам Комарова можно добавить и то, что труды Тимирязева, касающиеся оценки идей Дарвина, способствовали распространению и утверждению дарвинизма не только в России, но и в европейской научной общественности. В ее среде русский биолог имел большой авторитет. Он был знаком и общался со многими выдающимися европейскими учеными второй половины XIX в. Являлся членом Лондонского Королевского Общества, почетным доктором Кембриджского и ряда других европейских университетов. В июле 1877 г. был принят в доме Дарвина. Эта встреча и беседа с английским биологом по актуальным проблемам ботаники и науки вообще произвела на Тимирязева неизгладимое впечатление.

Становлению диалектического воззрения на природу многих поколений людей способствовала и книга Тимирязева «Жизнь растений» (1878). При жизни ее автора она переиздавалась девять раз. По признанию Вернадского, данная книга «является одной из классических книг нашей литературы, и тысячи людей получили из нее и из других общедоступных сочинений Тимирязева не только поучение и знание, но и стимул, определивший их жизненную деятельность» [1, с. 284]. Данное сочинение не потеряло своего научного и образовательного статуса и в наши дни. К ряду «доступных сочинений» русского ученого следует отнести и его лекции под названием «Исторический метод в биологии» (1892, 1922). Автор настоящей статьи использовал положения этой работы Тимирязева в процессе преподавания философии студентам биоло-

гического факультета Белорусского государственного университета. Научный, методический и образовательный потенциал этих лекций именитого биолога сохраняется и в настоящее время.

В современной научной и учебной литературе не получает освещения и роль Тимирязева в становлении идей космизма в русской мысли. Данная сторона его творчества остается неизвестной для нынешних студентов и молодых ученых. Между тем он стоял у истоков русского космизма, его естественно-научной ветви, является одним из ее основателей. Вот почему логическим продолжением размышлений автора статьи о содержании творчества Тимирязева будет раскрытие его представлений о роли «космической среды» (Вернадский) в явлениях жизни.

«Космическая роль растения»

Космические воззрения ботаника Тимирязева сформировались на основе обобщения результатов экспериментальных исследований влияния излучений Солнца на листья зеленых растений. Их результаты и выводы из них были выражены в содержании лекции «Космическая роль растения», прочитанной русским ученым в Королевском Обществе Англии 30 апреля 1903 г. В этом же году под таким названием она была и опубликована на английском языке в одном из научных журналов Англии, а в 1904 г. в сокращенном виде – на русском языке в журнале «Научное слово». Полный текст лекции – в книге Тимирязева «Солнце, жизнь и хлорофилл» (1923).

Какие же суждения он высказал в своей лекции? Как ему удалось выявить космическую функцию растений? Прежде всего в лекции Тимирязев отметил, что он более 30 лет занимался исследованием влияния солнечного света на зеленый лист растений. Еще в 1868 г. им была определена конкретная задача такого исследования во всей ее широте в следующих положениях: «Изучить химические и физические условия этого явления, определить составные части солнечного луча, действующие посредственно или непосредственно в этом процессе, проследить их участь в растении до их уничтожения, т. е. до их превращения во внутреннюю работу, определить соотношение между действующей силой и произ-

веденной работой – вот та светлая, хотя, может быть, отдаленная задача, к осуществлению которой должны быть направлены все силы ботаников» [6, с. 156]. В России он был единственным ботаником, который занялся решением поставленных задач.

Успех их осуществления был обеспечен освоением ботаником метода спектроскопии, который со второй половины XIX в. стал применяться в естествознании. Уже в 1869 г. на Первый Московский съезд естествоиспытателей им была представлена работа по спектральному анализу явлений фотосинтеза. В данном исследовании «сочетались точные химические приемы разложения с точной спектральной характеристикой полученных продуктов» [7, с. 261] при воздействии солнечных лучей на зеленый лист растения. Это исследование было осуществлено в лаборатории Р. Бунзена (Гейдельбергский университет). По заключению Тимирязева, спектральный анализ солнечного света, воздействующего на зеленый лист, и тех веществ, которые образовались в нем под этим влиянием, «был единственный верный путь» [7, с. 261], позволивший выявить космическую функцию растений. Он отмечал и то, что «был первым ботаником, заговорившим о нем (спектральный анализ. – П. К.), применившим его в физиологии растений» [7, с. 262].

Уже с первых этапов постижения «первым ботаником» явлений фотосинтеза (образование органических веществ в клетках листьев растений под влиянием солнечных лучей) им выражалась уверенность, что раскрытие этого явления может только спектроскоп. Он усовершенствовал спектроскоп Бунзена и адаптировал для исследования составных частей солнечного луча и синтезированных под их воздействием в листьях растений органических веществ. Именно метод спектроскопии позволил «установить связь между Солнцем и деятельностью зеленого растения – значило доказать, что именно лучи, поглощаемые зеленым веществом растения – хлорофиллом, затрачиваются на разложение в нем углекислоты воздуха, результатом чего является образование того органического вещества, которое служит единственным источником пищи для всего растительного и животного мира» [7, с. 262–263].

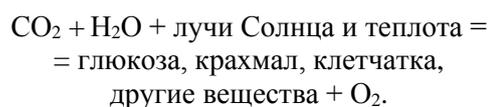
К. А. Тимирязев приложил значительные усилия по выявлению условий формирования молекул хлорофилла в листьях растений. Он высказал положение, что предшественником хлорофилла является растительный пигмент протофиллин, формирующийся в серии темновых реакций в листьях растений, превращающийся на свету в хлорофилл.

Но самым принципиальным положением, обоснованным русским ботаником, была идея о космической функции хлорофилла и листьев зеленых растений. Установить их стало возможным благодаря спектроскопу. Именно он позволил выявить космическую связь между Солнцем и зеленым растением. В свою очередь, «связь между солнцем и листом приводит нас к самому широкому, самому обобщаемому представлению о растении. В ней раскрывается перед нами *космическая* роль растения. Зеленый лист, или, вернее, микроскопическое зеленое зерно хлорофилла, является фокусом, точкой в мировом пространстве, в которую с одного конца притекает энергия Солнца, а с другого берут начало все проявления жизни на Земле. Растение – посредник между небом и Землей. Оно истинный Прометей, похитивший огонь с неба» [8, с. 407].

Существенной стороной исследований Тимирязевым космической функции зеленых растений было и выявление той части солнечных лучей, которые непосредственно поглощаются хлорофиллом листьев. Ими оказались красные лучи солнечного спектра. Русский ученый приложил значительные усилия по определению их роли в процессах фотосинтеза. Против этого открытия резко выступал немецкий физиолог растений В. Пфеффер (1845–1920), который утверждал, что хлорофиллом поглощаются желтые лучи Солнца. Однако исследования Тимирязева были настолько убедительны, что его немецкий оппонент был вынужден признать ошибочность своих возражений. Но, не ссылаясь на положения Тимирязева, он в конце концов стал считать красные лучи солнечного спектра ведущими в жизни растений. В работе [6] Тимирязев весьма подробно осветил отношение Пфеффера к его открытию.

По убеждению Тимирязева, только красные лучи Солнца обладают той энерги-

ей, которая достаточна для разложения углекислого газа (CO_2), поглощаемого листьями растений из окружающего их воздуха, на углерод (C) и свободный кислород (O_2). Первый используется в последующих синтезах сложных органических веществ в растении. Для осуществления всех этих процессов необходима и вода, которая всасывается корневой системой растений и по их стеблям поступает в листья. Все происходящее в растениях биолог выразил следующим химическим уравнением:

Отмеченные органические соединения являются пищей для микроорганизмов, животного мира, в т. ч. и для человека, а свободный кислород необходим для дыхания. По заключению Тимирязева, «его (листа. – П. К.) деятельность снабжает необходимым веществом и необходимой силой весь органический мир, не исключая человека» [9, с. 163]. В данном суждении выражена не только планетарная, но и космоземная функция зеленых растений. Ведь исходным фактором химических и биологических процессов в листьях растений выступают лучи Солнца (космический фактор). Их воздействие на молекулы хлорофилла листьев есть физический процесс. Спектральный анализ (метод физики) раскрывает его сущность и роль в порождении химических и биологических синтезов в клетках листьев.

В одной из наших книг [10] отмечалось, что исследование Тимирязевым явления фотосинтеза позволило раскрыть место и значимость физических процессов в нем: «То обстоятельство, что тела живой и неживой природы состоят из одних и тех же элементов, подчиняются общим для всей природы физическим и химическим законам, являются одним из весомых естественнонаучных доказательств материального единства мира. Физические, химические и биологические процессы выступают как проявление единого материального движения» [10, с. 101]. Последнее, как показал Тимирязев, можно и необходимо изучать и едиными научными методами. Отсюда становится неувидительным и тот факт, что исследова-

ния Тимирязевым космической функции зеленых растений первыми оценили физики.

При его жизни коллега по Московскому университету, физик-космист Н. А. Умов (1846–1915), отметил значимость исследований русского биолога. В специальном «Адресе Московского Общества испытателей природы», направленном К. А. Тимирязеву в связи с его 70-летием (1913), Умов писал: «Вы впервые увидели свет: все восхождение Ваше было в свете. Эта чудесная стихия, эмблема высочайших идеалов человека, была Вашей родной стихией. Вы увлекли ее в свою лабораторию и здесь изучали те условия, которые претворяют ее в явления жизни. Ваша строгая и точная мысль свела эти условия на законы физического мира. Вы исследовали акты жизни впервые примененными Вами в физиологии растений приемами спектроскопии и установленным Вами особым методом газового анализа» [11, с. 475].

Оценка Умовым космической идеи Тимирязева убедила последнего в значимости избранного им метода исследования явлений фотосинтеза. Тимирязев писал, что он с «благодарностью вспоминал отзыв уважаемого ученого» [7, с. 265] на свой труд. При этом он вновь отметил значимость спектрального анализа в осуществленных им исследованиях. Именно «спектроскоп разъяснил природу космической связи между Солнцем и жизнью на нашей планете при посредстве хлорофилла» [7, с. 265].

Следует отметить, что Тимирязев неоднократно отмечал роль физики и ее методов в раскрытии связи между растительным миром Земли и излучениями Солнца. В своей лекции (1903) он весьма четко выразил свое понимание роли физики в его исследованиях: «Мы в праве считать, – говорил он, – что наши современные представления о космической природе процесса, совершающегося в зеленом растении, является плодом блестящих завоеваний современной физики» [6, с. 190]. Отсюда становится понятным и то, что космизм Тимирязева был воспринят физиком Н. А. Умовым, а несколько позже – крупным естествоиспытателем и мыслителем В. И. Вернадским. На основе представлений своего предшественника, космиста Тимирязева, Вернадский сделал вывод, что «космическая среда... неразрывно связана с определенным строением зем-

ной оболочки – с чем-то целым и ограниченным – с биосферой, генетически с жизнью связанной и ею в значительной степени создаваемой» [2, с. 260]. Для Вернадского биосфера – космоземная оболочка планеты Земля. Более обстоятельно содержание его космизма отражено нами в работе [12].

При оценке творчества русского биолога-космиста Вернадский отмечал не только его вклад в науку, но и то, что Тимирязев «постоянно стремился связать науку с жизнью». Он был одним из первых русских ученых, кто проводил «опыты над жизнью растений в связи с задачами практического земледелия и всю жизнь выдвигал значение научного изучения этих практических проблем» [1, с. 284].

«Растение – центральный предмет деятельности земледельца»

Действительно, уже с первых лет исследования явлений фотосинтеза Тимирязев подчеркивал значимость знаний об этом явлении для практических нужд человека. В лекции «Основные задачи физиологии растений», прочитанной в Петровской земледельческой и лесной академии (1878), он весьма четко выразил предназначение этой области знания: «Цель стремлений физиологии растений заключается в том, чтобы изучить и объяснить жизненные явления растительного организма и не только изучить и объяснить их, но путем этого изучения и объяснения вполне подчинить их разумной воле человека, так чтобы он мог по произволу видоизменять, прекращать или вызывать эти явления» [8, с. 143]. Далее он подчеркивает, что физиолог должен быть «деятелем, управляющим природой», особенно растительным миром. Прежде всего он должен показать сельскому хозяину и лесоводу как «подчинить растительный организм своей власти, направить его деятельность так, чтобы он давал возможно большее количество продуктов возможно лучшего качества» [8, с. 143–144]. Он имел в виду пищевые продукты, их количество и качество.

Обращение Тимирязева к вопросам обеспечения населения России продуктами питания было связано с периодически повторяющимися голодом, да и нехваткой продуктов питания и в обычные годы. В лекции «Наука и земледелие» (1905) он под-

черкивал, что в 50 губерниях России потребление сельским населением хлеба на 17 % меньше нормы и делает вывод: «Тот, кто кормит Россию, сам недоедает. И недоедает потому, что старая кормилица-земля отказывается его по-прежнему кормить» [13, с. 17].

Что же следует предпринять земледельцу, чтобы земля в должной мере могла обеспечить его хлебом? Ответ на поставленный вопрос дает Тимирязев. В лекции «Физиология растений как основа рационального земледелия» (1897) он вносит конкретное предложение для сельского хозяина: «Не подлежит сомнению, что растение составляет центральный предмет деятельности земледельца, а отсюда следует, что и все его знания должны быть приурочены к этому предмету» [13, с. 51]. Для получения необходимого урожая земледелец, по совету Тимирязева, должен обеспечить необходимое для жизнедеятельности культурных растений состояние и плодородие почвы, на которой они возделываются, наличие в ней должного уровня влаги. Необходимым для жизни растений фактором является и состав окружающего их воздуха. Но самым существенным фактором жизнедеятельности растений является солнечный свет: «От количества получаемой солнечной энергии зависит количество образующегося вещества» [13, с. 83].

Исследованиями Тимирязева было установлено, что возделываемые земледельцами растения утилизируют только 1–2 % всей солнечной энергии, падающей на их листья. Этим числом поглощаемой энергии определяется и урожайность возделываемых растений. Но человек стремится повысить их урожайность, которая зависит от величины утилизации энергии Солнца. «Когда человек, – писал он, – когда-нибудь успеет увеличить производительность самых интенсивных своих культур раз в пять, то, вероятно, будет вправе сказать, что получил все физически возможное, все, что дает ему Солнце» [13, с. 86]. Однако осуществить такую возможность человек не сможет: есть предел светового насыщения процесса фотосинтеза. Хотя его интенсивность пропорциональна утилизируемой листом солнечной энергии, но, достигнув определенной величины, она не меняется. Земледельцам ученый рекомендует повышать «культуру поля. По его заключению, «культура поля

всегда шла рука об руку с культурой человека» [13, с. 88].

На заключительных страницах цитируемого труда, особенно в лекции «Точно ли человечеству грозит близкая гибель» (1899), он вновь обращается к проблеме голода и выражает уверенность, что человечеству «удастся своевременно отвратить» его наступление. «Еще задолго до наступления» этой опасности «люди научатся непосредственно утилизировать солнечный луч, не отравляя воздух дымом своих фабрик, и тем покроют возрастающие в такой быстрой прогрессии потребности цивилизации» [13, с. 360].

Будучи оптимистом в отношении предотвращения голода, Тимирязев выражает и свое беспокойство в отношении усиливающегося загрязнения воздушного пространства нашей планеты. Данный процесс он называл «всеобщим бедствием» для всего человечества. «Задохнуться же в отравленной атмосфере будут все одинаково», – говорил он. Но и «тогда, конечно найдутся меры борьбы со злом и средства для его предупреждения» [13, с. 361]. Однако и современное человечество не задействует имеющиеся у него «средства» для борьбы с этим «злом», которое более 100 лет тому назад определил русский биолог-космист Тимирязев.

Наследие Тимирязева в современной науке и культуре

Обоснование Тимирязевым космической функции зеленых растений стало одной из предпосылок становления космических идей у Вернадского и его учения о биосфере и ноосфере. У других представителей естественно-научной ветви русского космизма (Л. С. Берг, В. Н. Сукачев, Н. Г. Холодный и др.) констатация факта влияния излучений Солнца на зеленые растения являлась исходной посылкой их космизма. Его содержание в отмеченных трудах и в трудах других учеников и последователей Вернадского раскрывается в специальных работах автора настоящего издания.

Научные положения, обоснованные Тимирязевым, особенно о хлорофилле как о той структуре клеток листьев зеленых растений, которая «связывает» Космос со всем органическим миром планеты Земля, определили интерес многих поколений отечествен-

ных ученых (биологов, физиков, химиков) к исследованию данной структуры. В этом плане заслуживают внимания исследования последователя Тимирязева, академика АН БССР Т. Н. Годнева (1893–1982). Им и его многочисленными учениками на биологическом факультете Белорусского государственного университета и учреждениях Академии наук БССР были выявлены основные стадии образования хлорофилла, его структуры и функции в зеленых листьях. Было обосновано «представление о протохлорофиллиде как предшественнике хлорофилла в нормальном биосинтезе» [14, с. 269]. Этот «предшественник» удалось не только выявить, но и проследить его превращение в темновых реакциях в хлорофилл. Фундаментальные исследования Годневым процессов биосинтеза хлорофилла получили признание научной общественности. Процитированный нами его труд Президиумом АН СССР был отмечен премией имени К. А. Тимирязева (1967).

В трудах ученика и последователя Т. Н. Годнева, белорусского ученого в области биохимии и биофизики фотосинтеза, члена-корреспондента АН СССР А. А. Шлыка (1928–1984) была продемонстрирована высокая эффективность использования метода меченых атомов, хроматографии и других исследовательских методов в постижении сущности процессов метаболизма хлорофилла в зеленых растениях. Благодаря этим методам ему удалось раскрыть основные закономерности обновления хлорофилла в процессах его функционирования в клетках зеленых листьев и обосновать другие научные положения. Их содержание раскрывается в его труде «Метаболизм хлорофилла в зеленом растении» (Минск, 1965). Под его руководством автор настоящей статьи, будучи студентом биологического факультета БГУ, в своей дипломной работе установил, что синтез предшественника хлорофилла протохлорофиллида осуществляется на основе белка. При ингибировании образования последнего не происходит и синтез протохлорофиллида. Из данного факта был сделан вывод, что «для биосинтеза протохлорофиллида даже в сформированных хлоропластах им требуется достаточный уровень белкового синтеза, снижение которого ведет к снижению и накоп-

лению пигмента» [15, с. 721], т. е. протохлорофиллида.

Отмеченные достижения в познании структуры и функций хлорофилла не означают, что механизмы фотосинтеза полностью раскрыты. Нет. Они остаются предметом внимания многих представителей научного знания. В их исследованиях показано и то, что «растение аккумулирует не только световую, но и тепловую энергию» [16, с. 50]. Роль последней особенно велика в тех фитоценозах, где освещенность листьев понижена. В таких фитоценозах тепловая энергия позволяет компенсировать пониженный уровень световой энергии и тем самым поддерживать определенную эффективность фотосинтеза в них. Само же явление фотосинтеза считается глобальным и уникальным биологическим процессом. Причем «вся уникальность фотосинтеза как процесса преобразования солнечной энергии в химическую заключается в его световой стадии» [16, с. 50]. Тем самым происходит подтверждение идеи Тимирязева о роли излучений Солнца в явлениях фотосинтеза. Последние имеют две стадии – световую и темновую. На первой под влиянием солнечного луча происходит разложение воды на молекулы водорода и свободный кислород. На темновой стадии осуществляется взаимодействие водорода с углекислым газом, которое приводит к образованию различного рода органических соединений. Как видим, идея русского ботаника не только конкретизируется, но и углубляется.

В современных исследованиях раскрывается и глобальная выраженность фотосинтеза. Так, С. Л. Шварцев подчеркивает, что уже с момента своего появления «фотосинтез коренным образом изменил геохимическую ситуацию на Земле: появление O_2 и простых углеводов обеспечило серьезную трансформацию разных геохимических сред, созданных эволюцией системы вода – порода – газ в сторону их усложнения и окисления. Усложнение началось с водного раствора, в котором появились органические соединения и кислород, открывших эру окислительных процессов. Но наиболее важным было именно появление механизма созидания принципиально иных органических соединений» [17, с. 804].

Далее автор процитированного положения отмечает последствия от проникно-

вения продуктов фотосинтеза в природные воды, горные породы, газы, живые организмы и мертвую органику. В результате всего этого «создается дополнительный механизм эволюции каждой системы, включая и самую первую: под влиянием органического вещества формируются новые минералы, горные породы, газы и т. д.» [17, с. 808]. Тем самым обеспечивается усложнение и эволюция не только отмеченных структурных компонентов биосферы, но и ее самой как целостной системы. Так космический фактор (излучение Солнца) проявляется в явлениях жизни и эволюции природы Земли.

Труды и мысли Тимирязева оказали влияние и на воззрения представителей художественной литературы. Здесь нельзя не отметить использование суждений русского биолога-космиста именитым советским писателем Л. М. Леоновым (1899–1994). В его романе «Русский лес» (1953) словами главного персонажа Ивана Матвеевича Вихрова – профессора лесохозяйственного института – передаются студентам уже цитированные нами суждения Тимирязева о значимости положений физиологии растений для земледельцев и лесоводов. У Леонова они выражаются в научной и образно-художественной форме: «По слову Тимирязева, цели лесовода и сельского хозяина одинаковы, потому что оба стремятся получить от растения возможно больше продуктов, земледелец собирает свой урожай ежегодно, а лесовод почти не знает того творческого удовлетворения, каким должно увенчаться его длительное рабочее усилие. Ваш урожай будет зреть долго, юные товарищи мои, редкий из вас застанет жатву... Но однажды взволнованно, с непокрытой головой, вы пойдете по шумящим, почти дворцовым залам в Каменной степи, где малахитовые стены – деревья, а крыша – ослепительные, рожденные ими облака» [18, с. 294].

В процитированных суждениях писателя-космиста подчеркивается не только значимость идей русского ботаника, но и планетная роль зеленых растений. В данном случае – леса. На последующих страницах этого романа, да и в других его произведениях, особенно романе «Пирамида» (1994), четко фиксируется космизм его мировоззрения. В одной из наших книг раскрывается содержание космизма писателя и делается вывод о его причастности к литературно-

художественной ветви русского космизма [19, с. 163–164]. Космизм Леонова развивался и под влиянием научных и космических идей В. В. Докучаева, Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева и других русских естествоиспытателей. Они были творцами не только научного знания, но и русской культуры.

В. И. Вернадский при оценке творчества Тимирязева писал и о том, что он «был в России одним из первых, проводивших в жизнь оправданное временем сознание, что наука может помочь в разрешении практических задач только тогда, когда она сама является решателем постановки своих проблем» [1, с. 284]. Но все это будет возможным при утверждении демократических основ жизни общества, свободы научного творчества, автономии университетов и т. д. Все отмеченное выражено в труде Тимирязева «Наука и демократия». Заинтересованному читателю мы рекомендуем внимательно прочесть данный труд. Даже В. И. Ленин «был в восторге, читая» эту книгу [7, с. 7].

Материалистическое содержание научных воззрений, многолетнее служение русской науке и культуре, демократическое содержание убеждений и действий основателя русской школы физиологии растений и учения о фотосинтезе не могло не привести его к тому, что он был одним из первых русских ученых, сознательно принявших Октябрьскую революцию, и стал проводником ее идеалов. Он принял активное участие в работе Наркомпроса РСФСР, организации Социалистической (позже Коммунистической академии общественных наук), был активным ее членом, в 1920 г. стал депутатом Моссовета.

После ухода из жизни советская власть уделила русскому биологу должное внимание. Имя Тимирязева присвоено Московской сельскохозяйственной академии, Институту физиологии растений АН СССР (ныне РАН), Биологическому музею в Москве. Его именем названы улицы во многих городах бывшего СССР. Такая улица есть и в Минске. Президиум АН СССР учредил премию имени Тимирязева за лучшие работы в области физиологии растений.

Заключение

К. А. Тимирязева с полным правом следует считать основоположником естест-

веннонаучной ветви в русском космизме. Им впервые было убедительно раскрыто влияние космических факторов (солнечного света и тепла) на осуществление процессов фотосинтеза в зеленых листьях растений. Установлена и та конкретная структура клеток листьев, в которой происходит данное явление. Именно молекулы хлорофилла являются тем «фокусом», где космическое и земное сливаются в одно целое. Сформулированная ученым идея о космической функции зеленых растений оказала влияние на формирование космических воззрений у последующих представителей русской науки (Умов, Вернадский, Сукачев и др.). Исследование современными представителями

естествознания развития структуры и функций хлорофилла, явления фотосинтеза, его глобальной выраженности проходит под влиянием идей Тимирязева. Продемонстрированные биологом-космистом возможности использования знаний и методов физики и химии в постижении явлений жизни стимулирует научный поиск у представителей этих областей знания на раскрытие космической роли растений и использование полученного знания в решении современных глобальных проблем. Обо всем этом следует говорить учащимся, студентам, магистрантам и аспирантам при проведении учебной и воспитательной работы с ними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В. И. Памяти профессора Климента Аркадьевича Тимирязева / В. И. Вернадский // Вибр. наук. пр. акад. В. І. Вернадського : у 10 т. – Київ : НБУВ, 2011–2012. – Т. 1 : в 2 кн. – Кн. 2 : Володимир Іванович Вернадський і Україна. – 2011. – С. 283–284.
2. Вернадский, В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль / В. И. Вернадский. – Дубна : Феникс, 1997. – 576 с.
3. Вернадский, В. И. Публицистические статьи / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1995. – 313 с.
4. Тимирязев, К. А. Избранные сочинения : в 4 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1948. – Т. 4. – 475 с.
5. Комаров, В. Л. Предисловие / В. Л. Комаров // Избранные сочинения : в 4 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1948. – Т. 4. – С. 11–15.
6. Тимирязев, К. А. Солнце, жизнь и хлорофилл / К. А. Тимирязев. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1923. – 324 с.
7. Тимирязев, К. А. Наука и демократия : сб. ст. (1904–1919) / К. А. Тимирязев. – М. : Соцэргиз, 1963. – 498 с.
8. Тимирязев, К. А. Сочинения : в 10 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1937. – Т. 5. – 508 с.
9. Тимирязев, К. А. Сочинения : в 10 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1937. – Т. 4. – 380 с.
10. Карако, П. С. Революция в современной биологии и ее социальные аспекты / П. С. Карако. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 255 с.
11. Умов, Н. А. Собрание сочинений : в 7 т. / Н. А. Умов. – М., 1916. – Т. 3. – 666 с.
12. Карако, П. С. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского / П. С. Карако // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2018. – № 1. – С. 13–22.
13. Тимирязев, К. А. Сочинения : в 10 т. / К. А. Тимирязев. – М. : Сельхозгиз, 1937. – Т. 3. – 452 с.
14. Годнев, Т. Н. Хлорофилл. Его строение и образование в растении / Т. Н. Годнев. – Минск : Изд-во АН БССР, 1963. – 319 с.
15. Ингибирование метаболизма протохлорофиллида в зеленых листьях хлорамфениколом / А. А. Шлык [и др.] // Докл. АН СССР. – 1969. – Т. 188, № 3. – С. 718–721.
16. Комиссаров, Г. Г. Фотосинтез: физико-химический подход / Г. Г. Комиссаров // Хим. физика. – 2003. – № 1. – С. 24–54.
17. Шварцев, С. Л. Основы теории добавочного усложнения в биосфере Земли / С. Л. Шварцев // Вестн. РАН. – 2019. – № 8. – С. 800–810.
18. Леонов, Л. М. Русский лес / Л. М. Леонов. – М. : Худож. лит., 1974. – 678 с.

19. Каракo, П. С. Природа в художественной литературе / П. С. Каракo. – Минск : Эко-перспектива, 2009. – 304 с.

REFERENCES

1. Viernadskij, V. I. Pamiati profiessora Klimienta Arkad'jevicha Timiriazieva / V. I. Viernadskij // Vybr. nauk. pr. akad. V. I. Vernads'koho : u 10 t. – Kyiv : NBUV, 2011–2012. – Т. 1 : u 2 kn. – Кн. 2 : Volodymyr Ivanovych Vernadskyj i Ukraina. – 2011. – S. 283–284.
2. Viernadskij, V. I. O naukie. T. 1. Nauchnoje znanije. Nauchnoje tvorchiestvo. Nauchnaja mysl' / V. I. Viernadskij. – Dubna : Fieniks, 1997. – 576 s.
3. Viernadskij, V. I. Publicistichieskije stat'i / V. I. Viernadskij. – M. : Nauka, 1995. – 313 s.
4. Timiriaziev, K. A. Izbrannyje sochinienija : v 4 t. / K. A. Timiriaziev. – M. : Siel'khozgiz, 1948. – Т. 4. – 475 s.
5. Komarov, V. L. Priedislovije / V. L. Komarov // Izbrannyje sochinienija : v 4 t. / K. A. Timiriaziev. – M. : Siel'khozgiz, 1948. – Т. 4. – S. 11–15.
6. Timiriaziev, K. A. Solnce, zhizn' i khlorofill / K. A. Timiriaziev. – M. ; L. : Gos. izd-vo, 1923. – 324 s.
7. Timiriaziev, K. A. Nauka i diemokratija : sb. st. (1904–1919) / K. A. Timiriaziev. – M. : Socekgiz, 1963. – 498 s.
8. Timiriaziev, K. A. Sochinienija : v 10 t. / K. A. Timiriaziev. – M. : Siel'khozgiz, 1937. – Т. 5. – 508 s.
9. Timiriaziev, K. A. Sochinienija : v 10 t. / K. A. Timiriaziev. – M. : Siel'khozgiz, 1937. – Т. 4. – 380 s.
10. Karako, P. S. Rievoliucija v sovriemiennoj biologii i jejo social'nyje aspekty / P. S. Karako. – Minsk : Izd-vo BGU, 1982. – 255 s.
11. Umov, N. A. Sobranije sochinienij : v 7 t. / N. A. Umov. – M., 1916. – Т. 3. – 666 s.
12. Karako, P. S. Priedposylki b sushchnost' kosmichieskikh vozzrienij V. I. Viernadskogo / P. S. Karako // Viesn. Mahilious. dziarzh. un-ta imia A. A. Kuliashova. Sier. A, Humanitar. navuki (histryja, filasofija, filalohija). – 2018. – № 1. – S. 13–22.
13. Timiriaziev, K. A. Sochinienija : v 10 t. / K. A. Timiriaziev. – M. : Siel'khozgiz, 1937. – Т. 3. – 452 s.
14. Godniev, T. N. Khlorofill. Jego strojenije i obrazovanije v rastienii / T. N. Godniev. – Minsk : Izd-vo AN BSSR, 1963. – 319 s.
15. Ingibirovanije mietabolizma protokhlorofilla v zielionykh list'jakh khloramfienikolom / A. A. Shlyk [i dr.] // Dokl. AN SSSR. – 1969. – Т. 188, № 3. – S. 718–721.
16. Komissarov, G. G. Fotosintez: fiziko-khimichieskij podkhod / G. G. Komissarov // Khim. fizika. – 2003. – № 1. – S. 24–54.
17. Shvarcev, S. L. Osnovy teoriiidobavochnogo uslozhnienija v biosfierie Ziemli / S. L. Shvarcev // Viestn. RAN. – 2019. – № 8. – S. 800–810.
18. Lieonov, L. M. Russkij lies / L. M. Lieonov. – M. : Khudzh. lit., 1974. – 678 s.
19. Karako, P. S. Priroda v khudozhestviennoj litieraturie / P. S. Karako. – Minsk : Ekopierspektiva, 2009. – 304 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.12.2020

УДК 141.78 130.121

Борис Михайлович Лепешко*д-р ист. наук., проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Borys Lepieszko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys.lepieszko@tut.by***О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: МЕТАМОДЕРНИЗМ**

Исследуется природа феномена современной философии культуры – метамодернизма. Анализируются основные категории данного явления, связанные с логикой развития постмодернизма в целом. Раскрывается суть подходов, связанных с дефинициями «колебания», «между», «бинарность», «культура чувства». Показано решение основных проблем при обращении к конкретным явлениям культуры. Рассматривается широкий контекст философских, культурологических феноменов, связанных с кризисом современной западной философии культуры.

Ключевые слова: философия культуры, постмодернизм, метамодернизм.

About New Phenomena in the Philosophy of Culture: Metamodernism

The author examines the nature of the phenomenon of modern philosophy of culture – metamodernism. The main categories of this phenomenon related to the logic of the development of postmodernism as a whole are analyzed. The essence of the approaches associated with the definitions of «fluctuations», «between», «binary», «culture of feeling» is revealed. The solution of the main problems referring to specific cultural phenomena is shown. The article considers a broad context of philosophical and cultural phenomena related to the crisis of modern Western philosophy of culture.

Key words: philosophy of culture, postmodernism, metamodernism.

Введение

Назвать в целом «новым» метамодернизм, о котором пойдет речь в статье, было бы, видимо, слишком смелым. Во-первых, потому что это во многом (генетически) все же привычный постмодернизм, а во-вторых, теоретики ведут о нем речь начиная с 70-х гг. прошлого века. Но все же мы назовем его новым явлением в философии культуры. Причины очевидны: «За самим словом стоит если не полноценная философия, то хотя бы вполне любопытная концепция актуальной культуры, имеющая право на существование» [1, с. 91]. Так характеризует метамодернизм один из его адептов российский исследователь А. Павлов.

Главная цель статьи и заключается в том, чтобы продемонстрировать то новое, чем предлагают метамодернисты обогатить философию в целом, философию культуры в частности. Но актуальность обращения к теме метамодернизма может быть и несколько иной. Эту цель хорошо выразил известный исследователь К. А. Свасьян, который в работе «Феноменологическое познание» заметил: «Историко-философский пласт должен рассматриваться как некая подспудная эластичная опора, отталкивающая со-

держание в непосредственную атмосферу общефилософских рефлексий» [2, с. 9]. Кажется, что обращение к современным новым явлениям в области философии культуры и может быть анализом содержания актуальных явлений культуры в аспекте общефилософских рефлексий.

Нельзя отрицать и того, что метамодернизм предлагает целый ряд новаций, которые верно отражают кризисные явления современной западной культуры; правда, с выводами авторов, придерживающимися этого направления в философии, можно и нужно спорить. И первое, о чем надо сказать, это о самом ключевом термине.

О термине

В первом приближении назовем три главные особенности данного термина. Это «колебания», это предикат «между» (префикс, по выражению метамодернистов) и «бинарность». Это близкие существенные черты. Что, в частности, значит «колебания между иронией постмодерна и искренностью модерна» (выражение автора предисловия к текстам А. В. Павлова)? Это значит, что отрицается всеобщая устойчивость, динамичное равновесие, что мир «колеблет-

ся» не просто постоянно, а ежесекундно и обнаружение любых устойчивых связей представляет собой непосильную для любого исследователя задачу. В данном случае «колебания» – это важнейший методологический принцип. Заметим, насколько сложен для понимания и адекватной оценки данный существенный признак. Как понять «иронию постмодерна»? И модерн что, обязательно искренен? «Во-вторых, метамодернизм содержит префикс «мета», что означает сразу три модуса. Для авторов эпистемологического метамодернизма он располагается наряду с постмодернизмом, онтологически между постмодернизмом и модернизмом и исторически после постмодернизма» [1, с. 19]. Признается, что перед нами «сырая концепция», уязвимая для критики. Но все меняет сверхзадача: предложить новую концепцию культуры, причем эта новая версия должна выглядеть методологически доминантной. Здесь и в самом деле много предпосылок для критики. В частности, выдвижение категории «между» мало что дает нам. Всю историю философской мысли можно представить при помощи этой дефиниции. Маркс – «между» Гегелем и Фейербахом. Владимир Соловьев – «между» теоцентричным богоискательством и вполне добротным синкретическим реализмом. Тогда, быть может, разгадка в новой концепции культуры? Но и здесь разочарование: все сводится к «новому договору по истории». После трудов Ф. Фукуямы сказать что-то новое по поводу кризиса истории сложно, да и авторы-метамодернисты это признают. Вводится категория «структура чувства», но что это такое, понять сложно. Структура чувств (самая распространенная точка зрения) – это специфическое свойство социального опыта. Обратим внимание, что определение лишается качественной определенности, поскольку нет существенного признака этого самого социального опыта. Получается, нет и самой дефиниции. Есть слова, которые могут иметь любое (нужное автору, интерпретатору) содержание.

В-третьих, любое явление можно и нужно рассматривать «бинарно», т. е. видеть в нем, как минимум две стороны, которые, во-первых, могут трактоваться совершенно различным способом и, во-вторых, отношения между которыми далеки от комфорт-

ных. Метамодернизм – это некая смысловая двузначность. Причем недостаточно фиксировать бинарность мира явлений и фактов, важно понимать их обязательность, говоря марксистским языком, их объективную необходимость.

Что это дает нам? Во-первых, метамодернисты претендуют не просто на новое «прочтение» современной культуры или современного капитализма. Данные категории призваны восполнить наши пробелы в понимании собственно философских проблем, например, проблем эпистемологии. Правда, надо сразу же заметить, что у различных авторов эпистемологическая проблематика может выдвигаться на первый план, а может вообще отрицаться ее значение. Вообще разноречивые суждения достаточно велики. Во-вторых, нельзя отрицать пронизательность в осмыслении ряда современных явлений культуры, о которых речь пойдет впереди. В-третьих, мы говорим об особой логике развития философского знания, в основе которой речь идет о поиске совершенно иных (в отличие, скажем, от классического марксизма) принципах понимания социального процесса.

Следует отметить, что основные идеи метамодернизма заимствованы из трудов известного теоретика Фредрика Джеймисона [3]. Здесь же упомянем три основные категории методологии Джеймисона: историчность, аффект и глубина. Собственно, основной труд западных теоретиков постмодернизма, переведенный на русский язык в 2020 г. и названный «Метамодернизм», имеет подзаголовок «Историчность, аффект и глубина после постмодернизма» [1]. Кажется бы, историчность, аффект и глубина и есть существенные признаки метамодернизма. Но на это можно возразить указанием на то, что Ф. Джеймисон – один из теоретиков постмодернизма в целом и здесь достаточно сложно провести некий раздел между «старыми» и «новыми» его понятиями. Возможно, именно поэтому вводится еще одна важная категория, позволяющая понять специфику метамодернизма. Это так называемая «культура чувства».

Культура чувства

Редакторы сборника «Метамодернизм» Р. ван дер Аккер и Т. Вермолен также пытаются дать определение метамодер-

низма – с этой целью, как уже отмечалось, вводится термин «культура чувства». Метамодернизм и представляет собой культуру чувства, возникшую в 2000 гг. и ставшую доминантной логикой западных капиталистических обществ. Термин известен с 1970 г., когда стали публиковаться попытки объяснить новые тенденции в литературном творчестве. Однако если попробовать найти некие общие культурные матрицы метамодернизма, даже локальные, применительно к литературному творчеству, то нас ждет разочарование. Преобладают такие категории, как «скользкие характеры», «противоречия», привычные «колебания» и т. п. Кстати, «колебания», как и префикс «между», как мы уже отмечали, не случайные слова. Они отражают суть метамодернизма: ничего устойчивого, постоянная динамика, меняющаяся «структура чувств». Скажут: но это и есть постмодернизм. Да, вне всяких сомнений. Тогда вновь возникает вопрос о качественном своеобразии метамодернизма. И искать это качественное своеобразие необходимо именно в меняющейся структуре «культуры чувств». И опять мы сталкиваемся с констатацией того, что структура чувств – «туманная концепция». Культура чувств у одних – привычная надстройка в марксистском духе, у других – некая культурная стратегия, у третьих – просто эмоции.

Здесь, очевидно, требуется небольшое отступление. Дело в том, что «культура чувств» несет в себе некий позитивный смысл, и с помощью этого термина можно объяснить многообразные и разнородные явления культуры. Ведь одно дело, скажем, реалистические работы Э. М. Ремарка и совсем другое – труды М. Фуко. Их сложно сопоставить не в хронологическом смысле, не в содержательном аспекте, а именно с точки зрения различного «чувствования» эпохи. В этом аспекте любой автор может предложить оригинальную концепцию собственной «культуры чувств» и защищать ее с помощью различных художественных средств. Очень удобно, что и говорить.

Парадокс в том, что «туманность» категории – это то, что востребовано, что необходимо. На «туманности» основан метамодернизм. Определение соответствующее: «Культура чувства – это элемент культуры, который очерчивает ее пределы, но кото-

рый нельзя свести ни к одному из ее отдельных ингредиентов» [1, с. 54]. И какова альтернатива? Простая: опыт жизни на определенном этапе или на определенном пространстве. Поэтому поиск концептуальных основ социального бытия, и в основе лежит культура чувств. Психологические метания главного героя – культура чувств. Существенные изменения в политике, экономике имеют своим основанием именно культуру чувств (элиты, лидеров). Здесь, на наш взгляд, есть как позитивная, так и негативная составляющая. Позитивная связана с пониманием того простого факта, что литературный герой (в частности) помещен в определенную среду и есть следствие этой среды. Здесь не избежать влияния многообразных факторов, формирующих поведение личности, выбор идеалов и целей. Негативная сторона базируется на том очевидном факте, что в такой постановке вопроса мало нового, так проблема ставилась во многих философских системах. Достаточно вспомнить в этом аспекте французский материализм XVIII в. и, позже, марксистские эссеисы. Негативный контекст многие авторы пытаются минимизировать с помощью категории «историчность».

Историчность

«Режим историчности можно определить как специфическую модальность, в которой человек предстает перед самим собой через пребывание в истории» [1, с. 85]. Это пишет Робер ван Аккер. Заметим, что с точки зрения классической аристотелевской логики это пресловутый «порочный круг»: определение одного термина с помощью близких по содержанию категорий. А как иначе понять историчность с помощью пребывания в истории? В целом имеет смысл заметить, что существенных признаков при анализе тех или иных определений в рассматриваемых текстах мало. Хотя – какая такая аристотелевская логика востребована в трудах постмодернистов?

Между тем нельзя отказать в проницательности двух замечаний автора. С одной стороны, он говорит, что капитализм достиг своих пространственных пределов – ему некуда дальше расти. Последние события, связанные с развалом СССР, – завершение этого процесса. С другой стороны, культура полностью поглощена логикой по-

требления. Вроде ничего нового, но это дает возможности для различных интерпретаций, развития мысли. В частности, возникает мысль об «ухудшении смысла истории». Поэтому мы воспринимаем происходящее с помощью категорий метамодернизма «между» и «наряду с». Настоящее есть сложное состояние между прошлым и будущим, связанное опять-таки и с кризисом постмодернизма, и с непонятным концептуальным «прочтением» будущего. В итоге предлагается «анализ мультнапряженных нарративных структур, составляющих режим историчности метамодерна в современной культуре, бросающийся в погоню за прошлыми вариантами будущего, чтобы превратить настоящее в прошлое будущего» [1, с. 90]. Сложно оценить приведенное высказывание с сугубо рационалистических позиций, да и в этом нет никакой необходимости. Перед нами типичный пример постмодернистских ухищрений, когда за набором трудно понимаемых фраз должно угадываться интерпретационное многообразие. Читающий волен «додумывать», что означает один термин и как понять иной. Тогда встает вопрос о необходимости цитирования подобных фраз: есть ли в этом всем позитивный эвристический смысл? Склонен полагать, что есть. Это смысл сводится, во-первых, к разочарованию существующими культурологическими концепциями. Таким образом, «изобретения» метамодернизма неслучайны, они отражают логику разочарования в действующих концептах. Даже если это разочарование спрятать за префиксом «между». Во-вторых, сознательная бессодержательность неслучайна постольку, поскольку она есть следствие непонимания существенных черт новой культурологической концепции, как ее ни назови. В-третьих, жонглирование категориями «прошлое», «настоящее» и «будущее» связано с вполне определенными целями интеллектуального и политического порядка. Это значит, что размывание границ между временными состояниями позволяет как угодно интерпретировать сущее, выдвигать какие угодно концепты, обосновывать системы ценностей, не коренящиеся в действительности.

Несколько иную интерпретационную модель предлагает, например, метамодернист (как он сам себя позиционирует) Дж. МакДауэлл. Ключевой категорией яв-

ляется все та же «культура чувств», которая в нынешнем веке совершенно иная, чем в прошлом столетии. Мало того, эта культура чувств «находит свое выражение в терминах «аффективной и тональной логики» (термины автора). Таким образом, метамодернизм фиксирует новый «тип чувственности», который, например, в кино отражается в форме «модальной комбинации мелодрамы с комедией», комедии положений и фарса, интереса к детству и невинности [1, с. 99–100]. Понимания специфики «аффективной и тональной логики» не существует, ее можно «додумывать». К слову, типов чувственности может быть сколько угодно много. Автор статьи приводит примеры из фильмов, где происходят странные метаморфозы, восходящие к проблемам подсознания и «новых» проявлений чувств (скажем, подробно описывается, как одна из героинь не испытывает оргазма и достигает своей цели в ночном клубе). Но главное в ином: на наш взгляд, происходит замещение привычных ценностей гуманистического, христианского содержания ценностями подсознания, неким своеволием. Констатируется это так: «перед нами непокорный оптимизм, искреннее участие, перед лицом имплицитно признаваемого потенциала для отчаяния, крушения иллюзий или ироничной отстраненности» [1, с. 119]. Получается, что метамодернизм фиксирует недостаточность («устарелость») той культуры чувств, которая традиционна и связана с гуманистическими и христианскими ценностями, выдвигая на передний план нечто совершенно новое. Например, аффекты подсознания, скрытые комплексы, такую глубину, которая у ряда граждан вызывает непонимание. Достижение оргазма героиней одного из фильмов, о котором говорит автор статьи, «несет надежду», и в этом главное содержание и смысл повествования. Здесь, конечно, многое зависит от целеполагания читающих (смотрящих) субъектов, но не кажется ли, что смысл и цель чрезвычайно узки, локальны, преходящи? Если в этом действительно смысл и цель культуры, «новой» структуры чувств, то мир явно обеднел, «съежился». Хотя, с точки зрения метамодернистов, мир, наоборот, углубился за счет аффектов и историчности.

Очевидно, что здесь мы можем фиксировать и борьбу (соперничество) различ-

ных ценностных ориентиров, столь популярную сегодня. Гендерная проблематика в различных формах навязывается обществу, в т. ч. и в форме подобных приведенному примеру с «терзаниями» главной героини. И речь здесь явно не о частном случае, не о примере одного и успешного поиска места в жизни. Речь идет о тенденции, замещении пласта ценностных ориентиров, основанных на традиционных (христианских, в частности) ценностях новым видением личных и социальных проблем.

В качестве еще одного примера обратимся к анализу текста «Возлюбленная Тони Моррисона и установление историоэластичной метапрозы» Джоша Тота. Речь о литературе, в частности, о том, что «невозможность точного представления заставляет читателя смириться со случайным и непостоянным характером всех нарративных действий» [1, с. 129]. Появляются категории вроде «пластичность прошлого», «пластичность настоящего», что означает разнообразные попытки интерпретационного осмысления и этого прошлого, и настоящего. Прошлое вовсе не таково, каким он запечатлелось в школьных учебниках, оно может быть иным, причем настоящее корректирует это прошлое, как корректирует его и сам читающий субъект. Иногда сознательно, иногда непроизвольно. Метапроза пластична: это основной посыл, основная категория. И сам по себе этот тезис может быть принят, вопрос о критериях истины здесь невозможен в принципе, главное заключается именно в самой возможности «пластичности» мировосприятия. Сложно определить: это положение относится ко всей мировой литературе или основано на новейших трудах постмодернистов. Конечно, несложно представить себе «Войну и мир», например, в категориях «пластичности»: здесь будут и проблемы с оргазмом у Наташи Ростовской, и путешествия в ночные клубы и «свальный грех» Андрея Болконского, но насколько это уместно, не кощунственно ли? Или же речь может идти только о произведениях последней поры, связанных с постмодернистскими изысканиями? Рассматривая роман Моррисона «Возлюбленная», автор эссе ограничивается таким замечанием: «Конечная интерпретация представляется, с одной стороны, необходимой, с другой – возможной (или видимой напе-

ред), даже несмотря на то, что сам роман отказывается предоставлять средства для ее легитимации» [1, с. 135]. В романе «конечной легитимации» нет, но она возможна. На основе чего? Ответить на этот вопрос непросто, но очевидно, речь идет о субъективном своеволии. «Призрачность», «бесконечная пластичность» и тому подобные вещи выдвигаются вместо определенности и ясности. Это и есть новое слово в литературе?

Человека преследуют призраки самого разного рода (прошлого, болезней, родителей, детей и т. д.), поэтому парадокс романа «заключается в том, что если нас что-то и посещает, то лишь обещание будущего без всякого призрака» [1, с. 137]. Неясно, правда, причем здесь «парадокс»: речь идет, скорее, о целеполагании, о некоем позитивном исходе проблем, что спорно. Квинтэссенция авторского подхода Моррисона заключается в следующей фразе: «Место для сомнений, обусловленное присутствием призрака, представляет собой пространство, где можно предъявить претензию, о чем-то поведать, придать новый облик истории» [1, с. 141]. Нельзя не согласиться, что в этом утверждении есть своя логика: я сам формирую и прошлое, и будущее, конечно, учитывая многочисленные влияния извне. В этом смысле я свободен в своем выборе, передо мной открываются безграничные возможности и в этом преимущества как постмодернизма в целом, так и метамодернизма в частности.

Заключение

Завершая краткий анализ, попробуем ответить, что же перед нами за феномен, какова его суть. Чтобы не говорить исключительно общеизвестные вещи (перед нами следствие развития постмодернизма, причем спорное следствие), приведем характеристику такого термина метамодернистов, как «супергибридность». Термин, скорее, политологического свойства, нежели философско-эстетического. «Термин “супергибридность” описывал набор творческих практик, предусматривающих использование огромного количества самых культурных разнообразных источников для создания произведения» [1, с. 151]. Таким образом, речь идет о возможностях Интернета, изучении разнообразных информационных практик.

Здесь много политики. Один пример: обращаясь к событиям на Украине в 2014 и последующие годы, ряд метамодернистов утверждают традиционные клише об агрессивности России, захвате Москвой Крыма и т. д. И примечательно, что, рассказывая о различных событиях и людях, метамодернисты делают верный вывод о том, что надо отличать правду от лжи, фейки от достоверной информации. Весь вопрос в том, что называть правдой, а что ложью – авторы материалов (и метамодернизм в целом) ответа на этот вопрос не дают. Странная вещь: трудно не согласиться, когда читаешь пафосные строки о том, что наши данные можно взломать, за нами можно наблюдать, мы становимся частью «полуавтоматического процесса». Однако ответить на вопрос, как избежать подобного, нет. Перед нами описание самой технологии «супергибридности»: «Это название метода, использующего или эксплуатирующего технологически ускоренные возможности слияния в одной точке различных источников или влияний» [1, с. 178], и с авторским анализом можно в целом соглашаться. Остается наблюдать за данными процессами с целью выявления догматических, тоталитарных концепций общества. Закономерно, что пафос здесь направлен против России. Заме-

тим попутно, что, полемизируя с марксизмом, автор одной из статей замечает: «Раз нет движения к светлому будущему, то нет и неизбежного возврата к темному прошлому» [1, с. 180]. Здесь все недоказуемо: и отрицание движения к светлому будущему (почему бы и нет?), и то, что из первого тезиса вытекает второе утверждение.

Перед нами обычный для метамодернизма симбиоз интересных наблюдений и сложно доказуемых тезисов, попытки найти целостную системную теорию с плохо связанными друг с другом совершенно новыми категориями, интеллектуальная глубина и достаточно спорные суждения, нуждающиеся в дополнительной апробации. Собственно, авторы, придерживающиеся данной теории, сами и не раз отмечали противоречивость своих теоретических построений. Тогда что перед нами – игра ума, ненужное формотворчество или что-то иное? На наш взгляд, перед нами попытка придать новый импульс постмодернистским исканиям, иногда проницательным, чаще – спорным. Ролан Барт как-то заметил, что некоторым буддистам удается в одном бобовом зерне разглядеть целый пейзаж [4, с. 45]. Метамодернизм все же не похож на «бобовое зерно» Р. Барта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аккен, Р. ван дер. Метамодернизм. Историчность. Аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван дер Аккен ; пер. с англ. и вступ. ст. А. В. Павлова. – М. : РИПОЛ классик. – 2020. – 496 с.
2. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – М. : Акад. проект, 2010. – 206 с.
3. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна : сб. пер. и рефератов / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск : Красико-Принт, 1996. – С. 117–137.
4. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; под ред. Г. Косикова. – М. : Акад. проект, 373 с.

REFERENCES

1. Akken, R. van der. Metamodernizm. Istorichnost'. Affiekt i glubina poslie postmodernizma / R. van der Akken ; pier. s angl. i vstup. st. A. V. Pavlova. – M. : RIPOL klassik. – 2020. – 496 s.
2. Svas'jan, K. A. Fienomienologichitskoje poznanije. Propiedevtika i kritika / K. A. Svas'jan. – M. : Akad. projekt, 2010. – 206 s.
3. Dzheimison, F. Postmodernizm, ili Kul'turnaja logika pozdniego kapitalizma / F. Dzheimison // Filosofija epokhi postmoderna : sb. pier. i riefieratov / sost., ried. A. R. Usmanova. – Minsk : Krasiko-Print, 1996. – S. 117–137.
4. Bart, R. S/Z / R. Bart ; pod ried. G. Kosikova. – M. : Akad. projekt, 373 s.

УДК 796.032:316.7«20»

Уладзімір Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievich

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of Teaching Them
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.brest.by

**ТОМАС БАХ: ФІЛАСОФІЯ АЛІМПІЗМУ
Ў САЦЫЯКУЛЬТУРНЫХ РЭАЛІЯХ СУЧАСНАГА ГРАМАДСТВА**

Прэзідэнтатура Томаса Баха ў Міжнародным алімпійскім камітэце прыйшла на вельмі складаны ў шмат якіх аспектах перыяд. Дастаткова толькі пералічыць праблемы, звязаныя з допінгавым злоўжываннем на дзяржаўным узроўні, карупцыйнымі скандаламі ў алімпійскім атачэнні і распаўсюджваннем пандэміі COVID-19. Тым не менш Томас Бах здолеў захаваць і забяспечыць фінансавую стабільнасць МАК, больш за тое, як кіраўнік новай фармацыі, прапанаваў у духу постструктуралізму змяніць падыходы да вызначэння месца і ролі спорту ў сучасным грамадстве. У прыватнасці, ён акцэнтаваў увагу на фундаментальных каштоўнасцях філасофіі алімпізму, што ўвасобілася ў новых рэдакцыях Алімпійскай харты і Этычнага кодэкса. Спорт у інтэрпрэтацыі Томаса Баха паўстае ў якасці ўніверсальнага сродку кансалідацыі людзей у варунках эпідэміялагічнай небяспекі і стварае перспектывы наступнай інтэграцыі грамадства. Маральны складнік спартыўнай дзейнасці, на яго думку, павінен спрыяць замацаванню прынцыпаў Fair play у сістэме алімпійскага руху.

Ключавыя словы: Томас Бах, філасофія, этыка, спорт, алімпізм, каштоўнасці, глабалізацыя, допінг, пандэмія.

Thomas Bach: The Philosophy of Olympism in the Socio-Cultural Realities of Modern Society

Thomas Bach's presidential term in the International Olympic Committee coincided with a very difficult period in many aspects. It is enough just to list the problems that were associated with the system of doping abuse at the state level, corruption scandals in the Olympic environment and the spread of the COVID-19 pandemic. Nevertheless, Thomas Bach managed to preserve and ensure the financial stability of the IOC, and moreover, as the head of the new formation he proposed, in the spirit of post-structuralism, to change approaches to determining the place and role of sports in modern society. In particular, he focused on the fundamental values of the philosophy of Olympism, which was embodied in the new editions of the Olympic Charter and the Code of Ethics. Sport in the interpretation of Thomas Bach manifests itself as a universal means of consolidating people in conditions of epidemiological danger and creates prospects for the subsequent integration of society. The moral component of sports activity, in his opinion, should help contribute to the priority consolidation of the Fair play principles in the system of the Olympic movement.

Key words: Thomas Bach, philosophy, ethics, sport, Olympism, values, globalization, doping, pandemic.

Уводзіны

Нямецкі спартыўны функцыянер Томас Бах (Thomas Bach) быў абраны прэзідэнтам Міжнароднага алімпійскага камітэта 10 верасня 2013 г. на 125-й сесіі МАК у Буэнас-Айрэсе і стаў дзявятым кіраўніком гэтай самай уплывовай спартыўнай няўрадавай арганізацыі на свеце. У заключным туры галасавання ён набраў 49 галасоў, што дало яму неабходную колькасць для перамогі. У выніку ён апыраўся іншых прэтэндэнтаў, сярод якіх былі Сяргей Бубка (Украіна), Рычард Кэрыён (Пуэрта-Рыка), Нг Сэр

Міянг (Сінгапур), Дэніс Освальд (Швейцарыя) і Ву Чынг-куа (Кітайскі Тайбэй).

Томас Бах нарадзіўся 29 снежня 1953 г. у Вюрцбургу, што знаходзіцца на паўночным захадзе федэральнай зямлі Баварыя. Яго бацькі, Марыя і Андрэас, былі прыхільнікамі спорту, і гэта вызначыла лёс сына, які, нягледзячы на захапленне футболам, прыняў пад увагу парады бацькоў заняцца фехтаваннем. Паспехі не прымусілі сябе чакаць. Пасля заваявання медалёў на юніёрскіх першынствах свету 1971 і 1973 гг. Бах перамагаў на чэмпіянаце свету па фехтаванні на рапірах 1977 г. у складзе зборнай

каманды Федэратыўнай Рэспублікі Германіі. Але найвышэйшым яго дасягненнем трэба лічыць тытул алімпійскага чэмпіёна ў камандных спаборніцтвах у гэтым відзе спорту на XXI летніх гульнях 1976 г. у Манрэалі.

Падчас вучобы ва ўніверсітэце Вюрцбурга (права і палітычныя навукі), які ён паспяхова скончыў у 1979 г., Бах спецыялізаваўся ў галіне юрыспрудэнцыі. Пазней, у 1983 г. была напісана і абаронена навуковая праца «The influence of predictions on the jurisprudence of the Federal Constitutional Court» (Уплыў прагнозаў на юрыспрудэнцыю Федэральнага суда), за што ён атрымаў ступень доктара ў галіне юрыдычных навук. У тым жа 1983 г. ён заснаваў сваю юрыдычную фірму і шмат працаваў у якасці дарадцы ў назіральных складах разнастайных арганізацый і міжнародных кампаній. Так, напрыклад, пэўны час ён выконваў абавязкі дырэктара па пытаннях прамоцыі ў фірме Adidas, узначальваў Кансультацыйную раду Федэральнага міністэрства эканомікі Германіі, а таксама на працягу шэрага гадоў супрацоўнічаў з такімі вядомымі кампаніямі, як Michael Weinig AG, Weinig International AG, Melius GmbH, Nürnberger Versicherung AG Austria, Bartec GmbH і інш. У якасці дадатковай асабістай характарыстыкі неабходна адзначыць, што Томас Бах знешне выглядае як ветлівая і кантактная асоба, акрамя таго свабодна валодае нямецкай, англійскай, іспанскай і французскай мовамі.

Актыўная дзейнасць Томаса Баха праявілася таксама і ў тым, што ён не толькі не пакідаў сваёй працы ў галіне права, але з няменшым імпэтам уключыўся ў спартыўнае адміністраванне. Кароткі пералік удзелу у гэтай сістэме дае дастаткова ўяўнае ўражанне пра яго працу ў дадзенай сферы. У першую чаргу трэба адзначыць кіраўніцтва на пасадзе старшыні Камісіі спартоўцаў Нямецкага камітэта па спаборніцтвах Германскай канфедэрацыі спорту (1979–1981), выкананне абавязкаў індывідуальнага члена Нацыянальнага алімпійскага камітэта Германіі (1982–1991), старшыні Апеляцыйнага аддзела Спартыўнага арбітражнага суда (міжнароднага судовага органа, які выносіць прававыя рашэнні, што маюць адносіны да спорту), члена Назіральнай рады Арганізацыйнага камітэта Чэмпіяната свету па

футболе 2006 г., прэзідэнта-заснавальніка (2006), а затым ганаровага прэзідэнта Нямецкай алімпійскай спартыўнай канфедэрацыі, старшыні Апякунскай рады Арганізацыйнага камітэта Чэмпіяната свету па футболе сярод жанчын 2011 г., старшыні (2013) Міжнароднага фонду алімпійскага перамяр'я (заснаваны ў 2000 г. урадам Грэцыі з удзелам МАК дзеля садзейнічання ў распаўсюджванні алімпійскіх ідэалаў праз спорт). Акрамя таго, ён аўтар шэрагу публікацый па пытаннях права, эканомікі і спорту, а таксама ў розных краінах вызначаны як ганаровы прафесар і доктар Honoris Causa.

Не менш імкліва развівалася кар'ера Томаса Баха ў структуры Міжнароднага алімпійскага камітэта. Так, ён прадстаўляў спартсменаў на XI Алімпійскім кангрэсе ў Бадэн-Бадэне яшчэ ў 1981 г. і быў адным з заснавальнікаў Камісіі спартсменаў МАК. У 1991 г. ён становіцца членам Міжнароднага алімпійскага камітэта, затым у 1996 г. выбіраецца членам Выканаўчай рады МАК, а потым у 2000–2013 гг. займае пост віцэ-прэзідэнта МАК і, нарэшце, з 2013 г. узначальвае Міжнародны алімпійскі камітэт у якасці прэзідэнта [16]. З 1977 г. знаходзіцца ў шлюбе з Клаўдзіяй Бах.

Паданая вышэй разгорнутая характарыстыка акрэслівае Томаса Баха як неардынарнага чалавека, які гарманічна спалучае ў сабе дасведчанасць алімпійскага чэмпіёна і спартыўнага адміністратара з практычнай дзейнасцю топ-менеджара ў галіне эканомікі, юрыспрудэнцыі і public relations, а таксама мае навуковую ступень.

Мэта працы. Закцэнтавана ўвага на вызначальнай ролі прэзідэнта МАК як асобы новай фармацыі ў справе актуалізацыі і замацавання фундаментальных філасофскіх прынцыпаў Алімпійскай хартыі ва ўмовах барацьбы з допінгам і пандэміяй COVID-19 у святле сацыяльна-эканамічных і палітычных змяненняў функцыянавання сучаснага грамадства.

Метады даследавання. Падчас напісання артыкула выкарыстоўваліся такія метады даследавання, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых і дакументальных друкаваных крыніц, а таксама вывучэнне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі.

Вынікі і абмеркаванне

Падчас сваёй прэзідэнтуры Томас Бах быў вымушаны прымаць лёсавызначальныя рашэнні, якія былі звязаныя пераважна з допінгавым скандалам у расійскім спорце, распаўсюджваннем пандэміі COVID-19, карупцыяй і ігнараваннем правоў чалавека.

Калі Томас Бах у 38-гадовым узросце быў выбраны членам МАК, то ўжо тады ён карыстаўся рэпутацыяй кампетэнтнага юриста, добрага адміністратара, меў навуковую ступень, вызначаўся высокім узроўнем эрудыцыі, свабодна валодаў некалькімі замежнымі мовамі. Па вялікім рахунку, меліся ўсе падставы, каб стаць лідарам сусветнага спорту. Ён падтрымліваў стратэгію кіравання, якая была распрацаваная яго папярэднікам Жакам Рагэ, і акцэнтаваў увагу на непрымірымай барацьбе з допінгам як найбольшай небяспекай сучаснага спорту [13, с. 70].

Адным з галоўных пастулатаў яго перадвыбарчай кампаніі, якім ён скарыў сэрцы сваіх прыхільнікаў, стаў выраз «Адзінства ў разнастайнасці». Змест гэтага дэвізу змяшчаў такія галоўныя складнікі, як аўтарытэт, устойлівасць і супрацоўніцтва, а таксама адэкватнае разуменне стану эканамічнага, экалагічнага і сацыяльнага аспектаў навакольнага асяроддзя. Постаць Томаса Баха, як адзначае доктар Антоніа Санчас Пата з Каталіцкага ўніверсітэта ў Мурсіі (Іспанія), можна разглядаць у якасці парадыгматычнага прыкладу «падвойнага ўваблення» – транскрыпцыю грэчаскага ідэалу інтэгральнай адукацыі, што акрэсліваецца паняццем «паідэя». Томас Бах здолеў сумясціць грунтоўную акадэмічную падрыхтоўку з бліскавай спартыўнай кар’ерай, што прывяло да паспяховага прафесійнага жыцця. У практыцы сваёй дзейнасці Бах заўсёды надаваў вялікае значэнне сістэме каштоўнасцяў. Ён пастаянна звяртае на гэта ўвагу ў сваіх шматлікіх выступленнях. На яго думку, яны з’яўляюцца менавіта тым, што адрознівае алімпізм ад уласна спорту: гэта філасофія жыцця, якая заахвочвае павагу, сумленную гульню, адданасць справе, самакантроль, дысцыпліну і радасць ад намаганняў уключна з сапраўднай універсальнасцю, адзінствам, інтэграцыяй і міжнародным паразуменнем, што не можа не выклікаць пэўныя асацыяцыі з ідэямі знакамітага французскага грамадскага дзеяча і педагога барона П’ера дэ Кубертэна, намаганнямі

якога былі адроджаныя традыцыі старажытнагрэчаскіх Алімпійскіх гульняў у сучасным іх варыянце [12, с. 156–158]. Таму ён прапаноўвае павялічыць значэнне каштоўнасцяў спорту. Яго грунтоўнае дасведчанне не падвяргаецца сумненню, калі ўзяць пад увагу ранейшую працу ў разнастайных камісіях МАК, напрыклад па спорце і праву, барацьбе з допінгам, тэлевізійных правах і новых сродках масавай інфармацыі, прэсе, маркетынгу, алімпійскім руху і г. д.

Не лішне заўважыць, што хоць Бах нарадзіўся і вырас у Заходняй Германіі, ён у свой час выказаўся супраць палітычнага байкоту XXII летніх Алімпійскіх гульняў 1980 г. у Маскве. Упэўненасць у тым, што праз спорт можна вырашаць шэраг глабальных праблем, прывяла да звароту да Арганізацыі Аб’яднаных Нацый, каб прыняць рэзалюцыю аб неабходнасці захавання «алімпійскага перамір’я» на час правядзення XXXII Гульняў у Токіа. Прыняцце рэзалюцыі аб алімпійскім перамір’і стала сведчаннем падтрымкі Алімпіяды і трактавалася як сапраўдны сімвал міру. Гэтым самым ён яшчэ раз прадэманстраваў сваю адданасць філасофскім прынцыпам алімпізму: «Мэта алімпізму заключаецца ў тым, каб спорт спрыяў гарманічнаму развіццю чалавецтва, садзейнічаў стварэнню мірнага грамадства, якое клапаціцца аб захаванні людскай годнасці» [10, с. 11]. Зразумела, што рэзалюцыя была прынятая адзінагалосна. Праўда, трэба заўсёды прымаць пад увагу сучасныя рэаліі, бо мноства гуманых памкненняў засталіся толькі ў якасці добрых намераў.

Спорт на сучасным этапе свайго развіцця, як, дарэчы, і ўсё сусветнае грамадства, перажывае крызіс. Адной з яго праяў з’яўляецца допінгавы злоўжыванне. У дадзеным выпадку адбываецца не толькі ўсядомленае парушэнне маральных нормаў, назіраецца ўяўная тэндэнцыя ў накірунку да Foul play (несумленнае гульня, махлярства), хоць Этычны кодэкс МАК падкрэслівае, што ўніверсальныя маральныя прынцыпы з’яўляюцца падставай алімпізму, і гэта выяўляецца ў захаванні павагі да алімпійскага духу, які патрабуе ўзаемапаразумення з духам дружбы, салідарнасці і Fair play [3, с. 14].

У перыяд кіравання Томаса Баха адбыўся грандыёзны скандал, звязаны з масавым прымяненнем допінгу спартсменамі Расійскай Федэрацыі. Падставовыя высновы

былі зробленыя канадскім прафесарам Рычардам МакЛаранам з Універсітэта Заходняга Антарыа, старшынёй камісіі Сусветнага антыдопінгавага агенцтва (САДА) па расследаванні абвінавачванняў у допінг-махлярстве на XXII зімовай Алімпіядзе 2014 г. у Сочы, які стаў сусветна вядомым як аўтар знакамітага «даклада МакЛарана», што складаецца з дзвюх частак [14; 15].

Допінгавая праблема ўскладнялася тым, што гэта былі не адзінаковыя выпадкі ўжывання забароненых сродкаў асобнымі спартсменамі. У працэсе расследавання МАК і САДА выявіліся факты, якія немагчыма было абвергнуць, – спонсарства допінгу з боку дзяржавы. Напрыклад, на XXII зімовых Алімпійскіх гульнях 2014 г. у Сочы расійскія атлеты выкарыстоўвалі забароненыя прэпараты, затым іх допінг-пробы падмяняліся ў лабараторыі, дзе павінен быў ажыццяўляцца кантроль. Сведчанні былога кіраўніка Маскоўскай антыдопінгавай лабараторыі доктара Рыгора Родчанкава (пазней атрымаў прытулак у ЗША; з'яўляецца галоўным інфарматарам САДА ў справе допінгу ў расійскім спорце) аб масавым ужыванні расійскімі спартсменамі допінгу на Гульнях у Сочы ўдакладняліся спасылкамі на тое, што асабіста ім быў распрацаваны «адмысловы кактэйль» з трох забароненых стымулятараў, што далей змешваўся з алкаголем. Праз чатыры гады Томас Бах выступіў з правай на цырымоніі адкрыцця XXIII зімовых Алімпійскіх гульняў 2018 г. у паўднёвакарэйскім горадзе Пхёнчхан, дзе заклікаў спартсменаў паважаць правілы і заставацца «чыстымі», што шырока інтэрпрэтавалася як спасылка на расійскі скандал. Ён вымушаны быў зрабіць такую заяву, таму што трапіў пад жорсткую крытыку міжнароднай спартыўнай грамадскасці ў справе дзяржаўнага спонсарства допінгу ў спорце, што перад усім датычылася махлярства ў гэтай галіне з боку Расіі [1].

Сусветнае антыдопінгавае агенцтва адзінагалосна забараніла ўдзел Расіі ў Алімпійскіх гульнях, чэмпіянатах свету і іншых міжнародных спаборніцтвах на чатыры гады. Гэта была рэакцыя спартыўнай супольнасці на допінгавыя маніпуляцыі, якія цягнуцца з 2014 г. Расіянам было прапанавана прывесці ў адпаведны парадак сваю сістэму антыдопінгавага кантролю, але гэта зроблена не было. Тым не менш, згодна з пастано-

вай САДА, «чыстыя» спартсмены Расійскай Федэрацыі, якія пройдуць папярэдні адбор, будуць мець права выступаць у якасці «нейтральных спартоўцаў»: без выкарыстання дзяржаўнага сцяга і гімна [11].

Падчас V Сусветнай канферэнцыі па допінгу ў спорце, якая адбылася 7 лістапада 2019 г. у Катавіцэ (Польшча), было анансавана, што неўзабаве можа з'явіцца новыя эфектыўныя сродкі тэставання генаў, якія стануць перашкодай для ашуканства. Па словах Баха, гэта метады папярэджання допінгавага злоўжывання, якія разлічаны на тое, каб махляры не адчувалі сябе ў бяспецы нідзе і ніколі. Новыя генны тэсты распрацаваны прафесарам Янісам Піціладзісам з універсітэта ў Брайтане (Англія), які спецыялізуецца ў галіне спартыўнай генэтыкі і з'яўляецца членам медыцынскай і навуковай камісіі МАК [4]. Новая тэхналогія дазваляе выявіць допінг у крыві нават праз некалькі месяцаў пасля таго, як ён быў ужыты. На думку Баха, праграма тэставання напярэдадні наступных Алімпійскіх гульняў будзе самай разгалінаванай у гісторыі і накіравана на максімальнае выяўленне забароненых сродкаў, што павінна стаць фактарам стрымлівання для спартсменаў [5]. Дарэчы, МАК ужо ў кастрычніку 2015 г. патрабаваў зрабіць усю антыдопінгавую сістэму незалежнай ад спартыўных арганізацый, а для Алімпійскіх гульняў 2016 г. дэлегіраваў усю сваю сістэму санкцый Спартыўнаму арбітражнаму суду ў Лазане. Сам Томас Бах падкрэслівае, што філасофія алімпізму грунтуецца на абсалютнай нецярпімасці ў адносінах да допінгу, карупцыі і ўсіх відаў маніпуляцыі. Зыходзячы з асабістай дасведчанасці як былога алімпійца і міжнароднага прадстаўніка спартсменаў, ён падтрымлівае прапанову аб пажыццёвай забароне на ўдзел у спаборніцтвах за кожнае ўжыванне спартсменам допінгу. Спартсмены павінны прытрымлівацца прынцыпаў Fair play, таму неабходна забяспечыць справядлівую працэдуру для ўсіх, каб захаваць алімпійскія каштоўнасці [8]. Для павышэння важнасці барацьбы супраць допінгу Правіла 40 Алімпійскай хартыі адмыслова падкрэслівае, што ўдзельнікі Алімпіяды, а менавіта спартсмены, афіцыйныя асобы і персанал каманды, павінны паважаць і выконваць палажэнні не толькі дадзенага дакумента, але і Сусветнага антыдопінгавага кодэкса [10, с. 76].

Яшчэ адной асаблівай праблемай для МАК стала пандэмія COVID-19, якая прымусіла перанесці XXXII летнія Алімпійскія гульні 2020 г. у Токіа. У выніку было прынята беспрэцэдэнтнае рашэнне правесці Алімпіяду з 23 ліпеня па 8 жніўня 2021 г. У лісце-звароце да Алімпійскага руху «Алімпізм і Карона» ад 29 красавіка 2020 г. Томас Бах падкрэсліў, што ўсе мы знаходзімся ва ўмовах глабальнай пандэміі COVID-19 і жывём у даволі нявызначанай сітуацыі, калі толькі пачынаем асэнсоўваць наступствы крызісу каранавіруса на ўсім свеце. Аднак ужо сёння відавочна, што пандэмія значна паўплывала на ўсе сферы жыцця грамадства, і спорт не з’яўляецца выключэннем. Перанос летніх Алімпійскіх гульняў 2020 г. запатрабаваў усталявання антыкрызіснага кіравання, якое патрабуе салідарнасці, творчага падыходу, рашучасці і гнуткасці. Напрыклад, толькі затраты на перанос тэрмінаў правядзення Алімпіяды-2020 у Токіа складаюць сотні мільёнаў амерыканскіх долараў. Прычым пры правядзенні адкладзеных Гульняў неабходна ўлічваць рэкамендацыі Сусветнай арганізацыі аховы здароўя, каб стаць бяспечнымі ў плане здароўя для ўсіх удзельнікаў, а таксама прадеманстраваць адзінства сусветнага грамадства. Алімпійскія гульні ў такой сітуацыі выглядаюць моцным сігналам надзеі ў гэты беспрэцэдэнтны час [7].

У прамове на 136-й сесіі МАК у Лазане 17 ліпеня 2020 г. Т. Бах падкрэсліў, што намаганні МАК у справе супрацьдзеяння пандэміі падтрыманыя не толькі дзяржавамі – членамі ААН, але таксама на ўзроўні лідараў G20 (краіны з найбольш развітой эканомікай, на долю якіх прыходзіцца 85 % сусветнага валавага нацыянальнага прадукта), Рады Еўрапейскага саюзу, СААЗ і інш. Усім прыйдзецца нечым ахвяраваць, і толькі зараз прыходзіць асэнсаванне таго, які сцэнарый развіцця свету будзе дамінаваць пасля пандэміі. На жаль, у некаторых рэгіёнах на розных кантынентах ужо зараз бачныя яўныя прыкметы таго, што грамадства і нацыі больш схіляюцца да эгаізму і карыліваасці. А гэта, у сваю чаргу, павялічвае канфрантацыю і палітызацыю ўсіх бакоў жыцця, у тым ліку культуры, эканомікі, аховы здароўя, навукі, гуманітарнай дапамогі і нават у галіне барацьбы з допінгам [18].

Сёння ніхто не ведае, як будзе выглядаць свет пасля пандэміі. Зразумела, што чакаюцца глыбокія крызісныя тэндэнцыі для грамадства ў цэлым. І гэта таксама датычыцца спорту як сацыяльнага феномена, яго фундаментальных філасофскіх прынцыпаў. Тым не менш ужо цяпер неабходна зрабіць некаторыя прагнозы адносна далейшага развіцця. Томас Бах прэзентуе тры шырокія магчымыя сцэнарыі, якія хоць і не з’яўляюцца вычарпальнымі і наўрад ці рэалізуюцца ў чыстым выглядзе (на што мае ўплыў культурны, нацыянальны і рэгіянальны фон), але маюць магчымасці да ажыццяўлення.

Згодна з першым сцэнарыем, грамадства будзе спрабаваць працягваць функцынаваць, як у дакрызісныя часы. У такім выпадку сітуацыя яшчэ пагоршыцца, сацыяльная і эканамічная няроўнасць павялічыцца. Сусветная супольнасць не зможа выкарыстоўваць ужо выпрацаваныя алгарытмы, напрыклад тыя, што вынайшлі на падставе фінансавага крызісу 2008 г. Зараз жа патрабуецца чалавечае майстэрства, дасведчанасць і творчы падыход іншага кшталту.

Другі сцэнарый выяўляе пагрозу нашмат большага падзелу чалавецтва, узмацнення няроўнасці з усім спектрам сацыяльнай рызыкі, а гэта прывядзе да рэзкага абвастрэння міжнародных адносін, пратэццыянізму і палітычнага супрацьстаяння ва ўсіх аспектах жыцця людзей. Бах падкрэслівае, што ў гэтым супрацьборстве эканоміка, спорт, культура, гуманітарная дапамога ператворацца ў палітычныя інструменты.

Рысы трэцяга сцэнарыя акцэнтуюць увагу на павелічэнне салідарнасці і міжнароднага супрацоўніцтва. Іншымі словамі, будучыня чалавецтва не можа быць у пэўным сэнсе прадказаная ці сфармаваная, калі абапірацца выключна на тэхналогіі. Ні адзін чалавек, ні адзін урад, ні адна нацыя не ўстане вырашыць глабальныя праблемы свету паасобку. Толькі намаганні па справядлівым падзеле цяжкасцяў крызісу паміж людзьмі і краінамі, замацаванне справядлівага сусветнага парадку, падставай якога з’яўляецца супрацоўніцтва, могуць прывесці да стабілізацыі [7]. Алімпійскі рух прымае пад увагу ўсе вышэйназваныя сцэнарыі, улічвае, што яны маюць самае непасрэднае дачыненне да спорту. Таму на падставе галоўных алімпійскіх каштоўнасцяў,

сярод якіх у першую чаргу называюцца мір, салідарнасць, павага і адзінства ва ўсёй яго разнастайнасці, можна зрабіць важны ўнёсак у посткаранавірусны свет. У посткаранавірусным грамадстве сістэма аховы здароўя будзе мець першараднае значэнне, і тым самым павялічваецца роля спорту і фізічнай актыўнасці ў барацьбе з наступствамі пандэміі. Прычым, важна падкрэсліць, спорт – гэта практычна адзіны від сацыяльнай актыўнасці людзей, які аб'ядноўвае іх незалежна ад нацыянальнай, расавай, культурнай, сацыяльнай, палітычнай, рэлігійнай і іншай прыналежнасці.

Адсутнасць дыскрымінацыі таксама з'яўляецца адным з фундаментальных прынцыпаў алімпізму, пра што гаворыцца ў Алімпійскай хартыі. Ажыццяўленне правоў і свабод прадугледжваецца галоўным канстытуцыйным дакументам МАК і павінна забяспечвацца адсутнасцю ўсялякай яе формы: расавага і гандарнага характару, колеру скуры, сексуальнай арыентацыі, мовы, рэлігіі, выказвання палітычнага альбо якога іншага меркавання, нацыянальнага ці сацыяльнага паходжання, наяўнасці маёмасці, нараджэння ці якога іншага статусу [10, с. 12]. Салідарнасць і адсутнасць дыскрымінацыі з'яўляюцца дамінантнымі каштоўнасцямі ў спорце. МАК падтрымлівае тых спартоўцаў, якія іх акцэптуюць, выказваюцца ў іх абарону, дапамагаюць іншым, удзельнічаюць у жыцці сваёй супольнасці.

Разам з тым наспеў час выказацца адносна правіла 50 Алімпійскай хартыі, у якім гаворыцца пра забарону з боку МАК усялякай рэкламы ці публічнага асвятлення мерапрыемстваў (за выключэннем выпадкаў, калі яны афіцыйна дазволены арганізатарамі), што адбываюцца пад эгідай Міжнароднага алімпійскага камітэта ў межах спартыўных аб'ектаў, дзе праводзяцца спаборніцтвы, з мэтай іх камерцыйнага выкарыстання, а таксама не дапускаецца ніякай дэманстрацыі альбо прапаганды палітычнага, рэлігійнага ці расавага характару [10, с. 90]. Важна падкрэсліць, што атлеты ў кожным выпадку маюць мноства магчымасцяў выказаць свае думкі падчас Алімпійскіх гульняў на прэсавых канферэнцыях, у змешаных зонах, сацыяльных сетках, інтэрв'ю, падчас камандных сустрэч і інш. Такім чынам, правіла 50 мае датычэнне толькі да гульнявой пляцоўкі і цырымоній [18].

Ва ўмовах усё большай канфрантацыі і глыбокага крызісу ў свеце на спорт ускладаецца найважнейшая місія па вырашэнні шмат якіх праблем. Людзям неабходная сіла аб'яднання, якую даюць Алімпійскія гульні, што ўвасабляецца ў салідарнасці і чалавечым адзінстве ва ўсёй яго разнастайнасці [18, с. 18].

У прамове 17 ліпеня 2020 г. Томас Бах выказаўся наступным чынам: «Байкоты і дыскрымінацыя па палітычных матывах ці нацыянальнасці зноў уяўляюць сабой рэальную небяспеку... Спартыўны байкот толькі карае спартсменаў краіны, якая байкуе, і пазбаўляе іх людзей магчымасці падзяляць поспех, гонар і радасць сваёй алімпійскай каманды» [6]. Але па вялікім рахунку ён спрабуе прытрымлівацца той самай стратэгіі ў адносінах з патэнцыяльнымі гаспадарамі Гульняў, якую не аднойчы выкарыстоўвалі яго папярэднікі на пасадзе прэзідэнта МАК, як, напрыклад, у 1936 г. Анры дэ Байле-Лятур, па магчымасці пазбягаць адкрытай канфрантацыі.

Маральная праблематыка дзейнасці МАК усё часцей з'яўляецца прадметам разнастайных дыскусій. Абмяркоўваюцца, напрыклад, пытанні, чаму, калі на Гульнях у асноўным бясплатна саборнічаюць дзесяць з паловай тысяч спартсменаў, МАК падпісвае камерцыйныя кантракты на мільярды долараў. Зразумела, што атлеты атрымліваюць свае ганарары ад Нацыянальных алімпійскіх камітэтаў і спонсараў, але іх нельга параўноўваць па велічыні з аплатамі алімпійскіх функцыянераў. МАК працягвае ігнараваць патрабаванні правіла 40 Алімпійскай хартыі, якое рэгулюе ўзаемаадносіны спартсменаў з тымі спонсарамі, што не з'яўляюцца афіцыйна зарэгістраванымі на Гульнях [10, с. 76]. Такім чынам, Міжнародны алімпійскі камітэт абараняе свае фінансавыя інтарэсы, але ў шэрагу выпадкаў менавіта яны (афіцыйна не зарэгістраваныя спонсары) матэрыяльна падтрымліваюць асобных спартсменаў, і атлеты могуць трапіць пад санкцыі проста з-за таго, што публічна выкажуць ім сваю падзяку, напрыклад, у Instagram. Альбо: МАК ахвяруе САДА 15 млн долараў, а кантракт з тэлекампаніяй NBC на паказ Алімпійскіх гульняў у Рыа-дэ-Жанэйра дасягае 1,23 млрд долараў [17].

Адносна палітычнага ўплыву спорту можна сцвярджаць, што ў шэрагу рэгіёнаў свету ён моцна звязаны з нацыяналізмам і пратэктывізмам, а гэта, у сваю чаргу, абвастрае палітычную канфрантацыю. Такая пазіцыя ні ў якім разе не садзейнічае захаванню фундаментальных прынцыпаў алімпізму, стварае небяспеку ў адносінах да алімпійскіх каштоўнасцяў. Умацаванне салядарнасці і ўзаемакарыснае міжнароднае супрацоўніцтва дае больш станоўчыя вынікі, чым палітыка ізаляцыянізму. Алімпійскія гульні ўсведамляюцца як унікальная спартыўная, культурная і сацыяльная падзея, і не павінна быць падстаў, заснаваных на палітычных альбо якіх іншых спрэчных пытаннях, для іх анігіляцыі і дыскрымінацыі ў любой форме [7].

Заклучэнне

Перыяд кіравання Томаса Баха, нягледзячы на шэраг скандальных сітуацый, выглядае як час фінансавай стабільнасці МАК. Было падпісана доўгатэрміновае пагадненне з амерыканскай тэлевізійнай кампаніяй NBC, а таксама з некаторымі іншымі спонсарамі, у тым ліку з кітайскім рознічным гігантам Alibaba. Аднак трэба заўважыць, што зімовыя Алімпійскія гульні ў Пекіне 2022 г. ужо зараз падаюцца новым выпрабаваннем. У сродках масавай інфармацыі пачаліся дыскусіі наконт байкоту спаборніцтваў па прычыне праблемы праў чалавека ў КНР – дыскрымінацыі мусульманскай меншасці ўйгураў і прыцягнення дэмакратычных актывістаў у Ганконгу [6]. Час ад часу прэзідэнта МАК папракалі за тое, што ён не прымаў адпаведных крокаў, каб пазбавіцца ад карупцыі, а таксама меў абвінавачванні за ўдзел у мерапрыемствах ІЕўрапейскіх гульняў у Баку, паводам да чаго было зневажанне правоў чалавека ў Азербайджане [1]. Час прэзідэнтуры Т. Баха быў азмочаны дзяржаўным спонсарствам допінгавай праграмы з боку Расіі на Гульнях у Сочы 2014 г., карупцыйнымі скандаламі ў Алімпіядзе-2016 у Рыа-дэ-Жанэйра. Да ўсяго гэтага дадалася неспрыяльная пандэмічная сітуацыя ва ўсім свеце з прычыны распаўсюджвання COVID-19, што прывяло да адмены Алімпійскіх гульняў у Токіа.

Спорт у сучасным грамадстве з улікам сваёй спецыфікі даўно набыў характар такога грамадскага феномена, які мае рысы

татальнага пранікнення ў розныя сацыяльныя структуры. Зразумела, што гэта таксама датычыцца эканомікі, і калі вызначаць ролю спорту ў справе выхаду з сусветнага крызісу, то на гэтую акалічнасць нельга не звярнуць увагі, і ўрад кожнай краіны павінен скарыстацца яго патэнцыялам. Міжнародны алімпійскі камітэт, які з часоў кіраўніцтва Хуана Антонія Самаранча набыў фінансавую стабільнасць, значную частку сваіх прыбыткаў выкарыстоўвае для падтрымкі і развіцця спорту на ўсім свеце. Асаблівая ўвага надаецца праграме пераўтварэнняў, таму што сацыяльнае асяроддзе мяняецца вельмі хутка, а падтрымка каштоўнасцяў алімпізму накіраваная на тое, каб грамадства стала лепшым. У сувязі з гэтым паўстае новая мэта – прагрэс, які разумеецца як умацаванне спорту ў грамадстве на аснове алімпійскіх каштоўнасцяў. Гэта новая філасофія развіцця: неабходна зразумець, якім чынам алімпіяды могуць быць адаптаваны да сацыяльна-эканамічных і спартыўных зацікаўленасцяў асобных гарадоў ці рэгіёнаў, здольных да пацвярджэння сваёй схільнасці да супрацьстаяння дыскрымінацыі ва ўсіх формах яе праявы і абвясчэння першынства фундаментальных прынцыпаў алімпізму, дзе адным з прыярытэтных накірункаў з'яўляецца этычны складнік [19].

Перыяд кіравання Міжнародным алімпійскім камітэтам Томасам Бахам можна таксама ахарактарызаваць з пункту гледжання змены парадыгмы развіцця, калі значная ўвага стала надавацца сістэме алімпійскіх каштоўнасцяў, на што пастаянна робіцца акцэнт у шматлікіх дакументах, у тым ліку ў захаванні прыярытэтаў фундаментальных філасофскіх прынцыпаў алімпізму.

Новая рэдакцыя Алімпійскай хартыі, прыняцце Этычнага кодэкса, намаганні ў барацьбе з допінгам і карупцыяй, пільная ўвага да праблем з правамі чалавека і г. д. з'яўляюцца сведчаннямі таго, што сусветны спорт усё больш схіляецца да рэалізацыі адпаведнасцяў узорам высакароднага і справядлівага спаборніцтва.

Томас Бах выдатна разумее, што будучыня спорту залежыць ад моладзі, таму неабходна як мага больш цесна звязаць яго з адукацыяй. Спорт фарміруе такую сістэму каштоўнасцяў, якая дазваляе адаптавацца да сацыяльнага асяроддзя, вучыць паважаць правілы і працаваць у камандзе [2]. Патэн-

цяляна цікавым накірункам тут можа стаць больш актыўнае развіццё кіберспорту па прычыне таго, што ён прадугледжвае сацыяльнае дыстанцыяванне. Хоць, з іншага боку, неабходна ўлічваць механізмы кіравання электроннымі і віртуальнымі формамі гэтых новых відаў [7].

Томас Бах пацвярджае свой намер балатавацца на наступны тэрмін, і вельмі верагодна, што ў 2021 г. ён атрымае вотум даверу пасля таго як амаль палова са 100 членаў Міжнароднага алімпійскага камітэта выказала станоўчае стаўленне да яго падчас online-версіі штогадовага пасяджэння ў 2020 г. [9].

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Bach accuses critics of Olympic Movement of ignorance and aggression [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.insidethegames.biz/articles/1057397/bach-accuses-critics-of-olympic-movement-of-ignorance-and-ag>. – Date of access: 10.12.2020.
2. Change or be changed / IOC President Thomas Bach tells IMD alumni [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.imd.org/news/updates/Change-or-be-changed-IOC-President-Thomas-Bach-tells-IMD-alumni/>. – Date of access: 11.12.2020.
3. Ethics / International Olympic Committee // IOC Ethics Commission. – Lausanne : Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 117 p.
4. Gene Testing Set Tokyo 2020. Says IOC Boss Thomas Bach In Anti-Doping Red-Flag Season [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.swimmingworldmagazine.com/news/anti-doping-red-flag-season-gene-testing-set-tokyo-2020-says-ioc-boss-thomas-bach/>. – Date of access: 11.12.2020.
5. IOC president Bach reveals genetic drug-testing may be ready for Olympics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.irishtimes.com/sport/ioc-president-bach-reveals-genetic-drug-testing-may-be-ready-for-olympics-1.4073368>. – Date of access: 11.12.2020.
6. IOC's Thomas Bach warns against Olympic boycotts, ready to run for 2nd term as president [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cbc.ca/sports/olympics/ioc-thomas-bach-election-1.5653234>. – Date of access: 11.12.2020.
7. IOC President Bach writes to Olympic Movement: Olympism and Corona [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympicchannel.com/en/stories/news/detail/ioc-president-bach-writes-olympic-movement-olympism-corona/>. – Date of access: 11.12.2020.
8. IOC president Thomas Bach: No place to hide for drug cheats [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympic.org/news/ioc-president-thomas-bach-no-place-to-hide-for-drug-cheats>. – Date of access: 11.12.2020.
9. IOC's Thomas Bach warns against Olympic boycotts, ready to run for 2nd term as president [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.cbc.ca/sports/olympics/ioc-thomas-bach-election-1.5653234>. – Date of access: 11.12.2020.
10. Olympic Charter (in force as from 26 June 2019) / International Olympic Committee. – Lausanne : Switzerland : International Olympic Committee, 2019. – 106 p.
11. Russia Banned From Competition for 4 Years Over Continuing Doping Scandal [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.voanews.com/europe/russia-banned-competition-4-years-over-continuing-doping-scandal>. – Date of access: 11.12.2020.
12. Sánchez Pato, A. El olimpismo como filosofía de vida. Thomas Bach, paradigma de la carrera dual / A. Sánchez Pato // Cultura, Ciencia y Deporte. – 2015. – Vol. 10, nr 29. – P. 155–160.
13. Słoniewski, M. Wpływ przewodniczących Międzynarodowego Komitetu Olimpijskiego na przemiany w międzynarodowym ruchu olimpijskim po II wojnie światowej / M. Słoniewski. – Kultura fizyczna. – Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. – 2017. – T. XVI. – Nr 1. – S. 47–74.
14. The independent commission report #1 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada_independent_commission_report_-_1_en.pdf. – Date of access: 12.11.2019.

15. The independent commission report #2 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada_independent_commission_report_2_2016_en_rev.pdf. – Date of access: 12.11.2019.

16. The International Olympic Committee. Promote olympism in society. Olympism in action. Speakers [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympic.org/olympism-in-action/speakers/thomas-bach>. – Date of access: 10.12.2020.

17. The IOC has failed to protect its honest athletes in the doping scandal [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2016/jul/31/ioc-russia-doping-athletes-rio-olympics>. – Date of access: 11.12.2020.

18. Thomas Bach President Opening speech to the 136th IOC Session p.2 [Electronic resource]. – Mode of access: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/IOC/Who-We-Are/IOC-Sessions/136-IOC-Session/136-IOC-Session-President-Bach-opening-speech.pdf#_ga=2.201364114.289582370.1613637671-1146030017.1605854609. – Date of access: 18.02.2021.

19. Thomas Bach: We must be the change we want to see [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.insidethegames.biz/articles/1024622/thomas-bach-we-must-be-the-change-we-want-to-see>. – Date of access: 11.12.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.03.2021

УДК 101.8:316.6.13

Артем Викторович Макаревич

аспірант 4-го года обучения каф. философии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Artem Makarevich

Postgraduate the 4th Year at the Department of Philosophy

at the Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: artemmakarevich@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена изучению феномена социокультурной мобильности как одного из видов социальной мобильности, а именно – социокультурной мобильности молодежи, которая является одной из самых динамичных слоев современного общества, в условиях его развития, трансформации и информатизации. Делается вывод, что мобильность является не только важнейшей характеристикой современного социума, но и ключевым аспектом социализации молодого поколения.

Ключевые слова: мобильность, социальная мобильность, социокультурная мобильность, социокультурное пространство, социальная группа, молодежь, социализация, ценности, риски.

Socio-Cultural Mobility of Youth as a Factor in the Development of Modern Society

The article is devoted to the study of the phenomenon of socio-cultural mobility as a type of social mobility. Namely, the socio-cultural mobility of young people, which is one of the most dynamic segments of modern society, in the context of its development, transformation and information. It is concluded that mobility is not only the most important characteristic of modern society, but a key aspect of the socialization of the younger generation.

Key words: mobility, social mobility, socio-cultural mobility, socio-cultural space, social group, youth, socialization, values, risks.

Введение

Ускорение динамики современного социума стало неотъемлемой его чертой, а растущие темпы развития свидетельствуют о том, что данная тенденция сохранится в ближайшей перспективе. Изменения затрагивают все сферы социальной жизни: культуру, науку, экономику, политику. Новации в искусстве, технологии, меняющие уклад жизни человека, новые философские идеи – все это является стимулами общественного развития. Облик общества меняется, меняются его характеристики, стираются границы между разнородными обществами, межкультурная коммуникация благодаря информационным технологиям получила новый виток развития.

Исследователи дают разные интерпретации нового состояния современного социума. Однако все они сходятся во мнении, что общество не просто вступило в но-

вый этап своего развития, но претерпевает кардинальные перемены. Э. Тоффлер называл современное общество информационным, Д. Белл – постиндустриальным, обществом эпохи постмодерна, постсовременным обществом называли его Р. Инглхарт и Ж. Лиотар. У. Бек, З. Бауман отмечали риск как отличительную черту современного социума и называли его обществом риска. Названия современному обществу давались на основе ведущих доминант его развития. Термин Э. Тоффлера «информационное общество» указывает на значительное расширение роли информационных технологий и возросшую скорость обмена информацией, а также возможность доступа к информации. Д. Белл, называя современный социум постиндустриальным, утверждает о неизбежных переменах в экономической сфере, структуре занятости населения и принципах организации труда. У. Бек и З. Бауман, называя современное общество «обществом риска», описывают его способность производить разнообразные риски: экономиче-

Научный руководитель – С. З. Семерник, доктор философских наук, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

ские, техногенные и экологические. Природа и причины возникновения рисков в современном обществе изменились. Человек сталкивается с рисками в своей жизни повсеместно и вынужден противостоять некоторым из них индивидуально.

Экономические изменения, изменения основ производства, вызванные развитием современных технологий, затронули и трудовые отношения между работником и работодателем. В современных условиях все труднее следовать по пути однажды выбранной профессии. Профессиональная карьера отдельно взятого человека становится все менее и менее предсказуемой. Необходимость выбора специальности ставит человека в затруднительное положение, т. к. рынок труда и спектр востребованных профессий все время меняются, создавая самые неожиданные конъюнктурные конфигурации, выдвигая в качестве приоритетных то одну, то другую профессию. Поэтому статус многих профессий существенно меняется. В этих условиях все более ценными в характеристике индивида становятся такие черты, как мобильность и коммуникабельность. Смена сфер деятельности, переезды с одного места жительства на другое стали обыденностью. Человек в таком обществе не соотносит себя с ним, его меньше интересует принадлежность к каким-либо социальным группам, национальное самосознание индивида перестает играть для него главную роль, а выбор жизненных позиций становится индивидуальным делом каждого человека.

Мобильность – одна из важнейших характеристик бытия общества новейшего времени. На сегодняшний день понятие мобильности человека отождествляется с его успехом. Общество в целом задает такие условия, в которых невозможно существовать без умения быстро адаптироваться к новым условиям. Мобильность дает индивиду некое ощущение свободы: выбора, перемещения, принятия решений, не скованных рамками тех или иных условий существования. По мнению британского исследователя З. Баумана, «на первое место среди вожеленных ценностей выдвигается мобильность, т. е. свобода передвижения, этот вечно дефицитный и неравномерно распределяемый товар быстро превращается в главный фактор расслоения нашей позднесовременной или постсовременной

эпохи» [1, с. 11]. Именно мобильность является одной из важнейших ценностей современного социума. С ускорением темпов развития общества феномен мобильности вызывает все больший интерес у исследователей в области социологии, культуры, философии. Изучая наработки ученых по проблеме мобильности, можно выделить некоторые ее виды: профессиональную, академическую, семейно-бытовую, территориальную, экономическую, политическую, духовную, информационную, социокультурную и др.

Важную роль в освещении понятия «мобильность» сыграл русско-американский социолог Питирим Сорокин. Проводя анализ социальной реальности в историческом контексте, П. Сорокин изучал мобильность в условиях разнообразных социальных и культурных систем, охватывая при этом как мелкие, так и крупные суперсистемы. В соответствии со своей моделью социокультурной динамики П. Сорокин выделял различные типы обществ. Используя в качестве критерия типологизации типы мобильности индивида, он выделял подвижные и неподвижные общества. Подвижными обществами Сорокин считал те, в которых индивид без особых социальных препятствий мог перемещаться из одного социального слоя в другой. Рассматривая феномен мобильности, исследователь выделял мобильность вертикальную и горизонтальную. Вертикальной мобильностью считается переход индивида из одной социальной группы в другую, при этом данные группы расположены на разных социальных уровнях. Поэтому переход может быть как восходящий, так и нисходящий. В особо подвижных обществах индивид может совершать переход через несколько уровней вверх либо вниз по социальной лестнице. Такая ситуация характерна для обществ, находящихся на военном положении, переживающих поствоенный период либо развивающихся после кардинальных социальных перемен. Горизонтальное движение индивида подразумевает переход из одной социальной группы в другую, находящуюся с ней на одном социальном уровне. П. Сорокин сравнивал общество с живым организмом. Мобильность ее членов в данном случае он отождествлял с током крови в этом организме, утверждая, что в молодом развива-

ющемся социальном организме циркуляция потоков происходит более интенсивно, чем в обществе устоявшемся, консервативном [2, с. 391]. С точки зрения П. Сорокина, мобильность является средством достижения некоторой цели для членов общества.

Множество классификаций понятия «мобильность», свидетельствует о том, что динамичными стали все формы жизнедеятельности человека. Многие исследователи выделяют понятие мобильности как самостоятельный объект для изучения. Другими словами, в современном обществе произошел процесс институализации мобильности, она стала основным условием его развития, реализации свободы личности, а также фактором, способствующим адаптации индивида в социуме [1; 3].

Зигмунд Бауман в своем труде «Текущая современность» рассматривает не только социальную, но и территориальную мобильность, усматривая в таком виде мобильности одну из форм проявления личной свободы индивида. Описывая переход от «тяжелой современности» к «легкой», исследователь утверждал, что капитал в силу объективных причин, был привязан к определенной территории. Технологии производства требовали нахождения владельца непосредственно рядом с ним. Данную эпоху Бауман называл «тяжелой современностью», связывая этот термин с низкой степенью территориальной мобильности феодалов и производителей. С развитием средств связи и сети Интернет владельцы капиталов стали свободны в выборе своего места нахождения. Капитал, как и общество, стал мобильным, стало возможным управление производством и финансовыми потоками дистанционно. С этой точки зрения правящая элита освободилась от территориальной привязки к своим капиталам и, следовательно, стала более мобильной. С переходом общества к «легкой современности» между понятиями «капитал», «свобода», «мобильность» установилась тесная взаимосвязь. Для повышения мобильности требуется капитал, а для наращивания капитала – мобильность. З. Бауман рассматривал мобильность как особую ценность, которая способна раскрывать скрытый потенциал человека, помогать реализации интересов индивида в обществе [1; 3].

В этой ситуации особое внимание необходимо уделить понятию «социокультурная мобильность», с помощью которого описывается такое явление, как переход (физическое перемещение и/или культурная динамика) индивида из одного социокультурного пространства в другое. Можно выделить ряд характеристик личности, которые способствуют успешному ее переходу из одного социокультурного пространства в другое. Это уровень развития когнитивных способностей, стремление познавать культурные особенности своего народа, а также особенности иных культур, потребность в накоплении знаний, потребность в саморазвитии, умение быстро адаптироваться к иным культурным и социальным нормам, умение эффективно действовать в принципиально иных социокультурных условиях.

Рассматривая феномен «социокультурная мобильность», можно выделить внешнюю социокультурную мобильность и внутреннюю. Внешняя социокультурная мобильность связана со сменой социальной группы, места жительства, места работы, переездом в другую страну и т. д. Внутренняя социокультурная мобильность указывает на изменение ценностных ориентаций личности, ее культурных предпочтений, мировоззрения. Следует отметить, что индивид при переходе из одного социокультурного пространства в другое может принимать ценности как внешнего, так и внутреннего характера, но обязательным их совместное принятие не является. К примеру, социокультурный переход может сопровождаться принятием индивидом только внешней стороны культурного пространства: человек соглашается с устоями и порядками некоторого социума, действует в рамках установленных в нем норм (правил), но внутренне остается приверженцем ценностей социокультурного пространства, выходцем из которого он является [4]. В данном случае мы наблюдаем наличие внешней социокультурной мобильности и отсутствие внутренней. Однако бывают и противоположные примеры, когда индивид, физически находясь в одном социокультурном пространстве, принимает ценности другого: меняет вероисповедание, осваивает язык, знакомится с культурой того социокультурного пространства, в которое он стремится, но в силу жизненных обстоятельств не может

находиться в нем физически. В данном случае мы наблюдаем ярко выраженную внутреннюю мобильность при отсутствии внешней мобильности [5].

Изучая феномен социокультурной мобильности, за основу мы берем переход индивида в иное социокультурное пространство с последующей адаптацией, социализацией и принятием характерных для него ценностей. В этой ситуации особое значение принимает степень однородности и разнородности социокультурных пространств, в которых индивид совершает переход. В достаточной мере однородным пространствам мы относим такие пространства, представители которых разговаривают на одном языке, придерживаются одного и того же вероисповедания и подчиняются одним и тем же правовым и культурным нормам. Такие пространства могут находиться в пределах одной страны или же в пределах одной ее территориальной единицы. Человек может сменить работу, поменять место жительства в пределах своей страны. В данном случае индивид совершает переход из одной социальной группы в другую, которая отличается от исходной, но находится в однородном социокультурном пространстве. Также примерами однородных социокультурных пространств будут являться пространства, находящиеся на территориях разных государств, но представители которых разговаривают на языках, принадлежащих к одной языковой группе и не имеют кардинальных культурных различий (русские, белорусы, украинцы). В некоторой степени однородными социокультурными качествами будут обладать представители одной культурно-языковой общности (славянские народы, народы Кавказа, тюркские народы) [6].

Разнородные социокультурные пространства связаны с различиями в языковой группе, культуре, религии. Крайнюю форму разнородности имеют пространства, относящиеся к разным исторически сложившимся типам цивилизаций (восточная и западная). Переход индивида в таких социокультурных пространствах будет требовать от него высшей степени развитости феномена социокультурной мобильности.

Рассматривая отдельные социальные группы на предмет их мобильности, следует выделить молодежь как один из самых

динамичных слоев общества. Специфика молодежи как особой социальной группы основывается на многих факторах, которые не всегда схожи с факторами развития других социальных групп. Основой развития динамики молодежи является то, что ее представители находятся на этапе своего социального формирования. Их внутренний и внешний потенциал еще не раскрыт ни обществом, ни ими самими. Статус зрелого человека во многом определяется принадлежностью к некоторому профессиональному кругу. Этим определяются действия данного человека в социальной среде, его мировоззренческие ориентиры. У молодого человека процесс профессионального самоопределения не завершен, в большинстве случаев трудности появляются на этапе выбора самой профессии. Небольшой объем социального опыта не позволяет молодому человеку занять устойчивую позицию в обществе [7].

Процессы жизнедеятельности молодежи протекают в условиях динамичного общества, в котором не исключены некоторые риски и угрозы. Тем самым снижается возможность построения прогнозов относительно данного слоя общества не только в далекой, но и в ближайшей перспективе. Совокупность данных факторов вносит некоторую степень неопределенности и нестабильности в жизнь молодого поколения, вступающего в общественные отношения. В обществе, стабильном в социокультурном плане противостояния между поколениями не наблюдается. Молодежь беспрепятственно взаимодействует с людьми зрелого и преклонного возраста. Выстраивается система общепринятых базовых ценностей, которая принимается всеми поколениями. Плавный межгенерационный переход индивида из молодого возраста в зрелый свидетельствует об успешной социализации молодых людей в данном обществе. Такое общество способно менять некоторые из своих характеристик, однако сохраняется достаточно высокий уровень преемственности между старшим и младшим поколениями. И, напротив, в ситуации социокультурной нестабильности и повышения социальных рисков нормы и ценности, взятые за основы старшим поколением, ставятся под сомнение младшим поколением, нарушается нормальное межгенерационное взаимодей-

вие, ценности отцов подвергаются переоценке детьми, возникает конфликт поколений, происходит дезориентация молодежи в отношении выбора направлений собственного развития.

Развитие молодежи рассматривается как процесс приобретения ею новых социальных качеств в ходе ее социализации. В данном случае сам процесс социализации выступает как одна из форм мобильности молодежи. Для молодого человека это выражается в стремлении занять значимое место в социальной группе сверстников, которая служит для него своеобразным источником формирования социокультурных норм и ценностных ориентиров. Невозможность занять желаемое место в референтной группе вызывает у молодого человека глубинный разрыв с социальной действительностью. В этом возрасте у человека происходит процесс профессионального самоопределения, поиска своего места в обществе. Повышенный интерес вызывают профессии с высоким уровнем заработка, престиж которых основан на общественном признании. Средства массовой информации, Интернет, телевидение активно навязывают молодому человеку определенный образ, путь, по которому он должен следовать [8]. Установка на достижение материального благополучия играет огромную роль в профессиональном выборе. Молодые люди стараются выбрать профессию с потенциально высоким уровнем оплаты труда, забывая про самореализацию и творчество в своей трудовой деятельности. Отсутствие возможности получить такую «престижную» профессию ведет к разочарованию в себе. Эта ситуация усугубляется высокой конкуренцией среди молодежи на рынке труда. Тем самым молодежь является уязвимой социальной группой, подверженной риску социального отчуждения, но даже в условиях благоприятных для социально-профессионального становления, молодежь подвержена риску, который связан прежде всего с ограничениями ее вертикальной мобильности. Социальные барьеры карьерного роста, с которыми сталкивается молодежь, стимулируют ее к решительным, сопряженным с риском действиям. Возможность вертикальной мобильности способствует успешной

социализации молодого человека, и, напротив, молодежь, не сумевшая реализовать себя в социуме, склонна пойти по пути пренебрежения правовыми и нравственными нормами. У молодого человека формируется состояние внутренней и внешней неопределенности. Индивид принимает попытки выйти из данного состояния, но вероятность неуспеха достаточно высока. Возрастающие риски во многих случаях сопряжены с угрозами для молодежи в построении семьи, карьеры и невозможности достижения стабильного материального положения.

Заключение

Современное общество вступило в новый этап своего развития. Поэтому в условиях трансформации социума такие характеристики индивида, как мобильность и коммуникабельность, являются доминирующими. В такой ситуации изучение понятия мобильности индивида является наиболее важным условием понимания происходящих процессов. Среди видов социальной мобильности наибольший интерес представляет социокультурная мобильность, которая может быть определена как переход индивида из одного социокультурного пространства в другое. Следует разграничивать социокультурные пространства по степени их однородности и разнородности в зависимости от устоявшихся социальных и культурных ценностей данных пространств.

Молодежь среди других социальных групп выделяется наиболее высокой степенью динамичности. Ее представители находятся на этапе своего социального формирования, закрепления ценностных ориентиров, и в данной связи поведение молодежи является слабопрогнозируемым и иногда непредсказуемым, что затрудняет формирование определенных оценок данной социальной группы. Социализация молодежи рассматривается как процесс развития, в ходе которого она приобретает новые социальные качества, а сам процесс социализации выступает как одна из форм мобильности.

Таким образом, социокультурная мобильность молодежи является важнейшим фактором развития социума, вне понимания специфики которого невозможно благополучное развитие социума и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.
2. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. А. Ю. Союмонова ; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Бауман, З. Текущая современность : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. В. Ю. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. Луков, В. А. «Хорошее общество» и «цифровое общество» / В. А. Луков // Горизонты гуманитар. знания. – 2019. – № 3. – С. 4.
5. Голубева, О. Ю. Духовно-нравственное развитие личности в социокультурном пространстве средствами психологического тренинга // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 58–64.
6. Орлова, Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2017. – № 7. – С. 149.
7. Савастыина, А. А. Социальная активность молодежи как условие динамичного развития общества [Электронный ресурс] / А. А. Савастыина, Л. Б. Осипова // Современ. проблемы науки и образования. – 2015. – № 2, ч. 2. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22320>. – Дата доступа: 05.11.2020.
8. Купчинова, Т. В. Молодежь в информационном пространстве / Т. В. Купчинова // Веб-программирование и интернет-технологии WebConf 2015 : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–14 мая 2015 г. – Минск, 2015. – С. 120–121.

REFERENCES

1. Bauman, Z. Globalizacija. Posljedstvija dlia chielovieka i obshchiestva : pier. s angl. / Z. Bauman. – M. : Vies' Mir, 2004. – 188 s.
2. Sorokin, P. A. Chieloviek. Civilizacija. Obshchiestvo / P. A. Sorokin obshch. ried., sost. A. Yu. Sojumonova ; pier. s angl. S. A. Sidorienko. – M. : Politizdat, 1992. – 543 s.
3. Bauman, Z. Tiekuchaja sovriemiennost' : pier. s angl. / Z. Bauman ; pod ried. V. Yu. Asochakova. – SPb. : Piter, 2008. – 240 s.
4. Lukov, V. A. «Khorosheje obshchiestvo» i «cifrovoje obshchiestvo» / V. A. Lukov // Gori-zonty gumanitar. znaniya. – 2019. – № 3. – S. 4.
5. Golubieva O. Yu. Dukhovno-nravstviennoje razvitije lichnosti v sociocul'turnom prostranstvie sriedstvami psikhologichieskogo trieninga // Uchion. zap. Krym. fiedier. un-ta im. V. I. Vier-nad'skogo. – 2018. – № 4 (70). – S. 58–64.
6. Orlova, Ye. V. Sociocul'turnoje prostranstvo: k opriedielieniju poniatija / Ye. V. Orlova // Ist., filos., polit. i jurid. nauki, kul'turologija i iskusstvoviedienije. Vopr. tieorii i praktiki. – 2017. – № 7. – S. 149.
7. Savast'ina, A. A. Social'naja aktivnost' molodiozhi kak uslovije dinamichieskogo razvitijz obshchiestva [Eliكتروнный ресурс] / A. A. Savast'ina, L. B. Osipova // Sovriem. problimy obrazovaniya. – 2015. – № 2, Ch. 2. – Riezhim dostupa: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22320>. – Data dostupa: 05.11.2020.
8. Kupchinova, T. V. Molodiozh v informacijnom prostranstvie / T. V. Kupchinova // Web-programmirovaniye i internet-tiekhnologii WebConf 2015 : matierialy III Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 12–14 maja 2015 g. – Minsk, 2015. – S. 120–121.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 29.03.2021

УДК 574: 331. 102312 + 373.5

Сергей Петрович Онуприенко

*д-р филос. наук, ведущий науч. сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Sergej Onuprienko

*Doctor of Philosophical Science, Leading Researcher of the Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: centr.evrissl@yandex.by

ТЕНДЕНЦИИ КРЕАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Проанализированы определяющие тенденции креативного развития современного общества в контексте актуальных проблем становления действенно-познавательных характеристик белорусской молодежи. Особое внимание уделено методам формирования эколого-мировоззренческих ориентаций в молодежной среде, включая контингент учащейся молодежи.

Ключевые слова: *креативность, антропогенный фактор, выживание человека, акселерация, ретардация, психофизиологическое развитие, аукология, экологическая безопасность, эколого-мировоззренческие ориентации, белорусская молодежь.*

Creative Development Trends in the Shaping of the Formation of Environmental-Worldview Attitudes of Belarusian Youth

The article analyzes the defining tendencies of the creative development of modern society in the context of topical problems of the formation of effective and cognitive characteristics of the Belarusian youth. Particular attention is paid to the methods of forming ecological and world outlook orientations in the youth environment, including the contingent of school youth.

Key words: *creativity, anthropogenic factor, human survival, acceleration, retardation, psychophysiological development, auxology, environmental safety, ecological and ideological orientations, Belarusian youth.*

Введение

Среди многообразия факторов, определяющих основные тенденции развития современной цивилизации и природного окружения, первостепенное место по праву отводится антропогенным факторам. Именно они достаточно интенсивно (всего за 30–40 лет!) способствовали кардинальному изменению природного облика нашей планеты, а также образа, стиля, качества жизни большинства современных обществ. Уместно кратко их напомнить:

1) устойчивая тенденция неуклонного роста населения Земли, что способствует увеличению масштабов и плотности проживания людей;

2) сокращение ареала обитания и произрастания представителей дикой природы, что неизбежно приводит к закономерному уменьшению и деструкции их популяционных генотипов;

3) сокращение пищевых ресурсов для человека и особей животного и растительного мира.

Этот перечень доминирующих факторов (доминант) современности можно и далее продлевать, причем их характеристики все отчетливее наполняются негативным для биосферы и человека, регрессивным содержанием. Именно по этим причинам особенностью первой четверти XXI в. является, вне всякого сомнения, периодичность всякого рода, уровня, направленности, глубины всевозможных кризисных экологических явлений.

Естественно, в этих условиях каждый здравомыслящий представитель общества и в более широком понимании – мирового сообщества – имплицитно или аналитически осознанным путем приходит к выводу о разработке неотложных мер по стабилизации многофакторных и одновременно единоподобных способов выживания человека и природы. В этой связи необходимо учитывать фактор креативности, пронизывающей все уровни биологических структур материального мира. В отличие от любого предшествующего этапа развития цивилизации все уровни экобезопасности

именно в XXI в., включая механизмы активизации растительного и животного мира, закономерно содержат психофизиологические функции человека, которые в своей основе имеют доминирующую тенденцию креативного развития. В переводе с английского языка *to create* означает 'создавать, творить, порождать'. В научном понимании это символизирует творческий процесс, созидательные принципы, способность к аналитико-синтезирующей деятельности, поиску новых открытий, начал, прогрессивных истоков бытия. Согласно словарю Вебстера, замечает белорусский экономист В. Журавлёв, креативность – способность создавать новые значимые формы, в более широком смысле – процесс выявления скрытых возможностей и их творческое применение в определенной области [1, с. 67].

В современных условиях первостепенной задачей структур белорусского образования является как системно-методологическое, так и методико-практическое рассмотрение и программное применение методов креативного познания в среде учащейся молодежи нашей страны.

В разные исторические периоды креативность способствовала решению достаточно разноплановых задач, но обязательно с творческим, нестандартным акцентом эпохальных пространственно-временных традиций. Например, в Античности и Средневековье креативность занимала доминирующие позиции в искусстве, логике, описании небесных сфер. С XVII вплоть до середины XIX в. она встречается в трудах анатомов, алхимиков, мореплавателей и ученых. Вторая половина XIX в. – время научно-технических открытий, а с середины XX в. – технико-технологических и методолого-гуманитарных инноваций. В наше время креативность – составляющая единого процесса повсеместного созидания и одновременно – навигатор путей и методов выживания в глобализирующемся мире.

Попытаемся проанализировать характер фактора креативности с позиций понимания его содержания через специфику детско-молодежного восприятия. В качестве респондентов отобрано путем 10 %-ной выборки не менее ста учащихся старших классов трех общеобразовательных учебных заведений г. Минска в возрасте 14–16 лет. Резуль-

таты опроса определились следующим образом:

1. «Креативный подход – главный двигатель безопасности человека и сохранения его здоровья» – 38 %;

2. «Креативный подход – основа экологозащитных мер в природе» – 24 %;

3. «Креативный фактор – доминирующий механизм формирования гуманных взглядов современных людей» – 16 %;

4. «Креативность не может заставить людей отказаться от жадности и расхищения природных богатств» – 16 %;

5. «Затрудняюсь ответить» – 6 %.

Результаты опроса со всей очевидностью (более 90 % респондентов) свидетельствуют о положительных тенденциях понимания феномена креативности и его роли в становлении эколого-познавательных ориентаций учащейся молодежи.

Многие ученые (например, В. Журавлёв) отмечают некий параллелизм креативности и интеллекта, полагая, что интеллект – это способность анализировать, обрабатывать и усваивать большие объемы информации. Креативность они определяют как способность с помощью синтеза различных элементов создавать новые значимые знания и формы, имеющие большой социально-экономический эффект.

Во-первых, следует отличать свойство высокоорганизованной материи или психики (в данном случае это и есть интеллект), заключающееся в возможности осуществления логико-рациональной, чувственно-эмоциональной и иной деятельности. Что же касается креативности, то здесь, скорее всего, имеется в виду один из методов, способов, подходов в реализации интеллектуального потенциала, деятельности, целевых установок и т. п. Среди методов креативно-действенного характера можно выделить следующие: системность, структурность, целостность, иерархичность, взаимообусловленность, причинность и т. д.

Во-вторых, было бы наивно полагать, что креативная (а именно творчески созидательная деятельность) строится исключительно на основе синтеза логико-методологических структур. Как известно, без анализа не может быть синтеза и наоборот. Таким образом, креативность включает оба этих метода, но практика научного исследования

отводит первичную роль именно анализу, а завершающую – синтезу.

Британский экономист Т. Амайстайл, его коллега М. Тринг и др. выделяют три доминирующих принципа креативности, определяющих стратегию безопасности человека XXI в., что в целом созвучно целевым установкам белорусской молодежи. Среди отмеченных факторов следует обратить внимание на следующие:

1) компетенция – знания, навыки, опыт;
2) творческое мышление – гибкость, изобретательность и настойчивость в поиске решения, использование методов креативного менеджмента;

3) мотивация: внутренняя – личная заинтересованность в решении проблемы, стремление к самореализации и применению своих знаний и внешняя – материальные поощрения и продвижения по службе [2, с. 101–113].

В число перечисленных предпосылок целесообразно добавить прогностическое предвидение результатов собственной деятельности, имеющее социально значимые цели в противоположность узко прагматическим ориентациям многих наших соотечественников, особенно представителей молодого поколения. Как считает сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси Е. Б. Палховская, белорусы (более 70 % респондентов) четко ориентируются на заработок, хорошие условия труда и психологически устойчивую комфортную атмосферу непосредственно по месту работы. По-видимому, исходя из вышеназванных ориентаций в нашей стране темпы прироста численности работников в сферах, связанных с инновационно-креативной экономикой, остаются крайне низкими (1–2 % против 6–7 в развитых странах) [3].

На наш взгляд, суть негативных тенденций в обеспечении безопасности граждан в чрезмерном ориентировании структур образовательно-воспитательного характера именно в этом. Неоднократное предписывание мер, требований о том, как и кому надо поступать, каким образом решать и даже как правильно строить логику рассуждения об этом, приводит к противоположному результату. Фактически наши соотечественники, и прежде всего молодые люди, перестают адекватно реагировать на эти приказы, пожелания, советы, тем самым форми-

руя предпосылки безответственного отношения. Именно по этой причине феномен креативности в эколого-социальной сфере целесообразно строить не только и не столько на методологических и деятельностно-методических принципах безопасности, но и на принципах оценочно-нравственного, социально-ответственного анализа собственного поведения и реальных возможностей в достижении поставленных целей. Отсюда конкретизируются принципы социоэкологической сферы:

1) изменение установки целевого поиска с жестко технологических методов познания к гуманитарно-искусствоведческим, а значит, более мобильным, диалектическим (с элементами интуитивного прозрения, психолого-социологическими методиками и т. д.), динамическим способам многофункционального становления нового мышления;

2) анализ эффективности системы вариантов, непосредственно включенных наряду с базовыми показателями невключенных исследований в области активизации креативных методических подходов;

3) перестройка косных бюрократических экономико-правовых ориентиров и выдвигание системно-мобильных нестандартных подходов с учетом оперативного юридического обеспечения (замена принципа самооправдания деятельностно-ситуативной конкретизации и оперативности выбора цели);

4) насыщение структур системы образования, особенно по отношению к общеобразовательной школе, практико-ориентированными, креативными методиками обучения и воспитания, например, деловыми играми, ситуативно-психологическими тренингами и т. д.

Таким образом, креативная составляющая в содержании формирования конструктивных подходов в деле становления эколого-мировоззренческих ориентаций современных молодых людей строится следующим образом:

1) поиск и предварительный анализ экологосодержащей проблемы;

2) выборка и определение цели предстоящего изучения;

3) разработка гипотезы объекта и предмета исследования;

4) ознакомление с литературой: печатными, электронными и иного рода информационными источниками;

5) анализ степени разработанности теоретико-методологических и методических разработок в русле изучаемой проблематики;

6) постановка стратегических и тактических задач поэтапного анализа поступающей информации;

7) составление проект-плана работы;

8) сбор информационных данных и формирование на этой основе собственного концептуального видения проблемы исследования;

9) апробационные мероприятия по теме исследования;

10) систематизация, группировка, ранжирование конкретно-статистических и иных материалов;

11) обобщение и выводы по теме;

12) составление перечня рекомендаций по итогам исследовательской работы.

Рассматривая фактор креативности, необходимо учитывать главное – его социальную направленность, структура которого представляется следующим образом:

1) социальное целеполагание;

2) социальная апробация;

3) социальная аналитико-синтезирующая доминанта;

4) социальная результативность через внедрение в структуры социальной среды.

Вывод: в креативности изначально заложена функция поэтапного накопления, систематизации, т. е. реального приращения знаний, не исключая ошибок и просчетов и фокусируя генеральную линию деятельности на постоянный поиск оптимальных вариантов теоретико-методологического и методико-практического освоения природного и техно-социального мира нашего времени.

Наиболее явно процесс креативности проявляется в сферах экологической безопасности популяций растительного и животного мира, где неизмеримо возрастает роль человеческого фактора. В наше время как никогда становятся заметными даже незначительные просчеты, например в агрохозяйственной, научно-производственной, лесовосстановительной, градоозеленительной работе. Казалось бы, креативность как метод выживания человека и живой природы в условиях всеразрастающегося глобального экологического кризиса, можно сказать, «оживлена» в процессы облагораживания мест проживания и работы людей. В ней заключены безмерные возможности мето-

дологического проектирования и методико-практических расчетов для нашего творческого поиска и реализации гуманных замыслов. К сожалению, именно в этом направлении имеют место самые серьезные нарушения биолого-регенерационного комплекса осуществляемых мероприятий.

В контексте ответственного отношения к природной среде креативность проявляется в следующих принципах:

1) системный подход к вопросам проведения профилактических мероприятий, способствующих сохранению видовой разнообразия растительного и животного мира;

2) учет естественной субординационной последовательности климатических, температурных, вегетативных процессов окружающей среды и ориентации человека на строгое соблюдение этих параметров;

3) отказ от практики постоянной перестройки социально-экологических программ в интересах их стабилизации, исполнения их исключительно в соответствии с законами природы;

4) активизация механизмов адаптации человека к процессам природы на основе глубинного мониторингового анализа биогенетических и поведенческих особенностей животных и растений;

5) реструктуризация целевых установок государственных социальных институтов на формирование позитивных экологических ценностей у населения, главным образом у детей и молодежи, путем разработки конструктивных мер поэтапного становления самых необходимых для человека экоориентаций, экоинтересов, экопотребностей, перестройки потребительского ценностного отношения человека к миру и более жестких требований к своему поведению в нем;

6) синусоидальный характер протекания биолого-физиологических процессов, что требует от ученых, во-первых, отказа от абсолютизации результатов исследований; во-вторых, перевода инструментариев научного поиска преимущественно в полевые условия диагностики в противовес ныне доминирующим методам «чистого», лабораторного анализа.

Учитывая вышеотмеченные признаки, на повестку дня мирового сообщества встают проблемы учета разнообразных аспектов интеллектуально-физической стабиль-

лизации самого человека, его экологической безопасности, характеризующих генеральную линию в системе актуальных мер стабилизации эколого-социальных отношений в обществе XXI столетия.

В чем сконцентрировано методологическое содержание этих поисков в контексте экологической безопасности первой четверти нынешнего века? На мой взгляд, цель исследовательской работы в данной сфере деятельности определяется инновационными методами креативной оптимизации разрешения психофизиологических проблем современности, которые онтологично и когнитивно обусловлены культурно-антропологическими подходами, разработанными в свое время Я. А. Коменским, И. Песталлоцци, Л. Пастером, К. Лоренцом и иными мыслителями прошлого.

Следует заметить, что небывалый рост различных по степени сложности и опасности заболеваний людей в своей основе исходит из дестабилизирующих социально-экологических факторов. Сюда с полным правом логично отнести следующие рецидивы человеческой нестабильности:

- 1) несбалансированное, нерациональное питание;
- 2) нервное перенапряжение;
- 3) постоянно растущие умственные нагрузки;
- 4) отсутствие перманентных физических, волевых усилий, с необходимостью вызывающих состояние компенсаторных активизаций;
- 5) эмоциональная неустойчивость индивидуального психовосприятия окружающей реальности и др.

Вышеназванные факторы, по существу, являются главными нашими субъективными, «внутрисущностными» виновниками дестабилизационных тенденций индустриальной эпохи.

В этой связи можно привести некоторые статистические показатели, характеризующие психологическую нестабильность современного мира. Например, по данным известного издания «American journal of Psychology», более 70 % населения США пережили не менее одного серьезного психического срыва и нуждаются в консультациях, наблюдении, лечении у психиатров, психотерапевтов, психоаналитиков и иных специалистов в сфере душевного здоровья.

Но это лишь одна сторона проблемы, так сказать, надводная часть всей многогранной структуры айсберга психофизиологического развития человека современной эпохи. Отсюда уместен вполне резонный вопрос: каковы тенденции и предполагаемые результаты изменения физиолого-антропологической системы нашего организма в условиях эколого-экономического кризиса нынешнего мира?

По мнению авторов упомянутого американского научного издания, структурно-функциональные колебания в организме под воздействием многочисленных внешних и внутренних факторов фактически осуществляются по меньшей мере в двух прогнозируемых направлениях:

1) стабильно возрастающие деструктивные изменения устойчивой (в продолжение многих тысячелетий эволюции) системно-функциональной организации определяют характер нестабильности всего костно-мышечного механизма сбалансированности, что неизбежно дестабилизирует работу иммунной системы и последовательно приводит к летальному исходу живых тканей, прежде всего спинного и головного мозга;

2) имеющие место поэтапные изменения психофизиомодуля человека позволяют и далее активизировать усилия его организма, постоянно повышать соответствующую планку допустимых степеней интеллектуально-физических нагрузок, что способствует кардинальному перестраиванию биолого-антропологической программы регенерации тканей. Данная мера фактически предопределяет формирование новых физиологических, эмоционально-антропологических, интеллектуальных параметров сознания и соответствующих признаков телесной структуры у людей последующих поколений.

Перспектива второго направления остается единственным, безальтернативным вариантом выживания для наших потомков. Есть, правда, и иные варианты сохранения человеческого генотипа, связанные с освоением космического пространства. Многие из идей, представленных в произведениях Р. Шекли, А. Днепрова, А. Беляева, кажутся чрезмерно фантастическими. Вместе с тем известный представитель русского космизма гелиобиолог А. Л. Чижевский в своих трудах напоминает о нереальных сегодня,

но вполне осуществимых в будущем возможностях переселения человечества на иные планеты, что позволит, на его взгляд, оставить навсегда непригодный для людей климат умирающей Земли, а с ним и сопутствующие ему болезни [4, с. 74–121]. В самом деле, начиная жизнь на новом месте, по-видимому, целесообразно учесть опыт прошлых тысячелетий, оградить наших последователей от многих бед прошлых поколений. В этом случае антрополого-физиологические стабилизирующие качества также будет легче сохранить или реанимировать, регулировать разумные направления интеллектуально-эмоционального и физиологического становления генно-адаптационного механизма будущего. Данные проблемы требуют продуманного подхода с учетом статистических данных и аргументированно обоснованных методов эколого-мониторинговых исследований.

Суть проблемы заключается прежде всего в комплексном теоретико-методологическом анализе особенностей современных людей, причем начинать изучение следует с рассмотрения биолого-онтологических оснований наших современников. Иными словами, требуется концептуальная систематизация процессов динамики физиологической структуры организма.

Так, известный американский специалист в области пищевых ресурсов С. Шеннон [5] отмечает, что люди XXI и последующих столетий станут гораздо выше ростом и тучнее, что потребует искать новые источники питания, т. к. обычная пища их не устроит и им надо будет питаться не мене 5–6 раз в сутки в соизмерении с традиционными средними параметрами меню и весом продуктов, потребляемых нами на завтрак, обед, ужин. Все это потребует по меньшей мере дополнительно 20–35 % питательных веществ, которых и в нынешнем мире не хватает для прокорма человечества. Кроме того, потребуются больше одежды, большие размеры обуви для Нотогигантов, да и размеры обычных квартир, автомобилей, иных средств передвижения вряд ли смогут отвечать физическим параметрам людей будущего. Откуда взять все это? Чем заменить недостающее в питании и повседневной жизни? Данные замечания нельзя отвергать сплеча, полагая их нелепыми или относя к категории скептических, перестра-

ховочных домыслов. В самом деле, всякого рода изменения в облике людей, которые мы на сегодняшний день не можем понять и обосновать не только исходя из уровня развития нынешней науки, но и обыденных наблюдений, – все это требует дополнительного комплексного антрополого-физиологического мониторингового изучения, на что требуются значительные временные и финансовые затраты ученых и всех государственных инстанций.

По мнению известных европейских и белорусских антропологов (Н. Волянского, С. Белой, Н. Тымановича, Г. Веренич, Л. Тегако и др. исследователей в области ауксологии*), процессы акселеризации и ретардации с необходимостью соответствуют уровню физиологического развития наших детей и внуков, начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Это объясняется синусоидальными тенденциями диалектики развития наших современников на рубеже XX и XXI вв. Именно по этим, еще не достаточно выясненным причинам процесс всеобщей акселерационной направленности не может продолжаться долго, не более 20–30 лет; в противном случае анатомо-физиологические изменения обрели бы характер необратимости и последствия оказались бы катастрофическими для вновь рождающихся и всех цивилизационных структур.

Синусоида активизации и подъема в форме акселерационного развития (1960–80-х гг.) сменилась ретардационным спадом, устойчивым равновесием и снижением ряда антрополого-физиологических показателей в 1990-х гг. Динамика этих показателей красноречиво свидетельствует об относительности эволюционно-антропологических процессов у детей и молодежи, свойственных закономерным тенденциям их психоинтеллектуального развития.

Не вызывает сомнений очевидный факт: наши дети обретают черты взрослых не в 16–18 лет, как это было еще 15–20 лет назад, а по меньшей мере на 3–5 лет раньше. Учитывая психологические установки

*Ауксология – раздел возрастной антропологии, изучающий закономерности роста и развития человека в норме и при различных патологических состояниях. Этот термин (от греч. *αιχμαπο* 'расти') применяется и в других биологических дисциплинах для характеристики разнообразных свойств ростового процесса биосферы.

нынешней молодежи на самостоятельность в принятии жизненно важных решений, независимость в выборе друзей, характера поведения, символики, политических и профессиональных ориентаций, а также раннее включение подростков в сексуально-интимные отношения, желание иметь и свободно распоряжаться собственными деньгами, стремление их зарабатывать, следует взрослому оценивать их мечты и поступки.

На наш взгляд, неразумно слепо повторствовать увлечениям, склонностям молодых, закрывать глаза на вредные привычки. Вместе с тем в каждом нашем ребенке надо видеть самостоятельную личность, учитывать новые тенденции, понять, что современный подросток обретает облик мужчины уже в 13–15 лет, а не в 17–19, как это было в 60–70-е гг. прошлого века, времена юности их отцов.

Именно школа должна быть первичной ступенью их социально-квалификационного роста, закладывая фундамент взросления и одновременно решения целого комплекса проблем, включая активизацию демографического подъема молодой смены наперекор прогнозам демографов стареющей Европы.

Учитывая пожелания и предложения самих учащихся 12–13 лет (7–8 классы), целесообразно их включить в систему углубленного профессионально-технического обучения с целью приобретения востребованных в стране рабочих профессий производственно-технологических циклов. По завершении обучения, параллельно с аттестатом зрелости выдавать не малозначительную справку, а документы, подтверждающие класс специалиста.

Именно эта методика позволяет подростку становиться взрослым, задуматься о своем будущем, о поддержании семейного очага, научит знать, уметь, зарабатывать, учитывать и оценивать просчеты и достижения, поможет сформировать гражданскую позицию ответственности личности. Подобная методика окажет положительное воздействие на судьбу «школяра», подготавливая психологическую и материальную базу в планировании дальнейшей вузовской подготовки из расчета самостоятельной оплаты за обучение. В этом и состоит проверенная жизненная методика становления облика современной молодежи, что и опре-

деляет сущность психофизиологических факторов преодоления кризисных явлений индустриальной эпохи. В этой связи целесообразно решение демографических вопросов начинать с азов экологической культуры непосредственно в стенах средней общеобразовательной школы.

Например, весьма эффективно введение, на первых порах факультативно, дисциплины «Дружба, любовь, семья», в процессе преподавания которой следовало бы определить психолого-темпераментальные характеристики учащихся конкретного класса, учебной группы и т. д. и доступно разъяснить им о наиболее благоприятных психологических, физиологических и других взаимоотношениях молодых людей. Здесь уместно акцентировать внимание на психофизиологической специфике организма конкретного человека, ориентации на дружбу, любовь, материнство, семейно-брачные, гражданско-процессуальные отношения с учетом особенностей темперамента, характера поведения, склонностей и интересов каждого ученика. Эту дисциплину желательно преподавать начиная с 8–9 классов в пределах 30 часов в учебном году, что не окажет существенного влияния на перегрузку школьников.

Продолжая рассуждения о креативно-развивающих факторах становления мировоззренческих устоев молодежной среды, целесообразно акцентировать внимание на фундаментальных действенных теоретико-методологических принципах отмеченного процесса. Пришло время принципиальной смены прежней потребительской парадигмы природопользования на новую, конструктивную [6, с. 132], позволяющую:

- 1) разработать фундаментально-прикладные эколого-мониторинговые мероприятия региональных и иных уровней эколого-хозяйственной деятельности;

- 2) создать действенную программу моделирования параметров возможных вариантов эколого-охранной ситуации в контексте глобальных характеристик инновационно-хозяйственной стабилизации белорусских земель (почвенных структур), водных ресурсов, лесного богатства;

- 3) выявить факторы и разработать аргументацию социально-экологической деятельности, необходимой переоценки ее кри-

териев и анализа структуры механизма жизнедеятельности наших современников;

4) ориентировать наших соотечественников на конструктивные методы целенаправленного формирования системы устойчивых эколого-социальных воззрений (ценностей), основанных на принципах коэволюционного анализа;

5) активизировать деятельность всех культурно-образовательных и воспитательных структур общества, включая креативно-созидательную, просветительскую, образовательную, самообразовательную подготовку.

Становление коэволюционных основ мировоззрения детей и молодежи необходимо осуществлять в русле психовозрастного акмеологического совершенствования интеллектуально-физиологических характеристик человека. Методы данного подхода проанализированы автором и представлены в единой концепции интеллектуально-темпераментального совершенствования наших современников [7].

В контексте активизации экокультурных мероприятий автором разработан для РИВШ блок инновационно-просветительских рекомендаций «Философско-методологический анализ тенденций современного общества» в объеме 20-ти учебно-методических занятий за год (40 часов), а также составлены две научно-педагогические программы для БелМАПО – «Экологическая культура и медицина» (16 учебных часов), «Медицинская социология» (20 учебных часов). Представленные направления лекционно-педагогической деятельности включают новейшие методики экосоциального анализа в контексте формирования основ экокультуры молодежного контингента слушателей в системе повышения квалификации специалистов Беларуси.

Дальнейшее рассмотрение темы формирования принципов социально-экологической безопасности в контексте эколого-образовательного процесса, экоответственности учащейся молодежи с необходимостью предполагает акцентировать внимание на изучении антрополого-интеллектуальных основ человека.

Уместно отметить факторы креативного развития в отношении психофизиологических и интеллектуально-мировоззренческих характеристик самого человека. В этом отношении феномен креативности

психофизиологического развития прежде всего молодых людей обретает особые специфические черты в отличие от анализа креативности в процессах растительного и животного мира.

Основополагающие принципы данного феномена:

1) акселерационное развитие, т. е. ускоренное физиологическое, а наряду с этим и психологическое «созревание» детей и молодежи;

2) аукологический мониторинг физиологических изменений функциональных характеристик организма молодых людей;

3) формирование навыков психолого-физиологической устойчивости человека в условиях социоприродного экстрима;

4) рациональное распределение физической, интеллектуальной, эмоционально-чувственной нагрузки;

5) навыки стабилизации биоэнергетического потенциала через методы медитации, аутотренинга, рационального питания, оздоровительные процедуры, приобщение к источникам духовной и православной культуры.

Перечисление и обоснование характеристик креативного развития детей, молодежи в структуре социальной системы можно было бы продолжать и далее. Суть в системно-последовательном осмыслении и реализации данных принципов в содержании образования, просвещения, политики, экономики и т. д., которые с неизбежностью фокусируются в спектре социально-экологических проблем современности и перспективах их разумного разрешения. Факторы креативного развития всего комплекса интеллектуально-физических потенциалов молодежи закономерно предполагают эколого-ценностные основания, формирующие весь жизненный уклад личности. Поэтому эколого-мировоззренческие тенденции становления молодежной политики и общества в целом целесообразно рассматривать в ракурсе следующих смысловых позиций:

1) с точки зрения закономерно необходимой разработки инновационных технологий, способствующих биолого-регенерационной стабилизации, активизации и устойчивого развития всего видового многообразия систем живой природы;

2) эколого-ценностные принципы в качестве социальных доминант предписы-

вают последовательное ограничение вмешательства человека в структуру генно-регенерационного механизма адаптации и выживания природы, помогая каждому из нас определить и контролировать необходимо допустимый уровень вторжения в растительный, животный мир, неорганическую среду;

3) целевая установка вышеотмеченных факторов означает становление нового уровня эколого-ценностных ориентаций, содержанием которых является прежде всего осмысленное, разумное самоограничение материально-ориентированных запросов человека с целью целенаправленного формирования экологосберегающих, рационально-гуманистических ценностей. Данный подход закономерно сориентирован на кардинальную перестройку всей системы образования, просвещения, социального обеспечения, финансирования для оптимальной концентрации физических, интеллектуальных, эмоциональных возможностей человеческого организма и целенаправленного становления первостепенных интересов и ориентаций населения.

Заключение

В начале XXI в. нам приходится не столько пересматривать социально-исторические концепции, благое перспективное наследие наших предков, сколько трезво оценивать неблагоприятные тенденции социоэкологического будущего наших потомков. Это не пессимистические настроения, а реальный анализ всевозможных просчетов, осуществляемых и ныне, например, всеобщее мелиорирование земель в 1960–70-е гг.

или малопродуктивное использование пахотных площадей, зараженных в разной степени радионуклидами в Гомельской, Могилевской, Гродненской областях страны (до 30 % от масштаба земель, используемых в сельскохозяйственном производстве).

Вышеотмеченные процессы нарушают устойчивость в реализации действенных мер креативного развития современного общества, не способствуют стабилизации экологической обстановки, что не может не отразиться на отношении к ней со стороны представителей молодежной среды. Отсюда формируется закономерная концепция эколого-мировоззренческого развития будущей смены белорусского народа. Содержание сконцентрировано в следующих положениях: нынешнее состояние дел в природоохранной области страны требует от каждого гражданина принятия кардинальных экоответственных решений, в т. ч. и таких непопулярных, как отказ от излишних благ – своевольного строительства дач в заповедных лесных зонах, наличия в семье не более одного (!) авто, сокращение потребления алкоголя, табака, жирных и сладких продуктов и т. п. Все это осуществить не просто, но предстоящие десятилетия со всей очевидностью потребуют от нас не только этих, но и более жестких мер самоконтроля по отношению к обществу, окружающей среде и самому себе. В этом суть перспектив развития человечества в целом, стабилизирующих процессов государственного устройства, реальной реализации поставленных задач перед каждым соотечественником в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев, В. Креативный менеджмент и инновации / В. Журавлев // Наука и инновации. – 2008. – № 6 (64). – С. 67–69.
2. Амайстайл, Т. М. Как убить творческую инициативу / Т. М. Амайстайл // Креативное мышление в бизнесе. – М., 2006. – С. 101–113.
3. Палховская, Е. Заработок превыше всего? / Е. Палховская // Веды. – 2010. – № 49. – С. 5.
4. Чижевский, А. Л. Земное эхо солнечных бурь / А. Л. Чижевский. – М. : Мысль, 1973. – С. 74–121.
5. Шеннон, С. Питание в атомном веке / С. Шеннон. – Минск : Беларусь, 1991. – 208 с.
6. Гирусов, Э. В. Экологическое образование в контексте культуры / Э. В. Гирусов, О. Ф. Титова // Филос. науки. – 2006. – № 4. – С. 129–138.
7. Онуприенко, С. П. Интеллект. Темперамент. Как организовать свою жизнь / С. П. Онуприенко. – Минск : Тетра-Системс, 2011. – 380 с.

REFERENCES

1. Zhuravliov, V. Kreativnyj menegment i innovacii / V. Zhuravliov // Nauka i innovacii. – 2008. – № 6 (64). – S. 67–69.
2. Amaystayl, T. M. Kak ubit' tvorchieskuju iniciativu / T. M. Amaystayl // Creativnoje myshlienije v businessie. – M., 2006. – S. 101–113.
3. Palkhovskaja, Ye. Zarabotok prievyshe vsiego? / Ye. Palkhovskaja // Vedy. – 2010. – № 49. – S. 5.
4. Chizhevskij, A. L. Ziemnoje echo solniechnykh bur' / A. L. Chizhevskij. – M. : Mysl', 1973. – S. 74–121.
5. Shannon, S. Pitanije v atomnom viekie / S. Shannon. – Minsk : Bielarus', 1991. – 208 s.
6. Girusov, E. V. Ekologichieskoje obrazovanije v kontiektie kul'turie / E. V. Girusov, O. F. Titova // Filos. nauki. – 2006. – № 4. – S. 129–138.
7. Onuprijenko, S. P. Intielliekt. Tiempieramient. Kak organizovat' svoju zhizn' / S. P. Onuprijenko. – Minsk : Tetra-Systems, 2011. – 380 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.12.2020

УДК 167:378:303.43

Сергей Николаевич Северин¹, Эдуард Николаевич Северин²¹канд. пед. наук, доц., первый проректор

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. полит. наук, зам. декана юридического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Siarhej Seviaryn¹, Eduard Seviaryn²¹Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Vice-Rector
of the Brest State A. S. Pushkin University²Candidate of Sciences in Politics, Vice-Dean of the Faculty of Law
of the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹severin_sn@mail.ru; ²severinvesnik@brsu.brest.by**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ СТРАТЕГИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Раскрываются факторы трансдисциплинарного «сдвига» в постнеклассической науке, специфика содержания понятий «монодисциплинарные исследования», «полидисциплинарные исследования», «междисциплинарные исследования», «проблемно ориентированные исследования», «трансдисциплинарные исследования», риски постнеклассической науки, сущность трансдисциплинарной стратегии гуманитарных исследований, ее методологический и эвристический потенциал и, в частности, возможности применения трансдисциплинарной стратегии в контексте педагогики.

Ключевые слова: монодисциплинарные исследования, полидисциплинарные исследования, междисциплинарные исследования, проблемно ориентированные исследования, трансдисциплинарные исследования.

**Methodological and Heuristic Potential of the Transdisciplinary Strategy
in Humanitarian Studies**

The factors of transdisciplinary «shift» in post-nonclassical science, as well as the implication of such concepts as «monodisciplinary research», «multidisciplinary research», «interdisciplinary research», «problem-oriented research», «transdisciplinary research» are presented in the article. The authors regard the essence of the transdisciplinary strategy of humanitarian studies, its methodological and heuristic potential and, in particular, the possibility of applying the transdisciplinary strategy in the context of pedagogy.

Key words: monodisciplinary studies, polydisciplinary studies, interdisciplinary studies, problem-oriented studies, transdisciplinary studies.

Одним из трендов постнеклассической науки в условиях «возросшей системности и сложности мира» (А. И. Субетто) является тенденция к **трансдисциплинарности**: переход от взаимодействий в системе «наука – наука» (междисциплинарных взаимодействий) к **трансдисциплинарному** уровню взаимодействия – взаимодействий в системе «культура – наука – социум» [13]. Чем обусловлен «трансдисциплинарный сдвиг» в науке?

Во-первых, формируется новая научная картина мира – эволюционно-синергетическая (М. С. Каган), утверждается новый стиль научного мышления – нелинейное мышление (Е. Н. Князева). Синергетика «открывает сквозную сложность мира, сложность в том виде, как она проявляет себя на различных уровнях реальности... Синергетика является в высшей степени трансдис-

циплинарным исследованием» [9, с. 195]. Синергетика рассматривается как новая парадигма науки – парадигма сложности, самоорганизации, нелинейности [8].

Во-вторых, доминирование в культуре *постнеклассических ценностей* (человечность, культурный плюрализм; непрерывное развитие, инновации; самоценность единичного, особенного, уникального), «усложнение» и интенсификация *взаимодействий* в системе «культура – наука» (Л. П. Киященко, Л. А. Микешина, Э. Морен и др.) существенно трансформируют культурный контекст научных исследований, обуславливают формирование *постнеклассического типа научной рациональности* (В. С. Степин), *парадигмы постнеклассической науки* (А. П. Огурцов и др.).

В-третьих, сегодня наука исследует принципиально **новые типы объектов** –

«человекообразные макросистемы» [21]: экологические, социокультурные, социотехнические. Человек интегрирован в данные системы в качестве компонента. По мнению В. С. Степина, «освоение наукой сложных, развивающихся, “человекообразных” систем стирает прежние непроходимые границы между методологией естественнонаучного и гуманитарного познания» [21, с. 670–671]. Монодисциплинарные исследования (классическая наука) ограничены в своих гносеологических, методологических, технологических возможностях в силу их локальности, фрагментарности, одномерности. «Если классическая наука была ориентирована на постижение... изолированного фрагмента действительности, выступающего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику современной науки конца XX в. определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания» [21, с. 627]. В науке наступает «эра синтеза» (Э. Тоффлер): «Во всех отраслях знаний – от точных наук до социологии, психологии и экономики... мы, вероятно, увидим возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории» [23, с. 239]. По мнению Э. Морена, «революция» в науке прежде всего сопряжена с «воссоединением дисциплин и появлением наук, намного более обширных, чем космология, науки о Земле, экология. Но и эта... революция далека от своего завершения, и реформа парадигм, управляющих нашим познанием, едва только началась» [15, с. 28].

В-четвертых, достижение **целей устойчивого развития**, решение **глобальных проблем человеческой цивилизации** (экология, климат, демография, пандемия и др.) требует консолидации усилий научного сообщества, политической элиты, общественных деятелей. Потенциала и ресурсов конкретно-научных дисциплин для этого недостаточно.

В-пятых, одной из установок постнеклассической науки является познание реальности **как целостности** во всей ее «сложной причинности» (Э. Морен), **многомерности, многоуровневости**, что требует конвергенции наук, сопряженности научного и социокультурного измерений, реализации **трансдисциплинарной стратегии на-**

учных исследований (Л. П. Киященко, Е. Н. Князева, Б. Николеску, Л. А. Микешина, М. А. Можейко, Э. Морен и др.).

Наряду с понятием «трансдисциплинарные исследования» в научных текстах используются понятия «*мультидисциплинарные исследования*», «*междисциплинарные исследования*», содержательные поля которых «пересекаются». Э. Морен пишет: «Что касается трансдисциплинарности, то здесь часто идет речь о когнитивных схемах, которые могут переходить из одних дисциплин в другие, иногда настолько резко, что дисциплины погружаются в состояние транса. Фактически, именно интер-, поли- и трансдисциплинарные комплексы работают и играют плодотворную роль в истории науки; стоит запомнить те ключевые понятия, которые здесь привлекаются, а именно кооперацию... соединение или взаимосвязь, или... совместный проект» [15, с. 23]. По мнению Е. Н. Князевой, «трансдисциплинарность характеризует такие исследования, которые идут через, сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы конкретных дисциплин... Тем самым создается холистическое видение предмета исследования» [9, с. 194–195].

Таким образом, принципиальная открытость парадигм, «методологические прививки» и «методологические трансплантации» (В. С. Степин), «кооперация наук» и реализация комплексных «совместных проектов» (Э. Морен), установка на познание мира как целостности (Б. Николеску) – атрибуты трансдисциплинарности.

Для классической науки в большей степени характерны **монодисциплинарные исследования**, направленные на решение конкретно-научной проблемы методологическими средствами конкретной научной дисциплины (подходы, методы, критерии). В них явно доминирует монодисциплинарный понятийный аппарат. Они направлены на получение **одномерной научной истины**. Это **исследования «закрытого» типа**. **Для постнеклассических конкретно-научных исследований характерна тенденция к междисциплинарности**. Конкретно-научная проблема решается не только методологическими средствами конкретной научной дисциплины, но и на основе критической экстраполяции и адаптации методологических инструментов (подходов, концептуаль-

ных идей, методов) других научных дисциплин, что обеспечивает новое концептуальное видение объекта исследования (новый предмет, ракурс исследования), значительно повышает эвристический потенциал исследования, качество теоретической (методологической) и эмпирической аргументации. С позиции Л. П. Киященко, «ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знаний из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений» [7, с. 23]. *Монодисциплинарные исследования, осуществляющиеся на основе интеграции элементов моно-, меж- и трансдисциплинарной стратегий, являются исследованиями «открытого» типа.* В качестве объектов научной рефлексии и источников проектирования социально-гуманитарных научных концепций могут выступать политические, идеологические, религиозные, экономические концепции, доктрины, программы. Инвариантным компонентом таких исследований является осуществление *открытой мультисубъектной гуманитарной экспертизы* новаций с позиции гуманитарных ценностей.

Междисциплинарные исследования направлены на решение *актуальной научной проблемы, которая находится «на стыке» наук, в междисциплинарном пространстве наук* (например, решение проблемы качества образования явно требует междисциплинарных усилий). Такого типа исследования характеризуются высокой степенью *кооперации* (Э. Морен, Е. Н. Князева). В контексте междисциплинарных исследований формируются междисциплинарные комплексы знаний. Например, интенсивно развивается *гуманетика* как междисциплинарная область взаимодействия гуманитарных и компьютерных наук (М. Эпштейн) [26]. Для междисциплинарных исследований характерны, с одной стороны, полидисциплинарный понятийный аппарат, с другой – генерирование и «циркуляция общих понятий» (Е. Н. Князева). Такого типа исследования зачастую сопряжены с обоснованием и разработкой нового интегративного методологического инструментария (подходов, методов). Данные исследования направлены на получение *многомерной научной истины, междисциплинарного научного знания, метазнания.* Это исследования «открытого» типа.

Понятие «*полидисциплинарные исследования*» Е. Н. Князева определяет так: «Полидисциплинарность, или как ее называют в международном сообществе, мультидисциплинарность (multidisciplinarity), является характеристикой такого исследования, когда какой-либо феномен или объект (планета земля, человек и т. п.) изучается одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами. Полидисциплинарность – это неинтегративная смесь дисциплин, в которой каждая дисциплина сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, не видоизменяя и не дополняя их, подвергаясь воздействию со стороны других дисциплин» [9, с. 193]. Можно заключить, что для полидисциплинарных (мультидисциплинарных) исследований характерен один и тот же объект (например, непрерывное образование), но разные дисциплинарные цели и предметы исследования («непрерывное образование как ценность постнеклассической культуры», «непрерывное образование как фактор саморазвития» и др.), методологические стратегии, подходы, методы, концептуально-понятийный аппарат. Данные исследования позволяют получить *многомерную научную истину.* Однако эти исследования относятся к исследованиям «закрытого» типа.

Проблемно ориентированные исследования. Доминантой таких исследований является не научно-познавательная цель (получение научного знания), а решение *актуальной для социокультурной практики прикладной задачи средствами науки.* Акцентируется внимание на «*практической полезности*», *прагматичности* такого рода исследований. Доминантными *критериями качества* данных исследований являются *прагматические (экономические) критерии.* Однако в исследовании *решение прикладных задач должно осуществляться в контексте собственно научно-познавательных целей.* Любой технико-технологический продукт должен быть научно обоснован, пройти гуманитарную экспертизу, а технологическое («прикладное») знание структурировано в систему научного знания.

Вектор научных исследований все больше зависит от государственных и социально-политических стратегий, «долговременной научно-исследовательской по-

литики» [25], а современная наука становится «гибридом фундаментального (заинтересованного в получении истинностного знания) и прагматического (заинтересованного в получении полезного эффекта)» (Л. П. Киященко). Происходит «сращивание» науки и технологий (например, «биотехнологии»), коммерциализация науки, формируется «технонаука» (Г. Хоттуа), для которой доминанта – «рентабельность инноваций» (Ж.-Ф. Лиотар). Как отмечает А. М. Аблажей, современная наука «продолжает сохранять, с одной стороны, классический образ социального института, нацеленного на производство достоверного знания... с другой – нацелена на утилитарные цели, имеющие вполне конкретное коммерческое выражение... Современная ситуация в науке представляет собой соединение двух тенденций... “академической” (классической) и “постакадемической” (неолиберальной)» [1, с. 47]. Ряд исследователей полагают, что именно девальвация ценностей фундаментальной науки (В. А. Лекторский), **формирование «технонауки» является «зоной риска» для самой науки** [11; 17]. Наблюдается явный дисбаланс в науке: «массив прикладных исследований резко превышает сферу фундаментальных» [17, с. 12]. Акцент на *социально-экономической «полезности» науки* приводит к игнорированию ее *экзистенциально-культурной значимости*. Меняется и самосознание ученых, и их «культурная мотивация»: «В науке как особой области культурной деятельности **знание всегда производилось ради знания** (выделено нами. – С. С., Э. С.), и поэтому его сущностным культурно-мотивационным (эпистемологическим) признаком является использование полученного знания для производства нового знания» [17, с. 12]. Стратегическая цель фундаментальных исследований – создание теорий, выявление законов и закономерностей, генерирование и структурирование категориальных матриц, *формирование парадигмальных моделей исследований*.

В контексте трансдисциплинарности в гуманитарных науках «постулат объективности заменяется постулатом проективности. Процедура открывания сложного мира заменяется техникой дизайна, воплощения воображаемого и конструирования желаемого... Науки об обществе и наука об

образовании становятся **конструктивистскими**» [7, с. 195]. М. Эпштейн акцентирует внимание на «*трансформативном* начале» гуманистики: «Гуманистика – это совокупность гуманитарных наук, изучающих человека и человеческое... Гуманистика включает не только гуманитарные науки, но и связанные с ними гуманитарные технологии» [26, с. 28]. По его мнению, в гуманистику входят *трансдисциплины* – практические дисциплины, которые направлены на преобразование, конструктивное развитие тех областей культуры, которые являются объектами изучения гуманитарных наук (в частности, *транслингвистика* создает искусственные языки или задает новые направления развитию естественных языков) [26].

В. П. Старжинский обосновывает актуальность «*конструктивной методологии*»: «Конструктивная методология регламентирует не только когнитивные процессы, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры, культуротворчество – тот созидательный процесс, в котором рождаются материальные и духовные ценности-артефакты, составляющие суть культуры» [19, с. 166]. С позиции «конструктивной методологии» процесс исследования предполагает обоснование и конструирование двух видов моделей: *концептуальной и инструментальной*, которые взаимодополняют друг друга. Концептуальная модель – это не столько «модель сущего», сколько дескриптивно-прескриптивная модель. «Концептуальная модель отвечает на вопрос, что собой представляет проблема как объект *Проектирования* – созидания и какова основная идея как способ разрешения проблемной ситуации? Устройство концептуальной модели: совокупность понятий (концептов), связанных сеткой отношений в конкретном проблемном поле. Проблемное поле моделируется по бинарному принципу, выражает два модуса существования: сущее (то, что есть в наличной реальности) и должное (то, что должно быть по замыслу проектанта). Как правило, зазор между сущим и должным описывается в виде недостатков. Вторая модель, инструментальная, – совокупность инструментов, методов и ресурсов, которая позволяет перейти от сущего к должному» [19, с. 166–167]. По мнению ученого, одним из критериев оценки качества современных гуманитарных иссле-

дований является **«критерий конструктивности»** [19]. Любая концептуальная идея, предполагающая преобразование социокультурной практики, должна быть разработана на инструментально-технологическом уровне, обеспечена конкретными инструментами ее реализации в конкретном социокультурном контексте. Культуросоздающая функция постнеклассической науки, связанная с обоснованием и разработкой новационных проектов социокультурной практики, является одной из приоритетных.

Таким образом, социально-гуманитарные исследования ориентированы не только на конструирование теоретических моделей социально-гуманитарных объектов как «знания о сущем», но и на целенаправленное преобразование социокультурной практики в соответствии с трендами культуры, социально-гуманитарными идеалами. В процессе исследования осуществляется *наукоемкое проектирование социально-гуманитарных систем будущего*: «Мы конструируем человекообразную реальность в соответствии с нашими ценностными представлениями о человеке («каким он должен быть»), а не просто воспроизводим в познавательной модели объективно существующее положение вещей» [21, с. 167]. Э. Морен подчеркивает, что «не существует “зеркального” познания объективного мира. Познание есть всегда перевод и конструкция» [15, с. 18]. Социально-гуманитарные исследования реализуют как теоретическую, так и технологическую функции, а социально-гуманитарное научное знание представляет собой единство «сущего» и «должного», истины и ценности, истины и нормы. Как отмечает А. О. Карпов, в гуманитаристике истина «проектируется» [6].

Парадоксы и риски современной науки связаны с тем, что наука, с одной стороны, является катализатором развития культуры, человеческой цивилизации, с другой – «источником экзистенциальной угрозы» (Л. П. Киященко) [7]. Ученые задаются вопросом: «Благотворно ли воздействие научных исследований на саму жизнь человека, не вредоносна ли сама наука?» [16, с. 66]. Это обуславливает необходимость *экологизации науки* (Э. Морен, Е. Н. Князева) [9; 15], осуществления *гуманитарной экспертизы* научных концепций и технологий,

направленной на прогнозирование как эффектов, так и гуманитарных рисков.

Рассмотрим возможности применения трансдисциплинарной стратегии в контексте конкретно-научной дисциплины, в частности педагогики.

Методологи указывают на специфику трансдисциплинарной методологической стратегии педагогического исследования, которая выражается (А. Г. Бермус [3], Л. П. Киященко [7], Е. Н. Князева [9], И. А. Колесникова [10], Л. А. Микешина [13], Э. Морен [15] и др.) в:

1) понимании *сложности, гетерогенности, открытости образования*, многофакторности, нелинейности его развития; признании множественности культурно-научных контекстов и ракурсов исследования образования, многообразия культурных целей образования;

2) признании «парадигмальной множественности педагогической реальности» (И. А. Колесникова) [10], *закономерной поликонцептуальности образования, обеспечивающей многомерное целостное познание образования* через дополнительность мультинаучного, междисциплинарного и социокультурного подходов, интеграцию философского, научного, метанаучного и вненаучного (художественно-образного, этнокультурного и др.) знания [10]. Объектами рефлексии и источниками методологического обеспечения педагогических исследований являются не только научные подходы, теории, концепции, но и «другие» когнитивные практики гуманитарной природы, сегменты культурного опыта (мораль, политика, идеология, религия, искусство, экономика, этнокультура);

3) проектировании и реализации фундаментальных исследований, направленных на решение *«сквозных» проблем образования*, преломляющихся на локальном, региональном, национальном, транснациональном уровнях (архитектоника мирового образовательного пространства в контексте глобализации; качество образования в контексте цифрового общества; модели образования для устойчивого развития; цели и содержание образования в контексте трансдисциплинарного подхода; проблема сохранения многообразия и уникальности национальных образовательных систем в условиях глобализации и др.);

4) многосторонней рефлексии образования, открытости (публичности), мульти-субъектности (экспертами могут выступать политики, религиозные деятели и др.), многомерности социально-гуманитарной экспертизы педагогических концепций и технологий; акценте на «этике педагогических инноваций» (А. И. Субетто); интеграции в структуру педагогических исследований процедуры гуманитарной экспертизы, в критериальное ядро оценки качества педагогических исследований – гуманитарных критериев.

Целесообразно ли рассматривать (решать) все научно-педагогические проблемы с трансдисциплинарных позиций? С нашей точки зрения, трансдисциплинарная стратегия в «чистом» виде в большей степени целесообразна для фундаментальных исследований образования как «человекоразмерной макросистемы», транснациональной реальности, механизма культурных и цивилизационных трансформаций, ноосферной эволюции, с целью обоснования прогностических моделей образования сообразно концепциям человека будущего (например, в контексте концепции технобиологической эволюции человека (И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. В. Чеклецов) [2].

Полагаем, что методологическим императивом проектирования постнеклассических педагогических исследований является комплементарность элементов междисциплинарной и трансдисциплинарной, гуманитарной и технологической методологических стратегий. Например, исследование В. С. Болбаса «Этыка-педагогічная думка Беларусі Х–XVIII стст.: генезіс і пераемнасць развіцця» осуществляется с меж- и трансдисциплинарных позиций («культура – наука»). Диссертант неоднократно апеллирует к культурным текстам, осуществляет критическую рефлексию различных культурных пластов. Он отмечает: «Генезіс і пераемнасць развіцця этыка-педагогічнай думкі Беларусі Х–XVIII стст. абумовілі ў дыялектычным узаемадзеянні дэтэрмінанты інтэрналісцкага характару – **тэарэтыка-светапоглядныя крыніцы** (міфалогія язычніцтва, хрысціянская этыка, вучэнні пелагіянства і арыянства, старабалгарская кніжнасць, гуманізм і антрапацэнтрызм Адраджэння, этыка пратэстантызму, ідэалогія Асветніцтва» [4, с. 5]. В качестве

культурных источников анализируется, например, «Навучальны план 1599 г.: Парадак і Метад навучання ў езуіцкім грамадстве». Одна из задач исследования заключалась в исторической реконструкции, воссоздании историко-культурного контекста. В. С. Болбас отмечает, что исследование в целом осуществлялось «у межах герменеўтычнай парадыгмы» [4]. Методологическими основаниями исследования являются культурологический, аксиологический, антропологический и другие подходы. Исследование осуществляется на междисциплинарной основе (история, этнография, культурология).

Таким образом:

1. Трансдисциплинарность сопряжена с интенсификацией взаимодействий в системах «культура – наука – социум», «наука – технология», «наука – производство», конвергенцией наук с целью **целостного познания мира** во всей его «сложной причинности» (Э. Морен; «целое больше суммы частей»; «целое меньше суммы частей»; «малые причины могут повлечь за собой очень большие следствия»; «одни и те же причины могут вести к различным следствиям» и др.) [15], генерирования метатеории, метапарадигмальных оснований науки, обоснования потенциальных альтернатив планетарного развития и проектирования будущего. Трансдисциплинарность – это «исследовательская стратегия, которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение» [9, с. 194]. Методологи акцентируют внимание на тенденцию «скрещивания естественно-научных и гуманитарных подходов» (В. М. Розин) в контексте конкретного исследования, на «стирании» границ между естественными и социально-гуманитарными науками и формировании **естественно-гуманитарных междисциплинарных комплексов** [18]. Целостное познание мира возможно через *дополнительность научного и социокультурного, рационально-логического и иррационального.*

2. Трансдисциплинарные исследования основаны на конвергенции науки и культуры, науки и искусства, науки и технологий, научного, метанаучного и иного культурного знания. В «Хартии трансдисциплинарности» (1994) отмечается: «Трансдисциплинарное видение решительно открыто в своем выходе за область точных наук, требуя их диалога и их примирения с гу-

манитарными и социальными науками, а также с искусством, литературой, поэзией и духовным опытом» [7, с. 19].

3. **Решение глобальных проблем человеческой цивилизации**, преломляющихся на различных уровнях, возможно только через «кооперацию наук», реализацию «совместных проектов» (Э. Морен), комплексных исследовательских программ.

4. Одним из принципов трансдисциплинарности является открытость и интеграция дисциплинарных парадигм, сопряженная с «парадигмальными прививками», «парадигмальными трансплантациями» (В. С. Степин); лигитимация полипарадигмальности, поликонцептуальности, что обеспечивает холистическое видение реальности, многосторонность познания, многомерность истины.

5. **Метапарадигмальное значение** приобретает *синергетический подход*, конкретизирующийся в принципах нелинейности, «сложной причинности» (Э. Морен), многообразия, альтернативности и равновероятности сценариев развития мира [8; 12; 15].

6. Трансдисциплинарные исследования будущего, основанные не столько на прогнозировании, сколько на проектировании будущего («промысливании», «простраивании», «созидании») в ситуации неопределенности (М. А. Можейко) [14]. По мнению Е. Н. Князевой, «исследование будущего базируется на альтернативистике (видении альтернатив и выборе предпочитаемого будущего из альтернатив), глобалистике (чтобы эффективно действовать локально, необходимо мыслить глобально), конструктивизме (активном построении

благоприятного и реализуемого, осуществимого – в соответствии с трендами – будущего)» [9, с. 198].

7. Формирование трансдисциплинарной науки выдвигает новые требования к уровню персональной научной рефлексии ученого XXI в. Акцентируется внимание на: **многосторонности и многоуровневости рефлексии** (одновременно многомерное и многоуровневое рассмотрение феномена), **непрерывности; сопряженности «внутринаучной» рефлексии с «внешней» рефлексией социокультурного контекста и саморефлексией; континуальности** (осмысление исследуемого феномена в динамике с учетом нелинейности, множественности, равновероятности сценариев его развития во всем его многообразии, целостности); **контекстуальности** (интерпретация гуманитарного феномена сообразно культурно-научному контексту, сквозь призму общечеловеческих ценностей); **«синхронности», «пентадной структуре» объекта рефлексии**, т. е. в фокусе рефлексии одновременно должны быть горизонтальные и вертикальные связи: аксиологические доминанты культуры, тренды и стратегии цивилизационного развития – парадигмальное пространство и стратегии развития науки – проблемное поле, парадигмальное пространство конкретно-научной дисциплины – методологический проект конкретного исследования. *Нелинейность, многомерность, контекстуальность* (культуросообразность, человекомерность), *континуальность* (целостность), «синхронность» рефлексии являются атрибутами *гуманитарного стиля научного мышления и согласуются с установками трансдисциплинарной науки.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблажей, А. М. «Постакадемическая наука»: зарубежные дискуссии и российский опыт / А. М. Аблажей // Вестн. НГУ. Сер. Философия. – 2013. – Т. 11, вып. 2. – С. 42–48.
2. Алексеев, И. Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И. Ю. Алексеев, В. И. Аршинов, В. В. Чеклецов // Вопр. философии. – 2013. – № 3. – С. 13.
3. Бермус, А. Г. Онтологический поворот в науках об образовании [Электронный ресурс] / А. Г. Бермус // Непрерывное образование: XXI век. – 2013. – Вып. 2. – Режим доступа: http://lll21.petrus.ru/journal/content_list.php?id=8541. – Дата доступа: 11.05.2015.
4. Болбас, В. С. Этыка-педагагічная думка Беларусі X–XVIII стст.: генезіс і пераемнасць развіцця : аўтарэф. дыс. ... д-ра пед. навук : 13.00.01 / В. С. Болбас ; Мазыр. дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна. – Мінск, 2016. – 56 с.
5. Каган, М. С. Глобализация как закономерность процесса развития человечества в XXI веке / М. С. Каган // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып. 4 (24). – С. 152–170.

6. Карпов, А. О. Социальные парадигмы и парадигмально-дифференцированная система образования / А. О. Карпов // *Вопр. философии*. – 2013. – № 3. – С. 20–32.
7. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 205 с.
8. Князева, Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 236 с.
9. Князева, Е. Н. Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках / Е. Н. Князева // *Вестн. ТГПУ*. – 2011. – № 10 (112). – С. 193–201.
10. Колесникова, И. А. Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования [Электронный ресурс] / И. А. Колесникова // *Непрерывное образование: XXI век*. – 2014. – Вып. 4. – Режим доступа: http://lll21.petsu.ru/journal/content_list.php?id=8541. – Дата доступа: 17.01.2015.
11. Лекторский, В. А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека / В. А. Лекторский // *Эпистемология и философия науки*. – 2011. – Т. XXIX, № 3. – С. 35–48.
12. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
13. Микешина, Л. А. Методология научного познания в контексте культуры / Л. А. Микешина. – М. : Исслед. центр по проблемам упр. качеством подгот. специалистов, 1992. – 174 с.
14. Можейко, М. А. Трансдисциплинарная стратегия научного познания: новый диалог естествознания и гуманитаристики / М. А. Можейко // *Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знаний : материалы Третьей междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2018 г. : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]*. – Минск : Четыре четверти, 2018. – Т. 1. – С. 117–120.
15. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен ; пер с фр. Е. Н. Князевой. – М. : Проресс-Традиция, 2005. – 464 с.
16. Огурцов, А. П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы : в 3 ч. / А. П. Огурцов. – СПб. : Мирь, 2011. – Ч. 2 : Философия науки: Наука в социокультурной системе. – 495 с.
17. Пружинин, Б. И. Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии / Б. И. Пружинин. – М. : РОССПЭН, 2009. – 423 с.
18. Розин, В. М. Методология и философия в современной интеллектуальной культуре / В. М. Розин // *Вопр. методологии*. – 1991. – № 2. – С. 12–20.
19. Старжинский, В. П. Конструктивная методология и инновационная реструктуризация / В. П. Старжинский // *Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знаний : материалы Третьей Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2018 г. : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич (предс.) [и др.]*. – Минск : Четыре четверти, 2018. – Т. 1. – С. 166–169.
20. Стёпин, В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) / В. С. Стёпин // *Вопр. философии*. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
21. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
22. Субетто, А. И. Учительство XXI века: ноосферная миссия / А. И. Субетто // *Педагогическое образование: история, современность, перспективы : сб. ст. по материалам X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Педагогическое образование: история, современность, перспективы», Великий Новгород, 4–5 окт. 2018 г. / сост. Е. В. Иванов*. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. – С. 4–22.
23. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер ; авт. предисл. П. С. Гуревич. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
24. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2010. – 588 с.
25. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Праксис, 2007. – 208 с.

26. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. – М. : НЛЮ, 2017.

REFERENCES

1. Ablazhej, A. M. «Postakadiemichieskaja nauka»: zarubiezhnyje diskussii i rossijskij opyt / A. M. Ablazhej // Viestn. NGU. Sier. Filosofija. – 2013. – T. 11, vyp. 2. – S. 42–48.
2. Aliksiejev, I. Yu. «Tiekhnoiudi» protiv «prostoliudiej»: NBIKS-rievoliucija i budushchieje chielovieka / I. Yu. Aliksiejev, V. I. Arshinov, V. V. Chiekliecov // Vopr. filosofii. – 2013. – № 3. – S. 13.
3. Biermus, A. G. Ontologichieskij povorot v naukakh ob obrazovanii [Elektronnyj riesurs] / A. G. Biermus // Nieprieryvnoe obrazovanije: XXI vek. – 2013. – Vyp. 2. – Riezhim dostupa: http://lll21.petrus.ru/journal/content_list.php?id=8541. – Data dostupa: 11.05.2015.
4. Bolbas, V. S. Etyka-piedahahichnaja dumka Bielarusi X–XVIII stst.: hienezis i pierajemnasc' razvicia : autoref. dys. ... d-ra pied. navuk : 13.00.01 / V. S. Bolbas ; Mazyr. dziarzh. pied. un-t imia I. P. Shamiakina. – Minsk, 2016. – 56 s.
5. Kagan, M. S. Globalizacija kak zakonomiernost' processa razvitija chieloviechestva v XXIViekie / M. S. Kagan // Lichnost'. Kul'tura. Obschiestvo. – 2004. – Vyp. 4 (24). – S. 152–170.
6. Karpov, A. O. Social'nyje paradigmy i paradigmal'no-diffierencirovannaja sistema obrazovanija / A. O. Karpov // Vopr. filosofii. – 2013. – № 3. – S. 20–32.
7. Kijashchienko, L. P. Filosofija transdisciplinarnosti / L. P. Kijashchienko, V. I. Moisiejev ; Ros. akad. nauk, In-t filosofii. – M. : IFRAN, 2009. – 205 s.
8. Kniazieva, Ye. N. Zakony evoliucii i samoorganizacii slozhnykh sistem / Ye. N. Kniazieva, S. P. Kurdumov. – M. : Nauka, 1994. – 236 s.
9. Kniazieva, Ye. N. Miezhdisciplinarnyje issliedovanija v gumanitarnykh naukakh / Ye. N. Kniazieva // Viestn. TGPU. – 2011. – № 10 (112). – S. 193–201.
10. Koliesnikova, I. A. Transdisciplinarnaja strategija issliedovanija nieprieryvnogo obrazovanija [Elektronnyj riesurs] / I. A. Koliesnikova // Nieprieryvnoe obrazovanije: XXI vek. – 2014. – Vyp. 4. – Riezhim dostupa: http://lll21.petrus.ru/journal/content_list.php?id=8541. – Data dostupa: 17.01.2015.
11. Liektorskij, V. A. Racional'nost', social'nyje tikhnologii i sud'ba chielovieka / V. A. Liektorskij // Epistemologija i filosofija nauki. – 2011. – T. XXIX, № 3. – S. 35–48.
12. Liotar, J.-F. Sostojanije postmoderna / J.-F. Liotar ; pier. s fr. N. A. Shmatko. – M. : In-t ekspierim. sociologii ; SPb. : Alieteja, 1998. – 159 s.
13. Mikieshina, L. A. Mietodologija nauchnogo poznaniya v kontiekstie kul'tury / L. A. Mikieshina. – M. : Isslied. centr po problemam upr. kachiestvom podgot. spicialistov, 1992. – 174 s.
14. Mozhejko, M. A. Transdisciplinarnaja strategija nauchnogo poznaniya: novyj dialog jestiestvoznaniya i gumanitaristiki / M. A. Mozhejko // Intielliektual'naja kultura Bielarusi: mietodologichieskij capital filosofii i kontury transdisciplinarnogo sinteza znaniy : matierialy Triet'jej miezhdunar. nauch. konf., Minsk, 15–16 nojab. 2018 g. : v 3 t. / In-t filosofii NAN Bielarusi ; riedkol.: A. A. Lazarievich (pried.) [i dr.]. – Minsk : Chietyrie chietvierti, 2018. – T. 1. – S. 117–120.
15. Moren, E. Metod. Priroda Prirody / E. Moren ; pier. s fr. Ye. N. Kniazievoj. – M. : Progress-Tradicija, 2005. – 464 s.
16. Ogurcov, A. P. Filosofija nauki: dvadcatyj vek. Konceptii i problemy : v 3 ch. / A. P. Ogurcov. – SPB. : Mir', 2011. – Ch. 2 : Filosofija nauki: Nauka v sociokul'turnoj sistiemie. – 495 s.
17. Pruzhinin, B. I. Ratio serviens? Kontury kul'turno-istorichieskoj epistiemologii / B. I. Pruzhinin. – M. : ROSSPEN, 2009. – 423 s.
18. Rozin, V. M. Mietodologija i filosofija v sovriemennoj intielliektual'noj kul'turie / V. M. Rozin // Vopr. mietodologii. – 1991. – № 2. – S. 12–20.
19. Starzhinskij, V. P. Konstruktivnaja mietodologija i innovacionnaja riestrukturizacija / V. P. Starzhinskij // Intielliektual'naja kultura Bielarusi: mietodologichieskij capital filosofii i kontury transdisciplinarnogo sinteza znaniy : matierialy Triet'jej miezhdunar. nauch. konf., Minsk, 15–16 nojab. 2018 g. : v 3 t. / In-t filosofii NAN Bielarusi ; riedkol.: A. A. Lazarievich (pried.) [i dr.]. – Minsk : Chietyrie chietvierti, 2018. – T. 1. – S. 166–169.
20. Stiopin, V. S. Gienezis social'no-gumanitarnykh nauk (filosofskij i mietodologichieskij aspiekty) / V. S. Stiopin // Vopr. filosofii. – 2004. – № 3. – S. 37–43.

21. Stiopin, V. S. Teoretichieskoje znanije / V. S. Stiopin. – M. : Progress-Tradicija, 2000. – 744 s.
22. Subetto, A. I. Uchitel'stvo XXI vieka: noosfiernaja missija / A. I. Subetto // Piedagogichieskoje obrazovanije: istorija, sovriemiennost', pierspiektivny : sb. st. po materialam X Vsieros. nauch.-prakt. konf. s miezhdunar. uchastijem «Piedagogichieskoje obrazovanije: istorija, sovriemiennost', pierspiektivny», Vielikij Novgorod, 4–5 okt. 2018 g. / sost. Ye. V. Ivanov. – Vielikij Novgorod : NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2018. – S. 4–22.
23. Toffler, E. Shok budushchiego : pir. s angl. / E. Toffler ; avt. priedisl. P. S. Gurievich. – M. : AST, 2002. – 557 s.
24. Fukujama, F. Koniec istorii i poslednij chieloviek / F. Fukujama ; pier. s sngl. M. B. Lievina. – M. : AST, 2010. – 588 s.
25. Khabermas, Ju. Tiekhnika i nauka kak «idieologija» / Ju. Khabermas ; pier. s niem. M. L. Khor'kova. – M. : Praksis, 2007. – 208 s.
26. Epshtejn, M. N. Projektivnyj slovar' gumanitarnykh nauk / M. N. Epshtejn. – M. : NLO, 2017.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.02.2021

УДК 13

Ольга Васильевна Финслер

канд. филос. наук, доц. каф. философии и экономики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Olga FinslerCandidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: olfi@bk.ru

**МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВКУСА У СПЕЦИАЛИСТОВ,
РЕАЛИЗУЮЩИХСЯ В СФЕРЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ**

Анализируется понятие художественного вкуса, а также рассматриваются конкретные механизмы развития художественной составляющей в мировоззрении людей, занимающихся сферой визуальных искусств. Акцентируется внимание на развитии важных навыков восприятия, анализа и сравнения, столь необходимых специалистам творческих профессий: архитекторам, художникам, дизайнерам, фотографам и др. Сделан вывод о возможности развития и совершенствования художественного вкуса у людей, имеющих различный уровень и багаж культурного и художественного развития.

Ключевые слова: художественный вкус, искусство, творчество, восприятие, анализ, сравнение, философия искусства.

**Methodology for the Development of Artistic Taste in Special Cialists Implementing
in the Sphere of Visual Art**

This article analyzes the concept of artistic taste, and also examines the specific mechanisms of the development of the artistic component in the worldview of people involved in the field of visual arts. This study focuses on the development of important skills of perception, analysis and comparison, so necessary for professionals in the creative professions - architects, artists, designers, photographers and many others. The author of the article confidently declares the possibility of developing and improving artistic taste in people with different levels and baggage of cultural and artistic development.

Key words: artistic taste, art, creativity, perception, analysis, comparison, philosophy of art.

Введение

Что такое художественный вкус? Само понятие вкуса как эстетического феномена было сформулировано не так давно: это произошло в XVII в. Именно в это время философы четко осознали потребность при изучении художественных объектов культуры в выявлении категории, которая будет характеризовать способность человека эстетически воспринимать и оценивать явления окружающего мира, связанные напрямую с понятиями красоты и искусства. Вкус становится главным критерием духовно-художественного аристократизма. Если в прошлые века признаком, отделяющим «высокие» слои населения от «низких», были богатство, роскошь, принадлежность к старинному богатому роду, то в новое время таким фактором становится способность различать феномены окружающего мира на базе ценностного к нему отношения. По аналогии с тем, как мы способны различать сладкое, горькое, соленое, понятие вкуса было перенесено в сферу эстети-

ческого опыта и распространено на способность выявлять и различать прекрасное (потом добавились и иные эстетические категории) [1]. При этом важно различать понятия эстетического и художественного вкуса:

1. Эстетический вкус представляет собой способность человека на основе своих симпатии и антипатии отличать то, что имеет эстетическую ценность, от того, что лишено ее, воспринимать, оценивать различные эстетические объекты, различать прекрасное и заурядное, трагическое, абсурдное, жестокое, заумное и т. п.

2. По отношению к оценке произведения искусства эстетический вкус конкретизируется как *художественный вкус*.

Впервые термин «художественный вкус» был употреблен испанским философом Б. Грасианом, и позже он переместился в научный обиход западноевропейских философов. Французские философы и теоретики классицизма (Буало, Монтескье, Вольтер и др.) рассматривали художественный вкус с позиций рационализма и нормати-

визма, считая, что все, что поддается рациональному осмыслению, гармонично упорядочено и представлено, можно отнести к явлениям эстетического порядка. Представители английской сенсуалистической эстетики (Шефтсбери и др.) выводили художественный вкус из человеческих ощущений и связывали его не только с красотой, но и с (моральным) добром [2]. Поэтому английская живопись нового времени была представлена зачастую нравоучительными сюжетами. Это относится и к другим видам искусства. Например, нельзя о прекрасных темах в искусстве говорить пошло: содержание и форма манера должны совпадать. Ф. Хатчесон и Э. Бёрк настаивали на всеобщности вкуса (именно мировоззренческие ценности культуры лежат в его основе). Д. Юм, наоборот, подчеркивал его субъективность, считая, что о вкусах не спорят.

Особое место в разработке проблемы художественного вкуса принадлежит И. Канту, который характеризовал вкус как способность суждения и анализа художественного события без личностной субъективной вовлеченности на основе профессиональных знаний. Поэтому о вкусах спорят, когда суждение вкуса носит незаинтересованный характер, когда происходит свободная игра воображения и рассудка. Именно Кант позволил разделить понятия художественной оценки и суждения, столь необходимых обладателям безупречного художественного вкуса. Важной определяющей развития вкуса становится трансформация эстетической оценки в эстетическое суждение [2].

Современный научный взгляд рассматривает художественный вкус как зависящий от той среды, в которой он формируется и меняется с ее изменением. Разными культурами вырабатываются разные, иногда диаметрально противоположные вкусы, во многом зависящие от эволюции искусства в рамках данных культур. В качестве примера в искусстве можно привести изменчивые образы женской красоты – Венеру Валлендорфскую, Венеру Милосскую либо женские образы Рубенса и образы современных красавиц. Опираясь на данные примеры, мы видим, что образ женской красоты в определенные периоды культурно-исторического развития связан с мировоззрением и ценностями людей – ценностью жизни (тема деторождения) для первобыт-

ных людей является главной, отсюда интерес к пышным округлым формам женского тела. А в эпоху Античности на первый план выходит идеализация и стремление ко всеобщей гармонии во всех сферах жизни, поэтому образ человека в Древней Греции прекрасен, нет изображения пожилых и некрасивых людей, мы наблюдаем торжество культа прекрасного.

Поль Бурдьё – ученый XX в. – выделил иерархию вкусов, где каждый из этапов зависит от окружающей среды.

1. *Массовый вкус* связан со способностью испытывать смех или слезы в результате контакта с искусством без рефлексии. Для массового культурного уровня важно, чтобы искусство было реалистичным и приятным взору, вызывало мгновенные эмоциональные реакции (бульварный роман, мелодраматическое кино и т. д.). В рамках массового вкуса можно рассмотреть более высокую форму массового сознания – необходимость поднятия социальной проблематики. Для этого уровня искусство должно быть социально значимым, поднимать темы социальной направленности, которые способны менять мировоззрение людей определенного социального уровня.

2. *Элитарный вкус* – способность сравнивать, анализировать и получать эстетическое удовольствие от интеллектуального и чувственного восприятия. Для высокого культурного уровня характерно то, что все можно воспринять эстетически, главное – вопрос подготовки. Именно элитарный вкус задает тон и темп развитию художественной культуры в целом, влияя на массовое сознание и донося в более упрощенной форме высокие смыслы для повседневного потребителя художественных ценностей.

3. *Поп-вкус* – это вкус, который можно определить как предпочтение всего того, что успешно, что тиражируется и транслируется массмедиа, что вызывает массовый резонанс, что хорошо продается и дает хорошие статистические результаты в опросах. Этот вкус условно относится к этой категории, поскольку его носители не обременены размышлениями и глубоким интересом к тем произведениям, с которыми они сталкиваются.

Необходимо отметить, что сегодняшняя обладатель хорошего вкуса не следует слепо за меняющимися требованиями

моды, но имеет относительно них собственное суждение: он либо отвергает и становится первооткрывателем, либо дает собственную интерпретацию модного явления.

Прежде чем говорить о механизмах и этапах развития художественного вкуса у представителей творческих профессий, связанных с визуальной культурой, необходимо разобраться с природой самого понятия «художественный вкус». И здесь автор будет опираться на взгляды Д. Гардари в выявлении природы вкуса.

Вкус имеет троичную природу. «Первая – антропологическая составляющая художественного вкуса – это потребность в эстетических переживаниях и стремление к накоплению собственного эстетического опыта. Эта потребность является врожденной» [3]. Понятно, что она есть у всех людей (очевидно, это просто черта человека как такового). Другое дело, что проявляются такие потребности у людей по-разному, в зависимости от психофизических особенностей конкретной личности и от частных условий социализации.

Вторая природа вкуса – персональная. Это уже «способность выносить суждение вкуса, умение структурировать свой эстетический опыт, умение различать. Этот уровень формируется культурой, окружением, воспитанием и образованием, а также собственными осмысленными действиями по развитию в тех областях, которые вызывают интерес».

Третья – социальная. «Это проекция вкуса как социального явления (т. е. не личной способности, а некой системы, определяющей, почему что-то в обществе становится признаком хорошего, элитарного вкуса, а что-то наоборот)» [3].

Социальное (как система) – предельно исторично, и вкус в своих конкретных проявлениях тоже всегда имеет ярко выраженные исторические черты. Все мы знаем примеры, когда то, что считалось признаком плохого вкуса, со временем становится модным и стильным. Или наоборот: то, что было красивым и элегантным, начинает смотреться или чувствоваться нелепым и смешным. Почему же так? Потому что социум проецирует свои установки на его членов в зависимости от структуры власти в конкретный период времени». Об этом мы говорили выше, когда рассматривали изме-

нение образа женской красоты в различные культурно-исторические периоды.

Механизмы и этапы развития художественного вкуса

Вкус есть у каждого человека, поскольку это просто концентрат нашего культурного опыта, который преломляет воспринимаемое нами в соответствующей оптике и дает основания для оценочного различения прекрасного, безобразного, трагического, низменного и т. д. Все мы глубоко укоренены в мире культуры вне зависимости от нашего возраста, профессиональных навыков или уровня нашего образования [4]. Именно в этом пространстве и происходит становление наше мировоззрения, реализуясь потом в результатах нашего труда и творчества. У каждого человека в течение жизни формируется свой культурный багаж, который можно приобрести только самостоятельно. Он может быть осознанным или неосознанным. Лучшими способами развития культурного багажа являются сферы искусства (его восприятие и изучение), образования и сфера творческой деятельности. Образы искусства наполняют наше сознание многочисленными смыслами, которые, переплетаясь с нашим жизненным опытом, способны обогащать наше восприятие действительности, усиливая способности анализа при соприкосновении с неизвестными формами и образами, порождать достраивание различных ценностных систем художественных объектов. Как мы видим из выше представленного, именно изучение и занятие искусством дает наибольший результат в деле накопления культурного багажа и, соответственно, развития художественного вкуса.

Действительно, искусство способно давать ключ к пониманию смыслов и скрытых причин происходящего в мире культуры, поскольку является своеобразным геномом самой культуры, а также расширять картину нашего мировоззрения и открывать новые горизонты жизненной и творческой реализации. Безусловным достоинством искусства является возможность развития творческих способностей и навыков, а также сильных, нестандартных решений, позволяя делать порой экзистенциальный выбор. Знание и понимание искусства усиливает краски жизни, повышает социальный и

культурный статус, расширяет когнитивные и творческие возможности. И все это способствует развитию художественного вкуса человека, который осознанно принимает решение по грамотному формированию своего образа и социального статуса, что, несомненно, сказывается на успешном развитии социальной коммуникации. Человек, обладающий хорошим вкусом, способен испытывать «удовольствия высокого порядка» от любой интеллектуальной игры и просто от событий повседневности [3]. Жизнь – это многослойный «текст», читать его только на поверхности недальновидно. Именно поэтому людям с неразвитым вкусом просто скучно и страшно. Об этом в свое время говорил С. Франкл, когда утверждал, что именно наличие внутренних экзистенциальных смыслов, опирающихся на культурные традиции, способны обеспечить человеку безопасное интеллектуальное существование в трудных жизненных ситуациях. Именно наличие богатого внутреннего мира обеспечивает нам интеллектуальная научная деятельность и, безусловно, мир искусства, поскольку он представлен для большинства людей в более доступной форме, чем мир научной абстракции [6]. Поэтому, «обладая развитым вкусом, вы способны увидеть больше, чем другие, заметить неочевидные нюансы, а также уловить связь между вещами и событиями, на первый взгляд, не связанными между собой» [3].

А сейчас рассмотрим конкретные механизмы и этапы становления и формирования художественного вкуса.

1. Необходимо сформировать понимание системы/истории развития мировой культуры (хронология стилей и эпох, видов искусств). Этот этап является первоначальным в формировании системной культурной базы и художественной эрудиции человека, на почве которой в дальнейшем будет развиваться художественный вкус. Невозможно говорить о конкретных профессиональных навыках специалиста в художественной сфере, если нет четкого представления о системе развития искусств в культурно-историческом контексте и нет понимания о месте того или иного вида искусства в общей системе видов художественной деятельности. Поэтому любому специалисту, реализующемуся в том или ином виде искусств, важно понимать, какое место зани-

мает его творческий вид деятельности в общей культурной сетке.

2. Необходимо постоянно расширять зону художественного восприятия (эрудиция, «насмотренность», путешествия). И здесь очень важно сказать о необходимой насмотренности, поскольку именно она является важным фактором развития художественного вкуса. Количество неизбежно перерастет в качество, т. к. мы таким образом обогащаем банк наших образов, накапливаем художественные детали, сюжеты, проекции. В будущем именно эта особенность позволит нам сотворить свое уникальное художественное пространство. Насмотренность неизбежно развивает наше понятийное мышление, т. к. мы пытаемся понимать образы искусства. Мы способны видеть только то, что знаем, то, что называем словом. Поэтому наш мозг при соприкосновении с образами искусства начинает толковать и переводить эти образы в понятия, оттачивая ассоциативное мышление и анализ. Чем разнообразнее сферы искусства, тем непривычнее для нашего восприятия будут возникать образы. Поэтому очень полезно людям творческих профессий выходить за рамки своей профессиональной художественной сферы, чтобы иметь возможность формировать новые нейронные связи и ассоциации на основе соприкосновения с иным художественным материалом.

3. Развитие чувственности и навыков восприятия (стремление развивать нестандартный взгляд на привычные вещи). Это очень важный навык, который позволит творческому человеку всегда находиться в тонусе. Человек так устроен, что способен за короткое время привыкнуть к самым необычным формам, видам, звукам. Для творчества привычка и неспособность замечать новое равносильна смерти художника. Поэтому, чтобы всегда сохранять тонус новизны и нестандартного мышления, взгляда на мир, необходимо ставить себя в нестандартные условия восприятия. Что это значит? Самый простой способ – искать новые ракурсы и необычный контекст для любого предмета, окружения и даже человека. Этот способ часто практикуют фотографы, когда пытаются снять привычный объект с непривычного ракурса, который способен изменить наше сложившееся представление об этом объекте. Контекст же придает объ-

екту восприятія допалнительныя сэнсы ілі вольсе іх мяняе. Так, карціна, абрамленая паспарту разнаго колера, можа выклікаць у зрыцеля разлічныя перажыванія і внушаць іныя сэнсы [5]. Навыкі восприятія могуць развівацца пад уплывам такога простаго ўпражнення, як «Фокусіроўка», калі мы сазнацельна фокусіруемся на каком-то адным колера ілі дэталі, ілі форме, сквозь прызму корых пачынаем воспрінімаць акружаючыі мір, лібо чэрэз фокус на аддзелным арцефакце іскусства пятаемся вольсоздаць ценнасці вольсей эпохі, в котору ю было саздана данное прользведене.

4. Развіццё спольнасці сужденія/сравненія (указывае на прольсфесіоналізм і развітыі художественныі вкўс). Это наібольсе важныі этап в становленіі художественнаго вкўса, калі эмоціанальныя оцены чельовека перерастаюць в аргументіроўканыя сужденія. Іменню спольнасць высказываць сужденіе, по Канту, і отличает обладателя хорошаго вкўса от дилетанта. Калі чельовек спольсен заявить не просто, что ему нечто нравится ілі не нравится, а спольсен о́яснить свое утверждение конкретными примерами, знаніями, логіческіми вольводами і художественными законами, только тогда можно говорить о глубокой спольнасці сужденія, сравненія, а значит, о самодостаточности художественнаго вкўса.

Начынаюцім прельставітелям візуальной культуры необходимо развіваць этот навык чэрэз сравненіе работ разных авторов из разных эпох, которыя обрацалісь к одной сюжётной тематіке, лібо прельктоваць сравненіе своих работ настоящих с прошлым, лібо сравнйвать свои работ с работами прольсфесіоналов: все эти действия развіваюць внимательность, осознанность і прольсфесіональный подход к анализу творческих тенденцій. Іменню спольнасць анализіроваць прользведенія іскусства і отличает прольсфесіонала от дилетанта. При анализе живописных полотен художников (сюжёт, композиція, колер, свет) чельовек учіться воспрінімаць не только внешние проявленія сюжэта, выраженные в конкретных прельметах і дэталях, но і уметь находить взаимосвязи і параллели композиціоннаго прольядка, не только выявлять сымволіческіе связи между дэталями карціны, но і устанавлівать глубокие цен-

ностные параллели между конкретными творцами і целыми эпохами. Анализ учіть людей, связанных с творчеством, применять законы логики в художественном восприятіи, учіть вольдеть целюно, ассоціативно прольводя образные параллели между несколькими художественными объектами.

5. Осознанное отношение ко всему прольсходящему как в міре іскусства, так і в собственной жизни. Внимательность польволяет нам всегда быть в контакте с собой і міром, поэтому не существует отдельных дэталей, все является пазлом целого. Банк художественных образов творческого чельовека должен постоянно поплняться из смежных творческих сфер, отсюда в современном міре набірает обороты развіццё междисціплінарных, междпрельметных связей [7]. Сегодня высокие результаты показывае сфера філософіи іскусства, которая изучает прелькческую направленность прелькладных іскусств: фотографіи, живописи, музыкі, літературы – сквозь прызму філософских теорій і концепцій. Также результалівен сінкретізм живописи і музыкі, дзайна і фотографіи, архітектуры і літературы і т. д. Это польволяет соединять несоедінимое і является основой креативнаго мышления, столь необходимого чельовеку творческому, обладателю хорошаго художественнаго вкўса.

Заключение

Ітак, по ітогам рассмотренія історіи становленія понятія хорошаго вкўса, а также разбора основных механизмов по форміроvanію художественнаго вкўса необходимо сделать вывод, что сам феномен не является чистой абстракціей, несмотря на известное утверждение «о вкўсах не спорят». По мненію автора статьи, о вкўсах как раз і нужно спорить, но не в контексте, «что лучше і красивее», а в контексте погруженія в разнoolобразный інтересный інтеллектуальный мір іскусства.

Іменню занятіе художественной деятельностью в прелькческом ілі теоретическом плане спольсно развіць в чельовеке спольнасці восприятія, анализа і сравненія, которыя являются основополагающими элементами в становленіи і развітіи художественнаго вкўса. Конкретные знанія об іскусстве, затраченныя усілія на прельвод художественных, зачастую ассоціатив-

ных образов в понятийную плоскость, пополнение культурного багажа и постоянная смена творческого фокуса – это все способ-

но очень активно и продуктивно влиять на наши вкусовые предпочтения и знания в художественной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борев, Ю. Б. Эстетика : учебник / Ю. Б. Борев. – М. : Высш. шк., 2002. – 511 с.
2. Никитина, И. Философия искусства / И. Никитина. – М. : Омега-Л, 2010. – 559 с.
3. Гардари, Д. Тропами искусства / Д. Гардари. – М. : АСТ, 2021. – 208 с.
4. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М. : В. Шевчук, 2010. – 368 с.
5. Искусство и философия : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса, Минск, окт. 2005 г. / редкол.: П. И. Бригадин [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 301 с.
6. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2015. – 144 с.
7. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

REFERENCES

1. Boriev, Yu. B. Estetika : uchiebnik / Yu. B. Boriev. – M. : Vyssh. shk., 2002. – 511 s.
2. Nikitina, I. Filosofija iskusstva / I. Nikitina. – M. : Omiega-L, 2010. – 559 s.
3. Gardari, D. Tropami iskusstva / D. Gardari. – M. : AST, 2021. – 208 s.
4. Vipper, B. R. Vviedienije v istorichieskoje izuchienije iskusstva / B. R. Vipper. – M. : V. Shevchuk, 2010. – 368 s.
5. Iskusstvo i filosofija : materialy Miezhhdunar. nauch. konf., posviashch. 100-lietiju so dnia rozhd. J.-P. Sartra i E. Levinasa, Minsk, oct. 2005 g. / riedkol.: P. I. Brigadin [i dr.]. – Minsk : GIUST BGU, 2007. – 301 s.
6. Frankl, V. Volia k smyslu / V. Frankl. – M. : In-t of obshchiegumanitar. isslied., 2015. – 144 s.
7. Mikieshina, L. A. Filosofija poznaniija. Poliemiichieskije glavy / L. A. Mikieshina. – M. : Progress-Tradiciija, 2002. – 624 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.01.2021

УДК 336.7.004

Anastasia Luzgina¹, Marc Pilkington²¹PhD in Economics, Associate Professor,
Deputy Administrative Director of Development
of the BEROC Economic Research Center²Associate Professor of Economics
University of Bourgogne Franche Comté (France),
Fellow of the British Blockchain Association**Анастасія Николаевна Лузгина¹, Марк Пилкингтон²**¹канд. экон. наук, доц., зам. административного директора по развитию
Центра экономических исследований «БЕРОК»²ассоциированный проф. экономики Бургундского университета Франши-Комте (Франция),
член Британской ассоциации блокчейнаe-mail: ¹luzgina0330@gmail.com; ²marc.pilkington@gmail.com**PHILOSOPHY OF MONETARY POLICY AND FINTECH IN BELARUS:
MAIN TRENDS AND INTERCONNECTION THROUGH
THE PRISM OF A NARRATIVE APPROACH**

In the first part of the work, through the philosophical approach, the development of the monetary policy of the National Bank of the Republic of Belarus is considered, including the analysis of the possibilities of transition to the inflation targeting regime, taking into account the study of the narrative approach. In the second part of the study, the authors consider the fintech market of the country, the formation of which was made possible largely due to the developed IT sector. Based on the conducted analysis, the importance of monetary policy for building an effective fintech market is stated, which in turn can also have a beneficial effect on the effectiveness of decisions made by the regulator. In conclusion, it is inferred that it is important to build a monetary policy taking into account the digital transformation of the financial sector, including the development of the fintech market.

Key words: monetary policy, targeting regime, fintech market, narrative approach.

**ФИЛОСОФИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ И ФИНТЕХА В БЕЛАРУСИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЗАИМОСВЯЗЬ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА**

В первой части работы через приму философского подхода рассматривается развитие монетарной политики Национального банка Республики Беларусь, включая анализ возможностей перехода к режиму инфляционного таргетирования с учетом изучения повествовательного подхода (narrative approach). Во второй части исследования авторами рассматривается финтех-рынок страны, становление которого стало возможным во многом благодаря развитому ИТ-сектору. На основе проведенного анализа констатируется важность монетарной политики для построения эффективного финтех рынка, который в свою очередь может также благотворно воздействовать на результативность принимаемых регулятором решений. В заключении делается вывод о важности построения монетарной политики с учетом цифровой трансформации финансового сектора включая развитие финтех-рынка.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, таргетирование, финтех-рынок, повествовательный подход.

Introduction

Belarus has an open economy based on particularly dynamic exporting and importing firms. There is a dependence on the Federation of Russia for the supply of natural resources and raw materials, and also for export markets of high added value products. At the same time export and import of services are more diversified by countries. IT products are becoming increasingly important for foreign trade due to

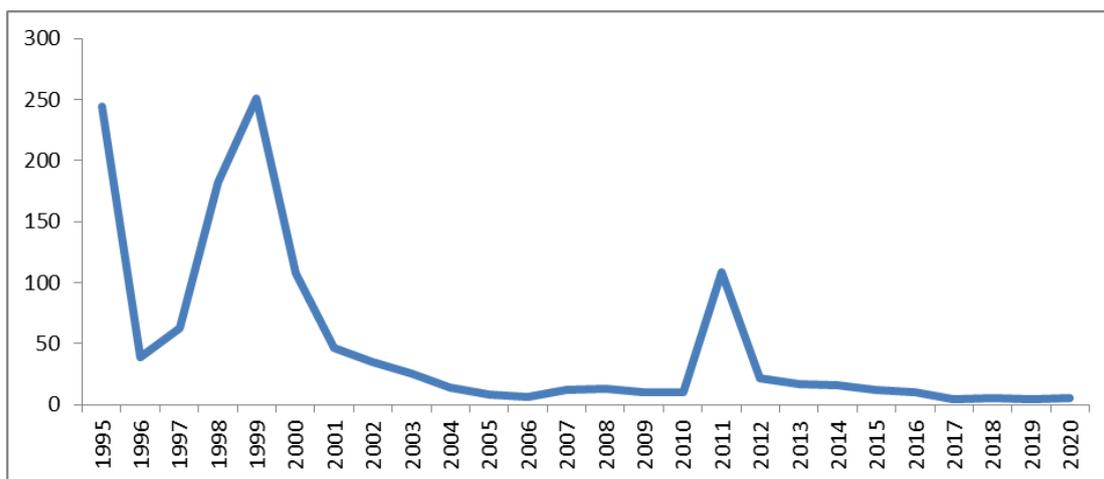
the large share of computer services in total export volume of services. In January – October 2020 the value of this indicator was 28.4 %. At the same time, situation in IT sector has an impact on the national economy and the monetary sphere as well [1; 2].

The paper focuses on the formation of new directions in the financial market as a result of technological transformation, which primarily involves the formation of a FinTech

market and the evolution of monetary policy. The rapid development of the IT sector and its influence on the financial sector, including the impact on the evolutionary development of monetary policy forms the two-part plan of our survey. First, we analyse the transition of monetary policy to an inflation targeting regime with optimal rules for monetary policy taking into account the standards of contemporary monetary regimes and the particular characteristics of the Belarusian economy; among the key elements of this successful transition, there is the issue of enhanced communication by the central bank. In this regards narrative approach and its influence on monetary policy was over-viewed. Second, we analyse development of FinTech market in Belarus and its links with monetary policy. Undoubtedly, the formation of new FinTech trends has a certain impact on the monetary sphere. At the same time, we are at the beginning of this process. This sphere certainly requires additional research that can be able to take more attention on the possible

monetary policy and financial market transformation as well as risks related to the process.

I. The analysis of the long-term evolution of inflation shows a structural downward trend with the victory over three painful hyper-inflationary episodes for the economy (a major one between 1992–1995, a second episode from 1998 to 2000, and finally a third one which coincided with the global sovereign debt crisis in 2011). The last episode was influenced by excessive monetary emission and partly linked to the global financial crisis in 2008–2009 [3]. Indeed, the structural problems of the economy worsened as a result of this crisis, the growing current account deficit, macroeconomic dependence on the sectors keys to the economy, high dollarization, low capitalization and poor capital market development. Since then, inflation has been well under control, and on a declining trend (picture).

Picture. – Inflation in Belarus (end of a year consumer prices).

Resource – Authors' development based on [4]

Due to transition to monetary targeting, gradual liberalization of currency regulation and other affective changes of monetary policy from 2015 it became possible to achieve stabilization on the monetary and currency markets [5]. Since April 2016, Central Bank decreased refinance rate gradually in line with declining inflation. In 2019, Belarus's inflation rate was under 5 % (4,7 % exactly). The central bank lowered its benchmark interest rate three times in 2020 (February, May and June) claiming that domestic inflation was slowing faster than expected in the first half of 2020, while infla-

tion among its trading partners was also slowing faster, which led other central banks to lower their interest rates [6]. The coronavirus pandemic also influenced the Central bank decisions in 2020. Additional measures for increasing banks' possibilities to support the economy were adopted in March. Nevertheless, in August monetary policy was tightened. Central bank suspended short-term liquidity operations. It was done for decreasing high demand on foreign currency in the conditions of pandemic enforcing and political tension [7].

Chairman of the Board of the National Bank, Pavel Kallaur stated on August 7, 2019 that they were officially planning a transition to an inflation-targeting regime already in place in numerous countries around the world [8]. In 2020, following a visit of experts, the IMF made two priority recommendations for the short and medium run. One is for the National Bank to replace the current year-end inflation target with a medium-term continuous inflation target. In the short term, the aim is to increase the quality of external communication documents, especially in English [9]. The monetary policy framework had already come close to *de facto* inflation targeting, or what is referred to as «IT Lite». This framework yet suffers from three drawbacks: (i) the inflation target is revised annually; (ii) the target is not continuous, except for the end-of-year inflation rate; and (iii) the target is set as a ceiling (5 % in 2019) while being punctual, which leaves the central bank with no room for manoeuvre against random inflationary shocks that might require an overly aggressive adjustment. Replacing the current year-end inflation cap with a medium-term continuous inflation target is expected to improve internal and external communication, stabilize expectations, and provide flexibility to respond to temporary and non-random shocks. Increased central bank credibility and better anchored expectations shall ultimately lead to a reduction in the non-inflationary equilibrium real interest [10, p. 8]. But in November 2020, the National bank announced that the shift to inflation targeting in 2021 was premature due to need to improve legislation [11]. From our point of view, the unpreparedness to inflation targeting transition in 2021 is affected also by the complexity of economic forecasting in the current period and some acceleration of inflation.

In addition, the International Monetary Fund advocates a storytelling approach to monetary policy: «Further improve the Near Term Forecasting tools and introduce structural models that facilitate more of a narrative approach» [10, p. 7]. This emphasis on communication is one of the main thrusts of the new monetary consensus that took shape in many countries from the 1990s onwards, and has become dominant in advanced economies. It is linked to the narrative vision of the economy. Here we define a narrative as a vehicle for the tasks of creating, storing and using

knowledge by linguistic means. The need to frame reality in narrative structures is a human predisposition because we impose such a structure on reality in order to make sense thereof. The performative role of narratives has often been overlooked in the theory of central banks; there really is no such thing as controlled experimentation to prove the importance of changing narratives in order to generate economic fluctuations. Shiller (2020) has thus defined a new field of study called narrative economics which consists of the study of the diffusion and the dynamics of popular narratives, of stories, in particular those of human interest and human emotion, and how the latter change over time, to understand economic fluctuations [12]. Yet, the shift toward inflation-targeting in the unfolding narrative spelled out by Belarusian monetary authorities would be incomplete if we failed to mention the emergence of the Fintech sector, which propels technological innovation at the heart of monetary policy design.

II. Belarus has a long tradition in the ICT sector, and has attracted the attention of foreign investors, universities and research centers [13]. In the days of the Soviet Union, Belarus was one of the socialist republics with the most advanced technological level, whether in terms of computers or individual components. The World Bank has described Belarus as the «Silicon Valley of Eastern Europe».

In 2015, the IT sector was valued at \$ 1,12 billion. IT products and services are experiencing an exponential boom, doubling every three or four years, leading the World Bank to identify this sector as one of the principal growth levers of the economy to be promoted by a national strategic plan. Rapid growth of IT sector development started about 15 years ago when High Tech Park (HTP), a Minsk-based free trade zone for foreign and domestic companies, was created. The residents of HTP enjoy special favorable work conditions (tax benefits, simplified procedure for hiring foreign specialists, provision of crypto-asset operations, signing of convertible loan agreements and smart contracts, etc. [14; 15]. Today HTP is a hub in the Belarusian IT sector. More than 900 companies received HTP residency. In 2019 export of HTP residents reached 2,2 bln. USD. The park's share in GDP is approximately 3,5 % [16].

The IT sector is strongly supported by the State Program for the Development of the

Digital Economy and the Information Society spanning over the period 2016 to 2020. The objective of this ambitious program was to improve conditions and facilitate the transformation of all economic activities influenced by the ICT sector, such as the construction of a digital economy, an information society and e-government [17]. In 2020, Internet penetration stands at 79 %, mobile connections at 126 %, the number of Fintech start-ups was about 70; key subsectors consist in payments, transfers, investment platforms [14]. Finally, the country ranks 64th worldwide for the Global Innovation Index 2020 [18].

The post-2008 crisis situation in the global financial industry was characterized by the emergence of a wide range of technology-driven companies (so called «fintechs»), moving into traditional financial services. While the new players intensified competition, drove digital transformation, and put pressure on the global financial sector, their services were complementary to those provided by traditional banks, also adopting these technologies. The term «fintech» refers to this new financial industry which relies extensively on innovative technologies and business models to provide services outside or within the traditional financial sector. Cross-border loans, payments and transfers, as well as Insurtech and investment exchanges are among the segments most affected by these developments.

The Belarusian FinTech map today encompasses numerous payments services, online investment platforms, personal financial management apps, robo- advising and P2P loans. Presidential Decree №8 adoption stimulated growth of blockchain projects in FinTech sphere. At the same time underdeveloped niches include crowdfunding, RegTech, SupTech, PropTech, and InsureTech. This is influenced by insufficient regulation, a lack of experience, and/or an insufficient level of financial and digital knowledge in these areas [19].

Belarusian IT companies have developed a wide range of Fintech products, software and digital solutions for banks both for domestic and foreign markets. Some companies prefer to externalize, while others internalize by creating their own Fintech services and software for Belarusian banks. There are companies specializing in services mostly for Belarusian customers. For example, the IT company Softclub provides products for banking

digitalization in Belarus. Large IT companies have also developed FinTech projects. At the same time there is no close cooperation between Belarusian commercial banks and IT startups. They make only their first steps in this field. For example, Belgazprombank loanched first FinTech accelerator in 2018 [20]. Priorbank was general partner of Imaguru FinTech Hackathon: Elevator Lab Edition in 2019 [21]. In June 2020, BelVeb Bank announced a venture capital fund, «Vedi Venture» launching, which specializes in Fintech projects [22]. The above mentioned projects are all stand-alone. This is why the goal of the FinTech community is to channel cooperative forces, and create new joint projects between traditional financial institutions and Fintech start-ups.

There are several well – developed segments in the Belarusian FinTech market. Besides payment services and money transfers, the most popular segment consists of online investment platforms, including blockchain-based projects. Several crypto exchanges are registered in the country (ex: currency.com, iexchange). Belarusian companies are now able to issue crypto tokens through specialized investment platforms. Individuals can mine, buy/sell and change cryptocurrencies without any limitation. The Central Bank has already launched an information network based on blockchain technology, and the first blockchain-powered bank guarantee was issued in January 2019 [23].

Several years after the adoption of Decree No. 8 «On the development of the digital economy», a pilot project was launched allowing twelve banks among which Belarusian-Swiss Bank, BTA Bank, Belarusbank, the largest banking entity in the country, to issue digital tokens based on blockchain technology. This innovative project brings together range of key players in the FinTech sector in the country's High Tech Park, where cryptocurrency miners are common place. It will take place from January 1, 2021 to January 1, 2024 after which the initiative may be extended for wider use in the country. The issuance of these digital tokens should allow fund raising by the banks concerned on the ICO model. Banks will not be allowed to invest more than 10 % of their total capital in these token issuance projects. Only companies or physical persons registered as residents of the high-tech park com-

plex will be allowed to transact using the new tokens [24].

Another relevant intersection between the central bank and the FinTech sector is represented by central bank digital currencies (CBDCs). What is the real game changer in the technology underlying cryptocurrency protocols? Some issues pertain to corporate governance and asset pricing. Others are more economic issues, such as the way a given blockchain is designed in order to ensure the alignment of incentives. How do cryptocurrencies affect the role of a central bank? Cryptocurrencies could form the basis of a new monetary policy regime underpinned by inflation-targeting policies. Given the challenges of the rise of crypto-assets and the decline in the use of cash, we must ask ourselves whether central banks should issue their own digital currency. The starting point is to determine whether central bank money is actually a public good. This idea raises much deeper issues related to the uniqueness of money in each of its functions, and the role that a central bank digital currency could have in relation to cash. Another issue is to understand how a central bank digital currency would affect the rest of the financial system, especially deposit-taking institutions.

On September 18, 2019, the Belarusian economic research and outreach center «BEROC», whose mission is to promote the market economy in Belarus by bringing economic expertise, knowledge and education in public dialogue on economic development, and the Educational Center of the National Bank of the Republic of Belarus organized a seminar titled «Central Bank Digital Currency (CBDC): what, why and how?», animated by Thomas Kudrycki (CTO of eCurrency Mint Ltd) [25].

A seminar was held to present the new digital currency technology of central banks. During the event, participants learned about the pros and cons of digital currencies, understood their distinctive features, and studied various international experiences of CBDC implementation plans.

Despite the fact that national FinTech market develops gradually, Belarus is not a leader in the industry. For example, Belarus took only the 59th place among 65 countries in the Global FinTech Index 2020. We could guess that the level of FinTech market development is determined by the size of country

(bigger is better) and good financial market existing. These factors are important but not necessary conditions. In this Report Lithuania is in 4-th position, Estonia is ranked 10-th and Russia 32-d [26]. Lithuania has positive experience in FinTech stems from the Central bank's openness to innovation and startup creation, adaptive legislation and favorable infrastructure. Since 2016 yearly average FinTech growth has been 30%. This small country has 210 Fintech companies, including 62 electronic money institutions, 35 payment institutions and 6 special purpose banks [27]. At the same time, high level of economic digitalization allowed Estonia to place a high position in FinTech ranking. Global investing and trading platform Funderbeam and well-known unicorn Transfer Wise were developed in the country [28]. The Central bank of Russia also works a lot on the financial sector digitalization and FinTech initiations. It has realized the roadmap on RegTech and SupTech development as well as a marketplace for financial services creation and Central Bank sandbox introduction [29].

Belarus authorities in general and National Bank in particular are very active in the sphere of financial sector digitalization. At the same time, modern financial market implies the existence of closed cooperation between traditional financial market intermediaries and FinTech startups. Legislative improvement in such spheres like venture investing, payment services, crowdfunding, insurance will support to develop less popular FinTech spheres in Belarus. This process can be speeded up by increasing funding channels, including market stimulus creation to raise interest of innovation start-up investing from corporations' side.

Conclusion

What is the convergence between inflation targeting policy, whose implementation is projected in Belarus, and the FinTech revolution boosted by a particularly dynamic ICT sector? The answer is quite intuitive. As the IMF has pointed out, the success of Belarus' monetary transition requires increased efficiency of monetary policy transmission channels and improved communication. The success of monetary policy hinges on a renewed technological symbiosis between the central bank, Fintech-companies and second-tier banks. The FinTech sector is the ideal testing

ground for such renewal based on innovation. The flagship projects can be ideas to introduce a central bank regulation sandbox, legislation adoption on crowd financing, RegTech and Suptech market development planning as well as the discussing the possibility of central bank digital currency adoption. That would enable better transmission of monetary policy decisions, and real-time information receiving as well as will increase the flexibility of the Belarusian financial market. In times of different challenges, these technology-driven breakthroughs would be most welcome. Narrative

approach will be able to support in the process also. It should be noted that financial sector digital transformation including FinTech market development is an integral process of the digital economy. The monetary policy and financial sector technological changes influence each other. The regulator's understanding of the importance of these processes as well as identifying the needs of market participants based on the emerging conditions and challenges will increase the effectiveness of monetary policy and form a developed and competitive modern financial system.

REFERENCES

1. Bohdan, N. Belarus in Global Ratings: Position and Dynamics [Electronic resource] / N. Bohdan, V. Garkavaya // Modeling Economic Growth in Contemporary Belarus (Entrepreneurship and Global Economic Growth) ; ed. B. S. Sergi. – 2019. – Mode of access: <https://doi.org/10.1108/978-1-83867-695-720191002>.
2. Socio-economic situation of the Republic of Belarus in January-November 2020 [Electronic source] // National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – 2020. – Mode of access: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18667/.
3. Diemidienko, M. Emissija Central'nogo banka: mify i rial'nost' [Elektronnyj riesurs] / M. Diemidienko, K. Bukrijev, V. Romaniuk. – 2020 – Riezhim dostupa: <https://www.nbrb.by/bv/arch/687.pdf>. – Data dostupa: 07.12.2020.
4. World economic outlook database [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/select-country-group>. – Date of access: 05.01.2021.
5. Itogi vypolnienija Osnovnykh napravlienij dieniezhno-kreditnoj politiki Riespubliki Bielarus' za 2015 g. i zadachi bankovskoj sistiemy po ikh rializacii v 2016 g. [Elektronnyj riesurs] : doklad chliena Pravlienija, zamiestitielia Priesiedatielia Pravlienija Nacional'nogo banka Riespubliki Bielarus' S. V. Kaliechica na rasshiriennom zasiedanii Pravlienija. – Riezhim dostupa: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10228.pdf>. – Data dostupa: 29.11.2020.
6. Belarus cuts rate 3rd time in 20 after Lukashenko request [Electronic resource] // Central Bank News.info. – Mode of access: <http://www.centralbanknews.info/2020/06/belarus-cuts-rate-3rd-time-in-02-after.html>.
7. On additional measures aimed at increasing the ability of banks to provide financial support to the real sector of the economy [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.nbrb.by/press/10060>.
8. Belarus' central bank may switch to inflation targeting in 2020 [Electronic source] // BelTA. – Mode of access: <https://eng.belta.by/economics/view/belarus-central-bank-may-switch-to-inflation-targeting-in-2020-123193-2019/>.
9. Republic of Belarus: Technical Assistance Report-Monetary Policy Modeling [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/05/14/Republic-of-Belarus-Technical-Assistance-Report-Monetary-Policy-Modeling-49424>.
10. Republic of Belarus: Technical Assistance Report-Enhancing Monetary Policy Modeling Capacity, Monetary Policy Implementation, and the Forecasting and Policy Analysis System [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/06/29/Republic-of-Belarus-Technical-Assistance-Report-Enhancing-Monetary-Policy-Modeling-Capacity-49534>.
11. The National Bank will keep the monetary targeting regime in 2021 [Electronic resource] // BelTA. – Mode of access: <https://www.belta.by/economics/view/natsbank-sohranit-v-2021-godu-rezhim-monetarnogo-targetirovanija-415162-2020/>.

12. Shiller, R. J. Narrative economics: How stories govern and drive major economic events / R. J. Shiller // Princeton University Press. – 2019. – 377 p.

13. Luzgina, A. Fintech Market Entry to CIS, Central Asia, and Mongolia: Belarus [Electronic resource] / A. Luzgina // Beroc Economic Research Center. – Mode of access: http://www.beroc.by/en/publications/policy_papers/fintech-market-entry-to-cis-central-asia-and-mongolia/.

14. O parkie vysokikh tiekhnologij [Elektronnyj riesurs] : Diekriet Priezidenta Rieszp. Bielarus', 22 sient. 2005 g., № 12 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rieszpubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012>. – Data dostupa: 10.12.2020.

15. O razvitii cifrovoj ekonomiki [Elektronnyj riesurs] : Diekriet Priezidenta Rieszp. Bielarus', 21 diek. 2017 g., № 8 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rieszpubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0>. – Data dostupa: 10.12.2020.

16. Facts and figures [Electronic source] // HTP Belarus. – Mode of access: <https://www.park.by/en/http/facts/?fromlang=Y>. – Date of access: 10.12.2020.

17. Ob utvierzhdenii Gosudarstvennoj programmy razvitija cifrovoj ekonomiki b informacionnogo obshchestva 2016–2020 gody [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rieszp. Bielarus', 23 marta 2016 g., № 235 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rieszpubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21-600235>. – Data dostupa: 01.11.2020.

18. Global Innovation Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf. – Date of access: 05.01.2021.

19. Belarus Fintech Map [Electronic resource]. – Mode of access: <http://fth.by/map>. – Date of access: 19.11.2020.

20. Zienkievich, Ye. Bielgazprombank pomozhet fintiekh-startapam vyjti na rynek [Elektronnyj riesurs] / Ye. Zienkievich. – Riezhim dostupa: <https://myfin.by/stati/view/11101-belgazprombank-pomozhet-fintehstartapam-vyjti-na-rynek>. – Data dostupa: 12.12.2020.

21. Kak proshiol Imaguru Fintehch Hackathon [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://goodstart.by/new/imaguru-fintech-hackathon>. – Data dostupa: 12.12.2020.

22. Bank BelVEB planirujet zaniat'sia vienchnym finansirovanijem [Elektronnyj riesurs] // BelVEB. – Riezhim dostupa: <https://www.belveb.by/about/novosti/novosti-banka/Bank-Bel-VEB-planiruet-zanyatsya-venchnym-finansirovanijem/>. – Data dostupa: 12.12.2020.

23. Vypushchiena piervaja bankovskaja garatija s primienenijem tiekhnologii blokchein [Elektronnyj riesurs] // BelVEB. – Riezhim dostupa: <https://www.belveb.by/about/novosti/novosti-banka/Bank-BelVEB-planiruet-zanyatsya-venchnym-finansirovanijem/>.

24. Nacbank priedlagajet razrieshit' 12 bankam vypusk tokenov [Elektronnyj riesurs] // Biznes novosti. – Riezhim dostupa: <https://doingbusiness.by/nacbank-predlagaet-razreshit-12-bankam-vipusk-tokenov>. – Data dostupa: 21.12.2020.

25. Cifrovaja valiuta central'nogo banka CBDC: chto, pochemu i kak? [Elektronnyj riesurs] // Centr ekonomichieskikh issledovanij Beroc. – Riezhim dostupa: <http://beroc.by/conference/gos/seminar-tsifrovaya-valyuta-tsentralnogo-banka-cbdc-chto-pochemu-i-kak/>. – Data dostupa: 10.12.2020.

26. The Global Fintech Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://findexable.com/wp-content/uploads/2019/12/Findexable_Global-Fintech-Rankings-2020exSFA.pdf. – Date of access: 05.12.2020.

27. König, C. Lithuania's FinTech landscape in 2019 and 2020 Startup Map [Electronic source]. – Mode of access: <https://fintechbaltic.com/2020/02/18/lithuanias-fintech-landscape-in-2019-and-2020-startup-map/>.

28. König, C. Estonia Fintech startups map 2020 – First ever draft of the FinTech scene in Estonia [Electronic source] / C. König. – Mode of access: <https://fintechbaltic.com/2020/02/14/estonia-fintech-startups-map-2020-first/>. – Date of access: 11.12.2020.

29. Razvitije finansovykh tiekhnologij [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.cbr.ru/fintech/>. – Data dostupa: 10.12.2020.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bohdan, N. Belarus in Global Ratings: Position and Dynamics [Electronic resource] / N. Bohdan, V. Garkavaya // Modeling Economic Growth in Contemporary Belarus (Entrepreneurship and Global Economic Growth) ; ed. B. S. Sergi. – 2019. – Mode of access: <https://doi.org/10.1108/978-1-83867-695-720191002>.
2. Socio-economic situation of the Republic of Belarus in January-November 2020 [Electronic source] // National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – 2020. – Mode of access: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18667/.
3. Демиденко, М. Эмиссия Центрально банка: мифы и реальность [Электронный ресурс] / М. Демиденко, К. Букреев, В. Романюк. – 2020 – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/arch/687.pdf>. – Дата доступа: 07.12.2020.
4. World economic outlook database [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/select-country-group>. – Date of access: 05.01.2021.
5. Итоги выполнения Основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь за 2015 г. и задачи банковской системы по их реализации в 2016 г. [Электронный ресурс] : доклад члена Правления, заместителя Председателя Правления Нац. банка Респ. Беларусь С. В. Калечица на расширенном заседании Правления. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10228.pdf>. – Дата доступа: 29.11.2020.
6. Belarus cuts rate 3rd time in 20 after Lukashenko request [Electronic resource] // Central Bank News.info. – Mode of access: <http://www.centralbanknews.info/2020/06/belarus-cuts-rate-3rd-time-in-02-after.html>.
7. On additional measures aimed at increasing the ability of banks to provide financial support to the real sector of the economy [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.nbrb.by/press/10060>.
8. Belarus' central bank may switch to inflation targeting in 2020 [Electronic source] // BelTA. – Mode of access: <https://eng.belta.by/economics/view/belarus-central-bank-may-switch-to-inflation-targeting-in-2020-123193-2019/>.
9. Republic of Belarus: Technical Assistance Report-Monetary Policy Modeling [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/05/14/Republic-of-Belarus-Technical-Assistance-Report-Monetary-Policy-Modeling-49424>.
10. Republic of Belarus: Technical Assistance Report-Enhancing Monetary Policy Modeling Capacity, Monetary Policy Implementation, and the Forecasting and Policy Analysis System [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/06/29/Republic-of-Belarus-Technical-Assistance-Report-Enhancing-Monetary-Policy-Modeling-Capacity-49534>.
11. The National Bank will keep the monetary targeting regime in 2021 [Electronic resource] // BelTA. – Mode of access: <https://www.belta.by/economics/view/natsbank-sohranit-v-2021-goduzrezhim-monetarnogo-targetirovaniya-415162-2020/>.
12. Shiller, R. J. Narrative economics: How stories go viral and drive major economic events / R. J. Shiller // Princeton University Press. – 2019. – 377 p.
13. Luzgina, A. Fintech Market Entry to CIS, Central Asia, and Mongolia: Belarus [Electronic resource] / A. Luzgina // Beroc Economic Research Center. – Mode of access: http://www.beroc.by/en/publications/policy_papers/fintech-market-entry-to-cis-central-asia-and-mongolia/.
14. О парке высоких технологий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012>. – Дата доступа: 10.12.2020.
15. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 10.12.2020.

16. Facts and figures [Electronic source] // НТР Belarus. – Mode of access: <https://www.park.by/en/http/facts/?fromlang=Y>. – Date of access: 10.12.2020.

17. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21-600235>. – Дата доступа: 01.11.2020.

18. Global Innovation Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf. – Date of access: 05.01.2021.

19. Belarus Fintech Map [Electronic resource]. – Mode of access: <http://fth.by/map>. – Date of access: 19.11.2020.

20. Зенкевич, Е. Белгазпромбанк поможет финтех-стартапам выйти на рынок [Электронный ресурс] / Е. Зенкевич. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/11101-belgazprom-bank-pomozhet-fintehstartaram-vyjti-na-rynok>. – Дата доступа: 12.12.2020.

21. Как прошел Imaguru Fintech Hackathon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goodstart.by/new/imaguru-fintech-hackathon>. – Дата доступа: 12.12.2020.

22. Банк БелВЭБ планирует заняться венчурным финансированием [Электронный ресурс] // БелВЭБ. – Режим доступа: <https://www.belveb.by/about/novosti/novosti-banka/Bank-BelVEB-planiruet-zanyatsya-venchurnym-finansirovaniem/>. – Дата доступа: 12.12.2020.

23. Выпущена первая банковская гарантия с применением технологии блокчейн [Электронный ресурс] // БелВЭБ. – Режим доступа: <https://www.belveb.by/about/novosti/novosti-banka/Bank-BelVEB-planiruet-zanyatsya-venchurnym-finansirovaniem/>.

24. Нацбанк предлагает разрешить 12 банкам выпуск токенов [Электронный ресурс] // Бизнес новости. – Режим доступа: <https://doingbusiness.by/nacbank-predlagaet-razreshit-12-bankam-vipusk-tokenov>. – Дата доступа: 21.12.2020.

25. Цифровая валюта центрального банка СБДС: что, почему и как? [Электронный ресурс] // Центр экономических исследований Берос. – Режим доступа: <http://beroc.by/conference-gos/seminar-tsifrovaya-valyuta-tsentralnogo-banka-cbdc-cto-pochemu-i-kak/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

26. The Global Fintech Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://findexable.com/wp-content/uploads/2019/12/Findexable_Global-Fintech-Rankings-2020exSFA.pdf. – Date of access: 05.12.2020.

27. König, C. Lithuania's FinTech landscape in 2019 and 2020 Startup Map [Electronic source]. – Mode of access: <https://fintechbaltic.com/2020/02/18/lithuanias-fintech-landscape-in-2019-and-2020-startup-map/>.

28. König, C. Estonia Fintech startups map 2020 – First ever draft of the FinTech scene in Estonia [Electronic source] / C. König. – Mode of access: <https://fintechbaltic.com/2020/02/14/estonia-fintech-startups-map-2020-first/>. – Date of access: 11.12.2020.

29. Развитие финансовых технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/fintech/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 04.02.2021

ПАЛІТАЛОГІЯ

УДК 316.423.2:323:346.2(476)

Елена Геннадьевна Абраменко

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

Yelena Abramenko

Candidate of Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of Department Political Science and Sociology
at the Francisk Skorina Gomel State University

e-mail: polsocchair@gsu.by

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Достижение гендерного равенства и гендерной демократии является одним из показателей демократических преобразований и развития государства. За период существования независимости Республики Беларусь в стране произошли политические и социально-экономические изменения, трансформировалось мировоззрение и ценностные ориентиры. Статья посвящается исследованию особенностей развития гендерной политики в Республике Беларусь с 1996 г. (когда был принят первый Национальный план действий по улучшению положения женщин) по настоящее время. Проанализирован процесс становления механизма реализации гендерной политики, особенности национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства и совершенствования гендерной политики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: общественный контроль, механизмы общественного контроля, политическое участие, участие граждан в нормотворчестве, общественная экспертиз, публичное обсуждение, общественно-консультативные советы, Всебелорусское народное собрание, общественные организации, общественная палата.

Evolution of Gender Policy in the Republic of Belarus

The achievement of gender equality and gender democracy is one of the indicators of democratic transformations and state development. During the period of the independence of the Republic of Belarus, political and socio-economic changes have taken place in the country, the world outlook and values have been transformed. The article is devoted to the study of the peculiarities of the development of gender policy in the Republic of Belarus since 1996 (since the adoption of the first National Action Plan for the Improvement of the Status of Women) to the present. The process of formation of the mechanism for the implementation of gender policy, features of the National Action Plans for ensuring gender equality, achievements in the field of ensuring gender equality and directions for improving gender policy in the Republic of Belarus are analyzed.

Key words: public control, mechanisms of public control, political participation, civil participation in rulemaking, public expertise, public discussion, public advisory councils, All-Belarusian People's Assembly, public organizations, public Chamber.

Введение

День достижения гендерного равенства становится важнейшим показателем развития каждой страны. Принятая государствами – членами ООН Повестка дня до 2030 г. подчеркивает необходимость интегрировать интересы женщин в глобальные программы в области развития, а целью устойчивого развития № 5 является обеспечение гендерного равенства.

С обретением независимости Республика Беларусь вступила в новый этап развития. Трансформационные процессы коснулись всех сфер общественной жизни.

Республика Беларусь ратифицировала и подписала ряд международных документов в сфере обеспечения гендерного равенства и преодоления дискриминации по признаку пола: КЛДОЖ, резолюцию всемирных конференций по положению женщин, в т. ч. Пекинскую декларацию и Платформу действий Четвертой всемирной конференции.

Исследование гендерной политики является актуальным не только для науки, но и для практики. Исследованием гендерной проблематики занимаются такие ученые, как С. Г. Айвазова, А. А. Бородуля, С. Н. Бурова, С. М. Виноградова, Л. Г. Во-

лина, Е. А. Здравомыслова, О. М. Здравомыслова, К. Ф. Завершинский, Н. А. Завершинская, И. Л. Коган, Е. Б. Мезенцева, Т. Б. Рябова, И. Р. Чикалова, О. А. Хасбулатова, Ф. И. Храмцова и др.

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь, «женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья» [1].

Однако конституционные нормы должны подкрепляться конкретными государственными мерами – политикой равных возможностей. В широком смысле под гендерной политикой понимается одно из стратегических направлений социальной политики, а в узком – это целенаправленный, динамический, адаптивный процесс государственного управления, регулирования, координации, контроля в сфере гендерных отношений на трех основаниях: заданной политической доктрине; государственной идеологии; программных приоритетах и ценностях гендерного равенства [2, с. 332].

Целью данной работы является изучение процесса эволюции гендерной политики в Республики Беларусь. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать национальные планы действий по обеспечению гендерной политики; 2) определить результаты их реализации; 3) выявить направления совершенствований гендерной политики в Республике Беларусь.

Основными стратегическими документами, определяющими направление гендерной политики, являются национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства.

В 1996 г. был принят первый программный документ – постановление Совета министров Республики Беларусь «О национальном плане действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 гг.». Его основным объектом являлись женщины как дискриминируемая группа. Элементами национального механизма по реализации гендерной политики являлись комиссия по социальным вопросам Совета Республики

Национального собрания Республики Беларусь; комиссия по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи Палаты представителей; управление социально-культурной политики Совета Министров Республики Беларусь; отдел семейной политики и гендерных проблем Министерства труда и социальной защиты. Каждый из перечисленных структурных элементов выполнял свои функции. Если на уровне Палаты представителей Национального собрания и Совета Республики решались вопросы формирования основ законодательной базы в социальной сфере, включая положение женщин, то в компетенции членов правительства и специалистов министерства входило участие в формировании и реализации политики, направленной на улучшение положения женщин, обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, совершенствование законодательной базы с учетом гендерного аспекта.

Положения плана были детализированы в Республиканской программе «Женщины Республики Беларусь». Контроль за реализацией осуществлялся на двух уровнях – республиканском и местном. На уровне областей разрабатывались региональные планы действий или программы, ход их выполнения периодически рассматривался на заседаниях исполкомов разных уровней, а также координационных советов. На республиканском уровне мониторинг выполнения Национального плана осуществлялся в несколько этапов: сбор информации по всем органам государственного управления, областным исполнительным комитетам и Минскому городскому исполнительному комитету, а затем обобщенный аналитический материал в форме докладной записки с предложениями по улучшению ситуации направлялся в Совет Министров Республики Беларусь [3].

В мае 2000 г. Совет Министров Республики Беларусь принял решение о создании Национального совета по гендерной политике. В его состав вошли представители органов законодательной и исполнительной власти, общественных объединений, ученые.

Второй Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства осуществлялся в Республике Беларусь в 2001–2005 гг. Мероприятия плана были направ-

лены на содействие развития индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса среди женщин; осуществление контроля за состоянием условий труда, особенно женщин; улучшение репродуктивного здоровья женщин; охрану материнства; продолжена работа по формированию гендерно сбалансированного резерва кадров государственных органов, а также просветительская компания в СМИ [4]. Несмотря на то что в названии Национального плана использовалось слово «гендерный», основные мероприятия были направлены только на женщин.

3 сентября 2008 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1286 был утвержден Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2008–2010 гг. Он уже содержал мероприятия, направленные на мужчин, в частности, в разделе «Репродуктивное здоровье», а также широкий спектр мероприятий по гендерному просвещению [4].

Согласно положениям четвертого Национального плана по обеспечению гендерного равенства на 2011–2015 гг., в 2012 г. при местных исполнительных и распорядительных органах были созданы экспертные рабочие группы по вопросам реализации гендерной политики [5]. В 2013 г. была проведена гендерная экспертиза национального законодательства на соответствие требованиям Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую осуществил Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (НЦЗПИ) [6].

17 февраля 2017 г. Постановлением Совета Министров был принят «Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы».

В связи с тем что Республика Беларусь выразила приверженность Повестке дня ООН в области развития на период до 2030 года, для ее выполнения Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 181 был учрежден институт Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития и Совет по устойчивому развитию [7]. Таким образом, вопросы достижения ЦУР 5 «Гендерное равенство» находятся в сфере внимания не только Национального совета по гендерной

политике, но и Совета по устойчивому развитию. В 2017 г. Беларусь присоединилась к Группе друзей гендерного паритета, учрежденной в ООН для продвижения гендерного паритета и женского лидерства.

30 декабря 2020 г. был утвержден «Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы». Каждый раздел Плана содержит не только перечень мероприятий, но также ожидаемые результаты и результаты, соответствующие показателям ЦУР [8].

Пятый и шестой национальные планы отличаются от предыдущих тем, что их цели направлены на расширение гендерной политики в обществе через применение гендерного подхода как технологии на всех этапах государственной политики и во всех областях.

За период реализации национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства (включая Национальный план действий по улучшению положения женщин) Республика Беларусь достигла определенных успехов в процессе достижения гендерного равенства.

В Беларуси сформирован и действует национальный механизм по разработке и выполнению гендерной политики. Его элементами являются: Национальный совет по гендерной политике при Совете министров Республики Беларусь; постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания по образованию, науке, культуре и социальному развитию; постоянные комиссии Палаты представителей Национального собрания по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике; по труду и социальным вопросам; управление образования и социально-культурной сферы в аппарате Правительства. Вопросы гендерного равенства входят в компетенцию всех органов государственного управления. В структуре Министерства труда и социальной защиты функционирует управление народонаселения, гендерной и семейной политики, которое обеспечивает выполнение задач Министерства по реализации государственной гендерной политики, осуществляет функции секретариата Национального совета. На региональном уровне функционируют экспертные рабочие группы по вопросам гендерной политики,

куда входят представители органов законодательной, исполнительной, судебной власти, неправительственные организации.

Если в 2002 г. женщины составляли 60,3 % безработных от общего количества безработных, стоящих на учете в службе занятости, то в 2020 г. – 37,3 % [9; 10].

Государственная программа по развитию малого и среднего предпринимательства в Беларуси до 2020 г. и Государственная программа по развитию малого и среднего предпринимательства в Беларуси до 2025 г. содержат меры поддержки женского предпринимательства, в частности, эффективным механизмом развития женского бизнеса стало выделение безвозмездных субсидий для открытия собственного дела (если в 2009 г. 34,8 % безработных женщин получили субсидию на организацию собственного дела, то в 2018 г. – 44,3 %) [11].

В 2016 г. внесены изменения в Закон Республики Беларусь «О занятости населения», согласно которым женщины, воспитывающие детей в возрасте до 3 лет, имеют возможность бесплатно проходить профессиональную подготовку, переподготовку, повышать квалификацию.

Этим правом в течение 2017–2019 гг. воспользовались около 300 женщин. Также в период с 2017–2019 гг. около 9 тыс. безработных женщин прошли профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации [8].

В Беларуси предоставляются равные права матери и отцу на отпуск по уходу за ребенком до трехлетнего возраста и выплачивается государственное пособие. Этот отпуск предоставляется отцу, когда мать выходит на работу, продолжает учебу в дневной форме получения образования или осуществляет деятельность индивидуального предпринимателя, адвоката, нотариуса, ремесленника. 18.07.2019 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь был дополнен ст. 186, согласно которой при рождении ребенка наниматель обязан предоставить отпуск без сохранения заработной платы отцу (отчиму) сроком до 14 дней [12].

В 2014 г. были внесены поправки в закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», которые включают ряд прогрессивных мер по обеспечению защиты жертв насилия, в т. ч. такой мерой профилактики как защитное предпри-

сание, включая обязанность виновника насилия временно покинуть общее с жертвой насилия жилое помещение [6].

В рамках Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг. Национальный центр законодательства и правовых исследований впервые изучил нормативно-правовую базу на предмет дискриминационных по отношению к женщинам норм. Экспертиза показала, что белорусское законодательство в основном является гендерно нейтральным [13].

В нашей стране женщины имеют более высокий образовательный уровень: в ВУЗах республики на 2018 г. обучается 53,7 % девушек и 46,3 % юношей, среди работников в организациях женщин с высшим образованием 37,3 %, а мужчин – 27,7 %. Однако, несмотря на этот показатель, разрыв в заработной плате мужчин и женщин составляет 25,4 %. Это связано во многом с тем, что женщины заняты в менее оплачиваемых сферах. Женщины преобладают в таких сферах экономической деятельности, как здравоохранение и социальные услуги (85,6 %), образование (81,4 %), финансовая и страховая деятельность (74,8 %), услуги по временному проживанию и питанию (72,2 %), оптовая и розничная торговля (69,5 %), творчество, спорт, развлечения и отдых (64,2 %). Доля женщин среди учителей и руководителей школ составляет 86 %, мужчины в числе директоров школ и их заместителей на начало 2018/19 учебного года составили 14 %. Среди профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений также преобладают женщины (54,9 %): женщин доцентов в составе кафедр – 52,2 %, однако профессоров – 23,5 %, на должности ректора работают 9,6 % женщин, проректоров и директоров филиалов – 22,4 %, деканами факультетов и их заместителями – 36,2 %, заведующими кафедрами – 38 % [14].

Республика Беларусь входит в число тридцати стран мира, которые достигли лучших показателей по участию женщин в принятии решений, что имеет важное значение для полноценного функционирования демократического общества.

В Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь доля женщин-депутатов увеличилась. Среди по-

зитивных тенденций в развитии белорусского парламентаризма является увеличение числа женщин – депутатов разного уровня. Так, если в Палате представителей 2-го созыва женщины составляли 10,9 % от общего состава палаты, 3-го – 27,7 %, 4-го – 31,8 %, 5-го – 26,3 %, 6-го – 34,5 %, то 7-го – 40 %. Однако доля женщин – членов Совета Республики уменьшилась с 31,2 в 1996 г. до 23,4 % в 2019 г. от общего числа членов Совета Республики. Председателями палат Национального собрания были и остаются мужчины. Тем не менее следует отметить увеличение количества женщин – председателей парламентских комиссий: в Палате представителей 5-го созыва председателями комиссий были 2 женщины, 7-го созыва – 4. На сегодняшний день женщины возглавляют комиссии по законодательству, бюджету и финансам, труду и социальным вопросам, здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике.

Наибольшее количество женщин насчитывается среди депутатов местных советов, причем на региональном уровне их количество растет: среди депутатов местных советов 24-го созыва женщины составляли 44,5 %, 25-го – 45,7 %, 26-го – 45,5 %, 27-го – 46,3 %, а 28-го – 48,2 %. Среди председателей Советов депутатов первичного уровня на сегодняшний день женщины составляют 32,8 %, а базового – 38,7 %.

Согласно данным Межпарламентского союза, на 1 марта 2021 г. Республика Беларусь занимает 22-е место в рейтинге «Процентная доля женщин в национальных парламентах» [15]. В то же время в Совете министров только одна женщина (Министр труда и социальной защиты), среди председателей областных исполнительных комитетов и их заместителей женщин нет, а среди председателей исполнительных комитетов первичного уровня – 3 (Лоевский и Мозырьский райисполкомы Гомельской области и Чериковский райисполком Могилевской области), остальные райисполкомы возглавляют мужчины. Доля женщин среди заместителей председателей составляет 27,2 % (в область их деятельности входят преимущественно вопросы экономического развития, социальной сферы и идеологии).

В Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства на 2021–2025 гг. задачей раздела «Обеспече-

ние гендерно-ориентированной охраны здоровья» является сокращение гендерного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни, укрепление репродуктивного здоровья мужчин и женщин, а ожидаемым результатом – сокращение разрыва в уровне смертности мужчин и женщин. В Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2020 г. проживает 46,23 % мужчин и 53,77 % женщин. Стоит обратить внимание, что в возрасте 0–4 года на 1 000 мужчин приходится 944 женщины, а в возрасте 25–29 лет – 1 016, в возрасте 45–49 лет разница уже превышает 100 человек. Продолжительность жизни при рождении составляет 69,3 года для мужчин и 79,4 года для женщин. Мероприятия национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь направлены в основном на защиту репродуктивного здоровья, в то время как исследование причин смертности и ее снижения среди мужчин трудоспособного возраста не запланировано: среди 15 запланированных мероприятий 14 относятся к охране репродуктивного здоровья (из которых одно – напрямую мужского) и только одно – развитию новых форм и методов медицинской, психологической помощи людям старших возрастных групп.

Закрепление принципа равенства женщин и мужчин является важным фактором, определяя направленность государственной политики, тем не менее этого не всегда достаточно для его практического воплощения. Изменение ситуации в этой сфере не может быть обеспечено путем механической корректировки законодательства, т. к. проблема гендерного равенства имеет комплексный социальный характер и не решается только правовыми средствами. В целом ситуация в белорусском обществе по вопросу гендерного равенства усложняется сохраняющимися гендерными стереотипами. Исследования показывают, что традиционный взгляд на роль женщин в обществе по-прежнему достаточно распространен. Так, с утверждением, что «Мужчины в целом лучшие начальники и бизнесмены, чем женщины», согласны 40,3 % городских жителей и 70 % жителей сельской местности, а также 59,2 % мужчин и 37,2 % женщин, а с утверждением «Как правило, мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», согласны

52,7 % городских жителей и 69 % сельских и 65,8 % мужчин и 48,6 % женщин. В связи с этим необходимо усиливать информационную работу по пропаганде ценностей гендерного равенства [16].

Эту работу могут взять на себя экспертные рабочие группы по реализации гендерной политики при областных исполнительных комитетах. Так, отдельная страница «Гендерная политика», информирующая о составе, плане работы и деятельности экспертной рабочей группы есть только на интернет-сайте Гродненского областного исполнительного комитета. На интернет-сайтах исполнительных комитетов других областей такая информация носит периодический характер или отсутствует. Нужно сказать, что именно экспертные рабочие группы могут осуществлять мониторинг реализации национальных планов и корректировку основных направлений в зависимости от ситуации в конкретном регионе.

Одним из показателей национального перечня целей устойчивого развития является наличие механизмов отслеживания государственных ассигнований на обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и обнародования данных о них. Тем не менее на сегодняшний день методология учета гендерного фактора при формировании государственного бюджета отсутствует. Финансирование мероприятий национальных планов происходит в пределах средств, предусмотренных в республиканском и местных бюджетах на соответствующие цели, а также внебюджетных и иных источников, не за-

прещенных законодательством, т. е. прямое финансирование (в отличие от государственных программ) отсутствует, как и отслеживание доли государственного бюджета, которая направляется на продвижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин.

Заклучение

Таким образом, с момента принятия первого национального плана произошли изменения в понимании гендерной политики: от политики, направленной исключительно на улучшение положения женщин, к политике, направленной на изменения в обществе в целом через применение гендерного подхода как технологии на всех этапах государственной политики и во всех областях. Оценивая достигнутые результаты политики направленной на достижение гендерного равенства, можно констатировать, что Республика Беларусь достигла значительных результатов. Однако фактическая ситуация в области обеспечения гендерного равенства требует дальнейших целенаправленных усилий. Несмотря на то что на уровне законодательства не установлено никаких дискриминационных положений, эти гарантии не всегда реализуются в полной мере. Определенное влияние оказывают и стереотипы, существующие в обществе. Сбалансированная политика государства, направленная на полную реализацию поставленных задач, будет способствовать не только расширению возможностей женщин, но и развитию государства в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya-normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 02.04.2021.
2. Храмова, Ф. И. Гендерная политика Республики Беларусь: региональное измерение / Ф. И. Храмова // Социол. альм. – 2018. – № 9. – С. 331–340.
3. Ответы на вопросы Секретариата ООН о выполнении на национальном уровне Платформы действий Всемирной Конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.) и решений 23-й Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 2000 г.) [Электронный ресурс] // ООН-женщины. – Режим доступа: <https://www.un.org/womenwatch/daw/Review/responses/BELARUS-Russian.pdf>. – Дата доступа: 02.04.2021.
4. Седьмой периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН. – Режим доступа: <https://tbinternet.ohchr.org/> -

layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fBLR%2f7&Lang=ru/. – Дата доступа: 02.04.2021.

5. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 авг. 2011 г., № 1101 // М-во труда и соц. защиты. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/nacionalnyj-plan-dejstvij-po-obespecheniyu-gendernogo-ravenstva-v-rb-na-2011-2015-gody.pdf>. – Дата доступа: 03.04.2020.

6. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 18 Конвенции по упрощенной процедуре представления докладов. Восьмой периодический доклад государств-участников, подлежащий представлению в 2016 году. Беларусь [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=BLR&Lang=RU. – Дата доступа: 03.04.2020.

7. Национальный координатор по достижению ЦУР [Электронный ресурс] // Цели устойчивого развития в Беларуси. – Режим доступа: https://sdgs.by/architecture/nacional_coordinator_p_dostizheniu_CUR/. – Дата доступа: 03.04.2020.

8. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C22000793_1609880400.pdf. – Дата доступа: 03.04.2020.

9. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 18 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Сводный четвертый, пятый и шестой периодический доклад государств-участников. Беларусь [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fBLR%2f46&Lang=ru. – Дата доступа: 03.04.2020.

10. Ситуация в сфере занятости и безработицы в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // М-во труда и соц. защиты. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/sostojanie>. – Дата доступа: 03.04.2020.

11. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 56 // М-во экономики Респ. Беларусь. – Режим доступа: [gos-progr-na-2021-2025.pdf](https://pravo.by/upload/docs/op/gos-progr-na-2021-2025.pdf) (economy.gov.by). – Дата доступа: 03.04.2020.

12. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

13. Азема, Т. Новому закону – гендерная экспертиза [Электронный ресурс] / Т. Азема // Экон. газ. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/novomu-zakonu-gendernaya-ekspertiza>. – Дата доступа: 03.04.2020.

14. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 316 с.

15. Percentage of women in national parliaments. Ranking as of 1st of January 2020 [Electronic resource] // Inter-parliamentary Union. – Mode of access: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=-1&year=2020>. – Date of access: 29.03.2021.

16. Урбан, Д. Экономические ценности населения Беларуси за 2018 г. [Электронный ресурс] / Д. Урбан // Исслед. центр ИПМ. – Режим доступа: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp-2019r01.pdf>. – Дата доступа: 04.04.2021.

REFERENCES

1. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefieriendumakh 24 nojab. 1996 g. i 17 okt. 2004 g. // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal

Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Data dostupa: 02.04.2021.

2. Khramcova, F. I. Giendernajz politika Riespubliki Bielarus': riegional'noje izmierenije / F. I. Khramcova // Sociol. al'm. – 2018. – № 9. – S. 331–340.

3. Otviety na voprosy Siekriariata OON o vypolnienii na nacional'nom urovnie Platformy diejstvij Vsiemirnoj Konfierencii po uluchsheniju polozhenija zhenshchin (Piekin, 1995 g.) i rieshenij 23-j Spiecial'noj siessii Genieral'noj assamblei OON (N'ju-Jork, 2000 g.) [Elektronnyj riesurs] // OON-zhenshchiny. – Riezhim dostupa: <https://www.un.org/womenwatch/daw/Review/responses/-BELARUS-Russian.pdf>. – Data dostupa: 02.04.2021.

4. Sied'moj pieriodichieskij doklad Riespubliki Bielarus' ob osushchestvlenii polozhenij Konviencii o likvidacii vsiekh form diskriminacii v otnoshenii zhenshchin [Elektronnyj riesurs] // Upravlienije vierkhovnogo komissara OON. – Riezhim dostupa: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fBLR%2f7&Lang=ru/. – Data dostupa: 02.04.2021.

5. Nacional'nyj plan diejstvij po obiespiechieniu giendernogo ravienstva v Riespublikie Bielarus' na 2011–2015 gody [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus', 16 avg. 2011 g., № 1101 // M-vo truda i soc. zashchity. – Riezhim dostupa: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/nacionalnyj-plan-dejstvij-po-obespecheniyu-gendernogo-ravenstva-v-rb-na-2011-2015-gody.pdf>. – Data dostupa: 03.04.2020.

6. Rassmotrienije dokladov, predstavliennykh gosudarstvami-uchastnikami v sootvietstvii so stat'joj 18 Konviencii po uproschionnij procedurije predstavlienija dokladov. Vos'moj pieriodichieskij doklad gosudarstv-uchastnikov, podliezhashchij predstavlieniju v 2016 godu. Bielarus' [Elektronnyj riesurs] // Upravlienije vierkhovnogo komissara OON. – Riezhim dostupa: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=BLR&Lang=-RU. – Data dostupa: 03.04.2020.

7. Nacional'nyj koordinator po dostizheniju CUR [Elektronnyj riesurs] // Celi ustojchivogo razvitija v Bielarusi. – Riezhim dostupa: https://sdgs.by/architecture/nacional_coordinator_p_dostizheniu_CUR/. – Data dostupa: 03.04.2020.

8. O Nacional'nom planie diejstvij po obiespiechieniu giendernogo ravienstva v Riespublikie Bielarus' na 2021–2025 gody [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus', 30 diek. 2020 g., № 793 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: https://pravo.by/upload/docs/op/C22000793_1609880400.pdf. – Data dostupa: 03.04.2020.

9. Rassmotrienije dokladov, predstavliennykh gosudarstvami-uchastnikami v sootvietstvii so stat'joj 18 Konviencii o likvidacii vsiekh form diskriminacii v otnoshenii zhenshchin. Svodnyj chietviortyj, piatyj i shestoj pieriodichieskij doklad gosudarstv-uchastnikov. Bielarus' [Elektronnyj riesurs] // Upravlienije vierkhovnogo komissara OON. – Riezhim dostupa: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2fC%2fBLR%2f46&Lang=ru. – Data dostupa: 03.04.2020.

10. Situacija v sfierie zaniatosti b biezroboticy v Riespublikie Bielarus' [Elektronnyj riesurs] // M-vo truda i soc. zashchity. – Riezhim dostupa: <http://mintrud.gov.by/ru/sostojanie>. – Data dostupa: 03.04.2020.

11. O Gosudarstvennoj programmie «Maloje i sriednieje priedprinimatiel'stvo» na 2021–2025 gody [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus', 29 janv. 2021 r., № 56 // M-vo ekonomiki Rieesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: gos-progr-na-2021-2025.pdf (economy.gov.by). – Data dostupa: 03.04.2020.

12. Trudovoj kodeks Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 26 ijulia 1999 g., № 296-3 : priinat Palatoj predstavitieliej 8 ijunia 1999 g. : odobr. Sovietom Rieesp. 30 ijunia 1999 g. : v ried. Zakona Rieesp. Bielarus' ot 18.07.2019 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rieesp. Bielarus'. – Minsk, 2021.

13. Aziema, T. Novomu zakonu – giendernaja ekspiertiza [Elektronnyj riesurs] / T. Aziema // Ekon. gaz. – Riezhim dostupa: <https://neg.by/novosti/otkrytj/novomu-zakonu-gendernaya-ekspertiza>. – Data dostupa: 03.04.2020.

14. Trud i zaniatost' v Rjespublikie Bielarus': stat. sb. / riedkol.: I. V. Miedviedieva [i dr.]. – Minsk : Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus', 2020. – 316 s.

15. Percentage of women in national parliaments. Ranking as of 1st of January 2020 [Electronic resource] // Inter-parliamentary Union. – Mode of access: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=-1&year=2020>. – Date of access: 29.03.2021.

16. Urban, D. Ekonomichieskije cennosti nasielienija Bielarusi za 2018 g. [Elektronnyj riesurs] / D. Urban // Isslied. centr IPM. – Riezhim dostupa: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp-2019r01.pdf>. – Data dostupa: 04.04.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 04.03.2021

УДК 316.33

Анатолий Иванович Лысюк*д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Anatolij Lysiuk***Doctor of Political Science, PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Department for Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: ailysiuk@list.ru***ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
В ТРУДАХ ПИТИРИМА СОРОКИНА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Осуществляется критический анализ разработанных П. Сорокиным интегральных культурных систем сквозь призму их детерминирующего воздействия на содержание и типологию политического лидерства. Отмечается, что подобное воздействие формирует культурную ментальность, представленную как на уровне индивида (потребности и ценностные ориентации), так и в господствующих в общественном сознании представлений о власти и властителях. Подчеркивается существенная значимость у лидеров общественно-политических процессов мотива альтруистической любви. Значительную научную и практическую ценность имеет анализ П. Сорокиным мотивов политических практик активных участников великой социальных революций. Выделяется совокупность физиологических, психологических и политических черт лидеров, необходимых для эффективного осуществления политических практик. Определяются основные характеристики политического лидерства в рамках идеациональной («ideational»), чувственной («sensate») и идеалистической («idealistic») культурных суперсистем соответственно.

Ключевые слова: политическое лидерство, социокультурная детерминация, мотивы политических лидеров, интегральная культурная система.

**Determination of Political Leadership in Works of Pitirim Sorokin:
Theoretical and Methodological Aspect**

The article provides critical analysis of the integral cultural systems developed by P. Sorokin through the prism of their determining influence on the content and typology of political leadership. It is noted that such an impact forms cultural mentality, represented both at the level of the individual (needs and values orientations) and in the ideas about power and rulers prevailing in a public conscience. It is underlined significant importance of the motive of altruistic love among the leaders of social and political processes. Significant scientific and practical value have P. Sorokin's analysis of political practices motives of active participants in great social revolutions. Is highlighted the set of physiological, psychological and political features of leaders, necessary for the efficient implementation of political practices. Are defined the main characteristics of political leadership within the framework of, respectively, ideational, sensate and idealistic cultural supersystems.

Key words: political leadership, sociocultural determination, motives of political leader, integral cultural system.

Введение

Выдающийся русский и американский социолог Питирим Сорокин оставил после себя уникальное научное наследие. Одна из наиболее важных проблем его творчества – исследование социальной и культурной динамики общественных процессов, включая и политическую сферу. Однако, как отмечает российский исследователь Н. И. Яковец, «многие прозрения Сорокина оставались непонятыми в течение нескольких десятилетий; только сейчас пос-

тепно начинает проясняться их истинный смысл и прогностическая сила» [1, с. 3].

Его видение исторического процесса, отдельных социальных институтов связано со становлением и развитием определенных глобальных и локальных культурных систем, которые, в свою очередь, содержательно определяют иные общественные процессы и явления. А. Ю. Согомонов подчеркивает, что для Сорокина центральным понятием его системы «становится “ценность”... многие мыслители и до него размышляли о природе ценностей, но... никому до Соро-

кина не удалось показать систематизирующую и методологическую значимость ценностной теории в социологии» [2, с. 22].

Проблема политического лидерства не выступает специальной темой научного анализа мыслителя. Вместе с тем политические феномены, в т. ч. и властвующие политические персоны, он фрагментарно изучает сквозь призму их детерминации определенными культурными системами (ментальностью).

Проблема социокультурной детерминации политического лидерства не является новой для исследования. В научной литературе можно обнаружить множество работ, анализирующих воздействие на этот феномен отдельных культурологических факторов: мифа, морали, религии, идеологии, дискурса, политической культуры и т. п. [3–5]. Как правило, подобный анализ исторически локализован и рассматривается вне более общих культурных систем и исторической динамики.

Существует группа исследователей, стремящихся внести типологические компоненты в подобный анализ. Например, американский исследователь А. Вилдавски определил зависимость типов политического лидерства от определенных культурных систем. По его мнению, в коллективистских культурах наибольшим успехом пользуются авторитарные лидеры, в эгалитарных – харизматические, в индивидуалистических лидерство является непродолжительным, поскольку, достигнув социального эффекта, лидер исчерпывает свою политическую миссию [6]. Однако, с одной стороны, сами культурные типы выделены политологом достаточно произвольно, а с другой – он придает фактору мотивации, определяющему смыслы политической деятельности лидера и последователей, периферийное значение. Подобный «дефект» характерен и для концепции П. Сапронова [7].

О. Ким в число основных социокультурных факторов, составляющих каркас модели политического лидерства в каждой культурной среде, включает национальный характер, ценностную ориентацию, харизму, религию, инкультурацию (процесс освоения индивидом норм общественной жизни и культуры), лингвистическую специфичность [8]. Однако, во-первых, непроясненным является вопрос, почему именно эти, а

не другие культурные факторы были взяты для анализа, а во-вторых, не осуществляется логически требуемый в этом контексте историко-сравнительный анализ.

Мы уже изучали воздействие отдельных культурных факторов (ценностных ориентаций в виде религии, морали, мифа, идеологии, символов, дискурсивных систем, а также потребностей) на политическое лидерство в рамках определенных общественных систем (древнегреческое общество эпохи высокой классики, средневековье, индустриальное общество, мировая система социализма) [9], а также в эпоху постмодерна [10]. Однако при этом не удалось выстроить типологию лидерства исходя из доминирующих культурных суперсистем и подсистем.

Думается, что большей продуктивностью для анализа взаимозависимости в историческом контексте между типами культуры и детерминацией политического лидерства, включая и его последующую трансформацию, обладают методологические принципы изучения социокультурных процессов, разработанные Питиримом Сорокиным [11–13]. Их эвристическая ценность заключается в том, что оригинальной является сама концепция разработанных им культурных систем (типов), равно как и проведение отдельных каузальных связей между этими типами культуры и типологией лидерства. Кроме этого, изучаются и флуктуации этих процессов в историческом пространстве.

II. Сорокин о базовых культурных системах и их принципах

П. Сорокин исходит от убеждения, что любой культурной системе присущи не только свои основополагающие принципы, но и базовое «основание», принижающее все ее компоненты, придающее им смысл, содержание, логику и значение. Он отмечает, что существует и обратная связь: изменения в локальных культурных фрагментах могут приводить к трансформации других культурных компонентов и культурной системы в целом.

Социолог указывает на то, что господствующий (интегративный) тип культуры решающим образом определяет тип сознания людей, которые действуют в ее рамках, стимулируя определенные образцы со-

циальной деятельности в соответствии с заложенными в ней культурными кодами. Трансформация определенных культурных систем закономерным образом приводит к изменению ее характеристик. Одним из видов социальной деятельности является, как известно, политическое лидерство.

П. Сорокин подчеркивает, что «мыслительные и смысловые элементы, лежащие в основе любой логически интегрированной системы культуры, можно рассматривать с двух сторон: *внутренней и внешней*» [11, с. 56]. Первая (личностная) относится к сфере сознания и бессознательного индивида, представляя собой как упорядоченные, рационально им осознаваемые системы мышления и мировосприятия (разум, интеллект, ценности, смыслы), так и стихийный, не всегда осознаваемый мир чувств, эмоций, ощущений, образов. Вся эта внутренняя сторона составляет «ментальность культуры». Если использовать современную терминологию, то можно говорить о выделении П. Сорокиным в личности индивида сферы потребностей, в том числе иррациональных, а также совокупности ценностных ориентаций. В системе мотивов социальных практик констатируется решающая роль ценностных ориентаций и духовных потребностей. Разумеется, мотивационно значим и мир материальных, тем более биологических (плотских, чувственных) потребностей, которые при всей сдерживающей силе любой культуры никогда не сводятся к нулю, обладая относительной независимостью от доминантной культуры. При определении мотивов социальной деятельности обнаруживается значительное совпадение концепций П. Сорокина и А. Маслоу; сама их совокупность приоритетно была определена социологом, но американский психолог сформулировал ее иерархический порядок.

Внеличностная сторона культурной ментальности обнаруживается в существующей в обществе системе истины и знания, философии и мировоззрения, религии и образцов «святости», литературы и искусства, законов и правил поведения, которые по своей природе в той или иной степени неизбежно отражаются и в моделях политического лидерства.

Внешняя сторона системы культуры представлена процессами опредмечивания

и распредмечивания, имеющими своим продуктом как результаты деятельности человека (предметы, процессы и события), так и специфический тип человеческой личности с ее особым складом мировосприятия и способа поведения.

П. Сорокин доказывает, что все присутствующие в той или другой культуре ценности являются интегрированными, будучи связанными друг с другом содержательно и функционально.

Социологом выделяются два базовых («чистых») типа интегральных культурных систем – идеациональная и чувственная. Наиболее общими и значимыми посылками первой «являются следующие: 1) реальность понимается как... нематериальное, непреходящее Бытие; 2) цели и потребности в основном духовные; 3) степень их удовлетворение – максимальная... 4) способом их удовлетворения... является добровольная минимизация физических потребностей» [11, с. 64–65]. Чрезвычайно плотно идеациональная ментальность насыщает абсолютные и вечные моральные принципы, которые являются производными от религиозных постулатов. Большинство людей в идеациональных обществах руководствуются подобными ценностями.

В свою очередь, «чувственная ментальность считает реальностью только то, что дано органам чувств... Потребности и стремления носителя чувственной ментальности – в основном физические, и все делается для того, чтобы эти потребности были максимально удовлетворены» [11, с. 65–66]. Люди, им следующие, естественным образом исповедуют ценности эвдемонизма, гедонизма, утилитаризма и сенсуализма, пренебрегая трансцендентными императивами.

Существует также ряд смешанных типов ментальности и культуры, которые наполнены эклектикой, внутренними противоречиями и слабой логической связностью. «Все интегрированные культуры, – пишет П. Сорокин, – в действительности оказываются состоящими из различных соединений этих двух чистых логико-смысловых форм... Одни культуры ближе к идеациональному типу, другие – к чувственному, а некоторые представляют собой сбалансированный синтез обоих чистых типов» [11, с. 62]. Этот третий тип получил наименование идеалистического (смешан-

ного). По причине относительной самостоятельности материальных потребностей возможна ситуация, когда люди, являющиеся идеационалистами, в некоторых жизненных ситуациях могут тем не менее отдавать предпочтение биологическим потребностям, становясь либо чувственными, либо идеалистическими персонами.

Культурная система как источник политического лидерства

Согласно концептуальным положениям П. Сорокина, политическое лидерство, как и любой другой социальный институт, является производным от интегральной культурной системы, с необходимостью отражая и выражая ее сущностные черты, качественную определенность. Это происходит потому, что «не только логически, но и каузально доминантный характер культуры и характер поведения людей безусловно связаны друг с другом. В интегрированном идеациональном или чувственном обществе... повседневное поведение людей тоже становится идеациональным или чувственным, о какой бы сфере деятельности ни шла речь» [11, с. 783]. Субъекты культурных систем отличаются друг от друга по своему мировоззрению, представлениям, установкам, верованиям, политическим позициям, которые детерминируют их социально-политическую деятельность. Следовательно, каждой культурной суперсистеме имманентно присущ свой базовый тип политического лидерства.

Культурная суперсистема никогда не обладает абсолютной тотальностью. В ней присутствуют другие «культурные миры», порождающие, в свою очередь, локальные типы политического лидерства, которые сосуществуют с его базовым типом, соответствующим интегрированной культуре.

Политическое лидерство включает в себя элементы культурной ментальности (потребности и ценностные ориентации) индивидов и отдельных социальных групп, а также господствующие в общественном сознании представления о власти и властителях (религиозная интерпретация лидерства; его моральные стандарты; мифологические образы лидера; эталоны политического лидерства, представленные в художественной литературе и искусстве; его политико-идеологические обоснования; образы

лидеров, укорененные в национальную традицию, и др.).

Кроме этого, как констатирует П. Сорокин, «правильное понимание внутренней стороны культуры *в точности совпадает с тем пониманием, которое было у ее творцов или реформаторов...* Смысл и цель зачастую ясно и недвусмысленно провозглашается самим творцом» [11, с. 57]. Следовательно, при анализе политических лидеров необходимо обязательно обращать внимание на артикуляцию ими своих целей и мотивов (примеры Кромвеля, Робеспьера, Ленина и др.).

В рамках исследования культурных суперсистем изучение П. Сорокиным мотивации субъектов исторического процесса носит достаточно общий характер: обычно перечисляются некоторые мотивы, но не анализируются их детерминирующие возможности, в особенности в конкретном историческом пространстве. Однако в своей работе «Социология революции» П. Сорокин дал подробный анализ мотивов политических практик основных агентов (лидеров и последователей) социальных революций, начиная с античности и включая и русскую Октябрьскую революцию 1917 г., исходя из убеждения, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [12, с. 272].

Мыслитель к числу репрессированных инстинктов (потребностей) относит, во-первых, подавление пищеварительного рефлекса населения, их потребности в жилище, одежде и т. п., а также собственнического инстинкта масс. Во-вторых, подавление инстинкта самосохранения «деспотическими экзекуциями» не только на индивидуальном уровне, но и на уровне коллективного, группового самосохранения. В-третьих, осквернение их святынь, ценностей и символов. В-четвертых, локализацию полового рефлекса, связанного не только с возмущением развратным поведением правящего класса, но и с его проявлением у лидеров революции в виде сублимации и нимфомании. В-пятых, ограничение инстинкта самовыражения и индивидуальности. В-шестых, минимизацию у большинства людей «их импульса к борьбе и соревновательно-

сти, творческой работе, приобретению разнообразного опыта», одним словом, потребности к свободе. В-осьмых, значим и идеологический фактор, но, скорее, для революционной элиты, чем для народа, и его роль сводится к выяснению конкретных форм революционности и выбору ее дискурсивной идеи [12, с. 272–273, 279–280].

Подобную модель мотивации деятельности лидера и последователей, разработанную П. Сорокиным, носящую универсальный характер, целесообразно дополнить тремя соображениями: а) важно по отдельности рассматривать мотивы соответственно лидера и последователей; б) необходимо расширение «списка» идеологических факторов и одновременно определение их детерминирующего влияния; в) требуется большая детализация каждого из мотивационных побуждений.

П. Сорокин отмечает, что «каждая потребность может удовлетворяться в разной степени и на разном уровне – от широчайшего и самого роскошного максимума до самого узкого и беднейшего минимума... Сказанное справедливо и в отношении чисто духовных, и в отношении смешанных, или телесно-чувственных, потребностей» [11, с. 64]. Соответственно, чем сильнее представлена в «картине мира» политического актора та или иная потребность, тем сильнее ее детерминирующие возможности.

Социолог, в отличие от других мыслителей, указывает на огромную значимость в детерминации общественных процессов мотива любви, особенно в современную эпоху. Н. И. Яковец справедливо подчеркивает, что «Питирим Сорокин внес пионерный вклад в исследование творческой преобразующей силы любви как главного двигателя общественного прогресса», наполняя его созидательной энергией [1, с. 9]. Именно эта энергия, имея в т. ч. и мистическое звучание, детерминировала поведение миллионов людей, трансформируя культуры, социальные институты и процессы, придавая им динамику и устойчивость. В связи с этим рационально внести в концепцию «провидческого реализма», основанную на признании самых высоких интенций политических лидеров, компонент любви в «сорокинском» понимании, с одной стороны, измерив его детерминирующий потенциал, а с другой – соотнеся его

с другими компонентами мотивационных образований.

Значимость культурного фактора в деятельности лидера и последователей позволяет утверждать, что в той или иной форме плебисцитарный характер политического лидерства сохраняется на протяжении столетий. П. Сорокин убежден: «наивно полагать, что даже абсолютный деспот мог себе позволить все, что заблагорассудится, вне зависимости от желания и давления его подчиненных. Верить, что существует такое “всемогущество” деспотов и их абсолютная свобода от общественного давления, – нонсенс... Это верно и по отношению к любому режиму, как бы он ни именовался» [13, с. 342].

Главная функция политических лидеров, согласно П. Сорокину, выражается в созидательном, творческом преобразовании общества. Для успешного выполнения этой миссии они должны обладать, помимо соответствующих мотивов, определенной совокупностью физиологических и психологических черт, политических «способностей особого рода», что предполагает объединение в единое целое сильные «стороны позитивизма, антипозитивизма и неопозитивизма» [14, с. 410].

Политическое лидерство в идеациональной культуре

Политическому лидерству в рамках идеациональной культуры имманентно присуща совокупность производных от ее ментальности характеристик. П. Сорокин пишет, что «само понятие идеациональной культуры логически предполагает, что... властью, а также... общественным авторитетом в такого рода культурах обладают те личности и группы (их можно назвать “аристократией”), которые воплощают в себе идеациональные ценности» [11, с. 598]. Самые высокие политический авторитет и влияние закрепляются за теократией, в которой монарх является ее главой, а его властные полномочия объявляются производными и подчиненными духовной власти и государственные лидеры воспринимают свою власть как «Богом данную», служащую в т. ч. для выполнения ими духовных миссий при превалировании убеждения, что духовная власть имеет превосходство над светской. Подобным образом их воспринимает и общество. В рамках этой культуры

религиозные лидеры также могут становиться лидерами политическими (Кальвин, Мюнцер и др.).

Политическому лидерству, детерминированному идеациональной культурной системой, имманентно присущи следующие характеристики: а) артикуляция производных от религиозной системы моральных норм; б) мифологическое и/или мистическое обрамление власти лидера; в) жесткая религиозная ритуализация его деятельности; г) представленность образа лидера в философских системах, произведениях литературы и искусства (живопись, скульптура, музыка, фольклор); д) формирование авторитарной системы власти, в которой властная воля оказывается выше закона. «В таком обществе даже самые преуспевающие торговцы имеют немного шансов заработать престиж, стать лидерами» [11, с. 76].

Примеры идеационального лидерства, согласно П. Сорокину, представляют собой каста брахманов в Индии; жреческая монархия в Древней Греции в ранний период ее истории, когда царь был наделен атрибутами не только царя, но и верховного священнослужителя; «царский» период Древнего Рима; «христианские государи» Средневековья, в свиту лидера входили и такие «духовные» лица, как «оракулы», «пророки», «святые».

Идеациональная система в реальности обладает различными формами. Так, в рамках *аскетического идеационализма* происходит чрезмерная «минимизация плотских потребностей» и одновременно экзальтация духовных, что может приводить к политическому руководству священников наподобие Савонаролы.

Активный идеационализм ориентирован на преобразование и усиление духовной реальности существующего мира, что способствует рождению не только великих духовных реформаторов (папа Григорий Великий, папа Лев Великий), но и выдающихся политических лидеров, в деятельности которых, помимо духовной, не менее значима и политическая составляющая (Мартин Лютер, кн. Владимир Киевский (Великий)).

П. Сорокин выделяет также *псевдоидеациональную ментальность*, исходящую из убеждения, что потребности и интересы народа являются преимущественно материальными, которые умеренно удовле-

творяются и не связаны с его активно-преобразовательной ролью. Наоборот, рядовые граждане выступают орудием реализации властных интенций государственной элиты и «население стран, где установлены жесткие политические режимы... являют собой примеры этого типа ментальности» [11, с. 67]. Для подкрепления мотивационной системы агентов этой культуры в нее вводятся элементы светских религий, как это происходило во многих тоталитарных режимах XX в., сакрализовавших своих высших руководителей.

Политическое лидерство в чувственной культуре

П. Сорокин отмечает, что в чувственной культуре с ее отрицанием идеациональных ценностей богатство, физическая сила и оружие становятся высшими ценностями. По этой причине правителями могут быть представители тех групп, которые являются их носителями, выступающими в социуме гарантами безопасности и стабильности, обеспечивающими материальное благосостояние его членов. Для лидеров, помимо экономической, принципиальное значение приобретает также установка на максимальное расширение властных полномочий. В некоторых случаях возможен вариант их ориентации на «эксплуатацию внешнего мира» через военную и экономическую экспансию.

Образы «чувственных» политиков, утилитарно и гедонистически ориентированных, широко представлены в литературе и искусстве, истории и философии. Политическая наука обнаруживает их в неправильных формах государства (тирании, олигархии, охлократии).

П. Сорокин выделяет три разновидности ментальности чувственного типа. В первую очередь речь идет об *активной чувственной ментальности (активное «эпикурейство»)*, которая порождает политиков, нацеленных на активное преобразование, перестройку и реконструкцию «внешней среды». Великие исторические деятели, великие завоеватели и основатели империй – вот ее воплощение [11, с. 66]. Политические лидеры, детерминированные подобной ментальностью, не только стремятся к максимизации собственной власти, но, идентифицируя себя с государством, нацелены на

территориальные завоевания, попадая в категорию «исторических личностей» (Александр Великий, Божественный Октавиан, Петр Великий, Наполеон Бонапарт и др.).

П. Сорокин отмечает, что в современном ему мире активная чувственная культура способствует появлению «энергичных профессионалов», «практических» министров либерального «социального Евангелия», которые, заботясь об избирателях и их нуждах, одновременно проявляют максимальную заботу о себе, стремясь к власти как способу и символу наслаждения, влиятельности, славы, богатства и других социальных ценностей.

К «чувственным» политическим лидерам социолог относит и революционеров, для которых сверхценностью является власть, в т. ч. и для психологических компенсаций. Эта же власть позволяет осуществлять радикальное переустройство социального мира, приходя от этого «в восторг».

П. Сорокин подчеркивает, что часто во главе «социального руководства» находятся персоны (диктаторы), не ориентированные на договор с последователями, а полагающиеся только на насилие, принуждение и устранение политических соперников, связанных с ними социальных и культурных ценностей, и их ментальность полностью антиидеациональна и чувственна. Но они склонны обнаруживать идеациональные причины собственной власти, осуществляя ее сакрализацию.

В концепции П. Сорокина выделяется также *пассивная чувственная ментальность* (пассивное «эпикурейство»), которая «характеризуется стремлением удовлетворять потребности и достигать цели... путем паразитической эксплуатации и утилизации внешней реальности в том виде, как она есть» и рассматривается «как средство для получения удовольствий» [11, с. 66]. Следующие ей политические лидеры проявляют алчность, гедонизм и неспособны к конструктивному и созидательному преобразованию действительности.

В свою очередь, *циничная чувственная ментальность* (циничное «эпикурейство») «в поисках средств удовлетворения своих потребностей использует технику попеременного надевания тех идеациональных масок, которые сулят принести материальную выгоду» [11, с. 66]. Речь здесь идет

не только о внутренне разращенных и беспринципных политических лидерах, но о тех из них, которые активно используют высокие идеалы и принципы для решения собственных утилитарных практических задач. Они же могут, по убеждению П. Сорокина, использовать и «цинические идеологии», которые, провозглашая высокие социальные ценности, в реальности ведут общество к еще большему закреплению. Он подчеркивает, что носителями именно этой формы культурной ментальности являются «профессиональные лгуны» и приспособленцы. Эталонными образцами подобной модели политического лидерства являются лидеры-популисты.

Политическое лидерство в идеалистической (смешанной) культуре

Согласно П. Сорокину, *идеалистическая культурная ментальность* интегрирует в одно целое элементы обоих типов культурных систем. В ее рамках не только сосуществуют духовные и материальные потребности и интересы человека, но можно выделить и особую группу смешанных (духовно-телесных) потребностей, как, например, стремление к первенству в области социальных достижений.

Социолог доказывает, что закономерным образом идеалистическое общество способствует формированию политического режима смешанного типа, которое является отчасти теократическим, а отчасти чувственно-секулярным [11, с. 599]. Его руководство призвано артикулировать некую совокупность высоких ценностей (моральных, религиозных, национальных и др.), но существенную роль в его деятельности исполняют чувственные (материальные) потребности как источник наслаждений и земных радостей (например, Г. Коль, Дж. Буш младший, В. Путин).

Социолог указывает на то, что подобная ментальность существовала уже древности, порождая идеалистические мотивы, которые обнаруживаются в социально-политических учениях Платона и Аристотеля о трех видах правильного государственного устройства. Чувственный компонент идеалистической ментальности в них был представлен агональным духом политиков, производным от доминировавшей в эту эпоху «культуры стыда», а идеацио-

нальность – моральными соображениями и мифологическим образом власти. Конфуцианство также является эффективной комбинацией идеационального и чувственного. Состоявшееся возвращение к этой доктрине в постмаоистском Китае радикально видоизменило господствующий тип политического лидерства, поскольку Мао Цзэдун и маоизм являются «плодом» чувственной культуры.

Мыслитель отмечает, что в современном европейском обществе наблюдается доминирование идеалистической культуры, поскольку политическая власть утратила свой мистический, «сверхчувственный авторитет», находя свое оправдание в «воле народа», что не может не способствовать становлению политического лидерства, ориентированного на приоритетное удовлетворение материальных потребностей избирателей и потребности в безопасности. Не менее важными являются моральные интенции политического лидера, основанные на идее справедливости и общего блага, должны стать источником его политического капитала.

Важный методологический принцип, сформулированный П. Сорокиным, выражается и в том, что идеалистическая культура может проявляться не только как суперсистема, но в качестве локальной системы, ограниченной иной доминирующей интегративной культурой. Она способна порождать политических лидеров, обладающих ограниченным политическим влиянием.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. П. Сорокин исходит от того, что любой культурной системе свойственны не только свои основополагающие принципы, но и базовое «основание», принижающее все ее компоненты, придающее им смысл, содержание, логику и значение. В совокупности эти культурные компоненты формируют качественную определенность господствующей модели политического лидерства.

2. Выделенные социологом две «чистые» интегральные культурные системы (идеациональная и чувственная) и одна «смешанная» (идеалистическая) детерминируют соответствующие их содержаниям типы политического лидерства.

3. Согласно П. Сорокину, политическое лидерство включает в себя отдельные элементы культурной ментальности как на уровне индивида (потребности и ценностные ориентации), так и в господствующих в общественном сознании представлениях о власти и властителях.

4. Важное значение имеет подробный анализ П. Сорокиным мотивов политических практик активных участников социальных революций, в т. ч. русской Октябрьской революции 1917 г.

5. Социолог обосновывает существенную значимость у лидеров общественно-политических процессов мотива любви.

6. Выделяется совокупность физиологических и психологических черт, политических «способностей особого рода» лидеров, необходимых для эффективного осуществления политических практик.

7. Определяются основные характеристики политического лидерства в рамках идеациональной, чувственной и идеалистической культурных суперсистем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковец, Н. И. Великие прозрения Питирима Сорокина / Н. И. Яковец // Социол. исслед. – 1996. – № 6. – С. 3–13.
2. Согомонов, А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина / А. Ю. Согомонов // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – С. 5–24.
3. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політич. менеджмент. Спец. вип. – 2006. – С. 136–146.
4. Bodio, T. Przywództwo i elity politycznej / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa: ASPRA-JR, 2007. – S. 383–398.
5. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa: Difin, 2011. – 440 s.
6. Wildavsky, A. A cultural theory of leadership / A. Wildavsky // Leadership and politics: new perspectives in political science. – Lawrence, 1989. – P. 222–250.

7. Сапронов, П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность / П. А. Сапронов. – СПб. : Церковь и культура, 2001. – 816 с.
8. Ким, О. Л. Политическое лидерство: социокультурный аспект / О. Л. Ким. – М. : ИНИОН. – 2000. – Деп. 55754 (22.06.2000).
9. Лысюк, А. И. Социокультурная детерминации политического лидерства: содержание, способы, эволюция : монография / А. И. Лысюк. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.
10. Лысюк, А. И. Политическое лидерство в эпоху постмодерна: социокультурные основания / А. И. Лысюк, Д. А. Лысюк // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 99–107.
11. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
12. Сорокин, П. А. Революция и социология / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 221–294.
13. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – С. 295–404.
14. Покатов, Д. В. Политическая элита и ее роль в ракурсе интегральной социологии П. А. Сорокина / Д. В. Покатов // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина : материалы XIII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения». – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. – С. 410–412.

REFERENCES

1. Jakowiec, N. I. Wielikije prozrienija Pitirima Sorokina» / N. I. Jakowiec // Sociol. isslied. – 1996. – № 6. – S. 3–13.
2. Sogomonov, A. Yu. Sud'by i prorochiestva Pitirima Sorokina / A. Yu. Sogomonov // Chieloviek. Civilizacija. Obshchiestvo / P. A. Sorokin. – M. : Politizdat, 1992. – S. 5–24.
3. Zelenko, G. Konteksty politychnogo liderstva na postsocilistychnomu prostori / G. Zelenko // Polit. menedzhement. Spec. vyp. – 2006. – S. 136–146.
4. Bodio, T. Przywództwo i elity politycznej / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa : ASPRA-JR, 2007. – S. 383–398.
5. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
6. Wildavsky, A. A cultural theory of leadership / A. Wildavsky // Leadership and politics: new perspectives in political science. – Lawrence, 1989. – P. 222–250.
7. Sapronov, P. A. Vlast' kak mietafizichieskaja rial'nost' / P. A. Sapronov. – SPb. : Cerkov' i kul'tura, 2001. – 816 s.
8. Kim, O. L. Politichieskoje lidierstvo: sociokul'turnyj aspiewt / O. L. Kim. – M. : INION. – 2000. – Diep. 55754 (22.06.2000).
9. Lysiuk, A. I. Sociokul'turnaja determinacija politichieskogo lidierstva: sodierzhanie, sposoby, ewoliucija : monografija / A. I. Lysiuk. – Chiernovcy : Bukrek, 2008. – 384 s.
10. Lysiuk, A. I. Politichieskoje lidierstvo v epokhu postmoderna: sociokul'turnyje osnovanija / A. I. Lysiuk, D. A. Lysiuk // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalihija. Sacyjalohija. – 2018. – № 1. S. 99–107.
11. Sorokin, P. A. Social'naja i kul'turnaja dinamika / P. A. Sorokin. – M. : Astrel', 2006. – 1176 s.
12. Sorokin, P. A. Revoliucija i sociologija / P. A. Sorokin // Chieloviek. Civilizacija. Obshchiestvo / P. A. Sorokin. – M. : Politizdat, 1992. – S. 221–294.
13. Sorokin, P. A. Social'naja stratifikacija i mobil'nost' / P. A. Sorokin // Chieloviek. Civilizacija. Obshchiestvo / P. A. Sorokin. – M. : Politizdat, 1992. – S. 295–404.
14. Pokatov, D. V. Politichieskaja elita i jejo rol' v rakursie integral'noj socioligii P. A. Sorokina / D. V. Pokatov // Social'naja stratifikacija v cifrovuju epokhu: k 130-lietiju so dnia rozhdienija Pitirima Sorokina : matierialy XIII Miezhdunar. nach. konf. «Sorokinskije chtienija». – M. : MGU im. M. V. Lomonosova, 2019. – S. 410–412.

УДК 14:378

Анна Владимировна Климович¹, Сергей Александрович Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²аспирант каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Hanna Klimovich¹, Sergey Zhuk²**¹Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University²Postgraduate Student of the Department of General History
of the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ВЗГЛЯД Л. ШТРАУСА (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
И ИСТОРИСОФСКИЙ ДИСКУРСЫ)**

Показаны взгляды Л. Штрауса на роль политической философии в генезисе и развитии западной цивилизации. Проанализированы элементы смыслового ядра этой социокультурной суперсистемы. Раскрыты особенности влияния, как его видит Л. Штраус, классической политической философии и библейского религиозно-этического учения на модернизацию Запада. Классифицированы факторы «коррозии» цивилизационной идентичности, особое место среди которых занимают концепция историцизма и усиление влияния научного подхода на социальные исследования. Охарактеризованы пути преодоления цивилизационного кризиса, предложенные Л. Штраусом.

Ключевые слова: история науки, философия, история, всемирно-исторический процесс, цивилизация.

**The Interpretation of the Historical Path of Western Civilization:
a View of L. Strauss (Political-Philosophical Discourses and Historicise)**

The article shows the views of L. Strauss on the role of political philosophy in the genesis and development of Western civilization. The elements of the semantic core of this socio-cultural supersystem are analyzed. The author reveals the peculiarities of the influence, as L. Strauss sees it, of classical political philosophy and Biblical religious and ethical teaching on the modernization of the West. The factors of «corrosion» of civilizational identity are classified, a special place among which is occupied by the concept of historicism and the strengthening of the influence of the scientific approach on social research. The ways of overcoming the civilizational crisis proposed by L. Strauss are described.

Key words: History of science, philosophy, history, world-historical process, civilization.

Введение

Интерес к изучению природы, закономерностей развития и цивилизационной идентичности Запада прослеживается на протяжении всей истории классической философской мысли. В особенности он возрос в период институционализации социальных и гуманитарных дисциплин. Социально-политическая рефлексия сформировала обществоведческие школы, результаты исследований которых позволили более глубоко понять исторический путь Запада и оценить его всемирно-исторические перспективы. На современном этапе в контексте процессов глобализации и регионализации изучение исторического опыта западного цивилизационного ареала является особенно

важным. Это обусловлено сложившимся геополитическим, геоэкономическим и геокультурным статусом Запада, ведущей его ролью в формировании глобальной повестки дня. Особенно актуальными видятся исследования в области выявления и постижения системообразующих элементов западной цивилизации, детерминирующих природу, иначе говоря, поиск того, что «делает Запад Западом» [1, с. 9].

Множественность имеющихся методологий определила чрезвычайно широкий спектр подходов к пониманию современности и будущего западной цивилизации. Среди них следует особенно выделить стадиальную и цивилизационную парадигмы в историософии (Р. Арон, А. Тойнби, О. Шпен-

глер), модели осмысления социокультурных систем через онтологию (Г. Гегель), экономоцентричные, техноцентричные (Э. Тоффлер, Д. Белл) и идеоцентричные парадигмы.

В спектре последних особое место занимает парадигма американского обществоведа Л. Штрауса. Исследователь, осмысливая исторический путь западной цивилизации, обосновывал зависимость западного цивилизационного развития от трансформации философского видения социальной и политической реальности [2]. Исследователь, известный прежде всего как историк философской мысли и социогуманитарного знания, в постсоветском политическом дискурсе часто именуется идеологом неоконсерватизма как политической философии и геостратегии. Опыт авторской рефлексии философского наследия Штрауса позволяет согласиться с такой точкой зрения лишь частично.

Л. Штраус признан в современном социогуманитарном знании как интерпретатор классических философских систем Античности и европейского модерна. Внимательное изучение текстов философа позволяет констатировать, что, с его точки зрения, оптимальной формой организации общества является либеральная демократия, основанная на идее построения общества, комплементарного природе человека. Политико-философские идеи Л. Штрауса достаточно широко распространены в общественном дискурсе США и стали одним из «блоков» обоснования геостратегической парадигмы неоконсерваторов, воплотившейся в «доктрине Буша», «доктрине Рамсфелда», «доктрине Вулфовитца».

Обращение мыслителя в контексте глобальной политики и международных отношений к «детерминизму ценностей», в частности к универсализации демократических ценностей, неизбежно приводит к необходимости осмысления наиболее общих философских вопросов о природе человека, модели всемирно-исторического процесса, генезисе и развитии социальных отношений и институтов.

Интерпретация всемирно-исторического процесса и цивилизационного развития сквозь призму политической философии, безусловно, является оригинальным методологическим решением Л. Штрауса,

что вкупе с авторитетом его учения среди неоконсервативных элит определяет актуальность нашего исследования. Необходимо подчеркнуть, что американским исследователем политическая философия трактуется максимально широко, она включает как проблемное поле социальной философии, так и философской антропологии.

Цель статьи – выявление интерпретационной схемы становления и развития западной цивилизации в контексте философии и методологии Л. Штрауса.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить статус политической философии как рефлексии политической реальности в философии Л. Штрауса;

2) охарактеризовать понимание Л. Штраусом феномена историцизма;

3) показать влияние политической философии на исторический путь западной цивилизации в социально-политическом учении Л. Штрауса.

Политическая философия и научное знание: между конфликтом и диалогом

Понимание взглядов Л. Штрауса на политику и историю невозможно в отрыве от его восприятия онтологического статуса философского и научного мировоззрения. Американский философ обосновывает необходимость появления политической философии в системе философского знания необходимостью рефлексии политической реальности. В наиболее общем виде политическая философия «взращается» на питательной почве рассуждений о благе для человека, характерных для древнегреческих мыслителей. В свою очередь, последнее включает и потребность в формировании «хорошего общества», которое может определяться как завершенное политическое благо [3, с. 9]. Необходимо подчеркнуть, что Л. Штраус считал идеалом философии именно классическую древнегреческую философскую мысль, воспринимая ее как наиболее «чистую» и последовательную и определяя в качестве своеобразного универсального референта для мирового опыта философствования.

Конечной целью политической философии, по мнению Л. Штрауса, является поиск абсолютной истины, идеальной модели политической организации общества,

полное достижение которой невозможно в силу несовершенства человеческой природы. Поэтому суть политической философии может быть выражена парафразом известной формулы «движение – все, результат – ничто». Необходимо оговорить, что любая концепция политики в данной системе координат является не эпистемой (в древнегреческом понимании), а доксой, т. е. частным мнением.

Исходя из этого, политическая философия стремится к замене спектра мнений о «хорошем обществе» знанием, однако гносеология Л. Штрауса не оставляет возможностей для достижения этой цели.

Во-первых, в религиозное иудеохристианское мировоззрение философа не вписывалась идея абсолютизации и универсализации любых результатов человеческой деятельности. Кроме того, Л. Штраус полагал, что интеллектуальный поиск человека (при, разумеется, содействии Абсолюта) способен открывать те или иные аспекты знания. Во-вторых, изменяющаяся социальная реальность (а Л. Штраус являлся сторонником идеи прогресса) постоянно требовала новой философской рефлексии.

Политическая философия представляет собой постоянный диалог между мыслителями. Только в условиях интеракции возможно приближение к наиболее релевантной модели политического должествования. Очевидно, что философствование о политике требует известного уровня абстрагирования от «политического сегодня», которое, как считает, Л. Штраус, является предметом политической теории. В процессе взаимодействия идей рождаются политико-философские синтагмы, построенные вокруг ряда ценностей. Глобальное и цивилизационное развитие представляет собой, в понимании Л. Штрауса, конкуренцию синтагм, институционализированных на базе парадигм политической философии.

На протяжении столетий развития политической философии были сформированы различные модели и стратегии достижения политического должествования. Штраус полагает, что институционализация науки, важную роль в становлении которой сыграли такие «дети» эры Просвещения, как позитивизм, скептицизм, нигилизм и историцизм, бросает вызов политической философии [4, с. 161–162]. Метафора «де-

тей» здесь неслучайна. Они, подобно действующим лицам книги З. Фрейда «Тотем и табу», восстают и пытаются уничтожить своего родителя. Наука начинает «крестовый поход» против философии, что приводит к удвоению политического знания: нефилософской политической науке и ненаучной политической философии. Более того, по мнению американского философа, происходит сжатие проблемного поля политической философии за счет развития социальных и гуманитарных наук [5, с. 35].

Наступление науки осуществляется за счет «позитивистского тарана» при активном содействии утилитаризма, неокантизма и эволюционизма. Политическая наука, стремясь достигнуть статуса естественных наук, неизбежно некритично вводит в свою методологию системообразующие элементы методологии последних, что, в свою очередь, приводит к конфликту с политической философией. Л. Штраус считает, что «позитивизм в социальных науках не поощряет нигилизм, а ведет к конформизму» [6, с. 20]. Наука, в понимании американского философа, оперирует исключительно фактами объективной реальности и не выносит ценностных суждений, что противоречит смыслу политической философии. Более того, этически нейтральная методология науки претендует на статус наивысшей формы знания. Технологизация научного знания приводит и к нивелированию статуса основополагающей ценности философии – стремления к истине. Таким образом, наука противоречит политической философии в следующем:

1) невозможно изучать социальные феномены без вынесения ценностных суждений;

2) наука предлагает новую иерархию мировоззрений и форм знания;

3) научный подход пренебрегает фундаментальными вопросами политической философии, заменяя их бесконечным изучением «кейсов» и формулированием «закономерностей» [3, с. 28].

Институционализация науки является, по мнению Л. Штрауса, закономерным итогом реализации идеи прогресса и жажды познания, которые являются системообразующими элементами западной цивилизации. Наука, создавая материально-технические блага, создает условия для творческой

свободы человека, а значит, способствует построению «хорошего общества». Однако «марш науки», ее инвазия в сферу социума и политики несет угрозу образу цивилизации, сформировавшемуся под влиянием социально-философской рефлексии. Успехи науки в середине XX в. способствовали в известной степени маргинализации статуса философского и донаучного знания, что и стало для Л. Штрауса своего рода «знаменем» кризиса западной цивилизации.

Рискнем предположить, что для Л. Штрауса оптимальная форма взаимодействия науки и политической философии выглядит следующим образом. Политическая теория исследует реальность с помощью инструментария естественных наук, прежде всего используя количественные методы, осуществляет первичную обработку эмпирического материала, а затем представляет его для теоретического анализа. Также политическая теория изучает такие аспекты политической деятельности, как государственное администрирование и менеджмент. Иначе говоря, наука добывает «руды», наилучшие образцы которой превращаются философами в «бриллианты» новых мировоззренческих парадигм.

Философия vs историцизм: в поисках детерминанты цивилизационного развития

Инвазия науки, направленная на разрушение ценностного ядра западной цивилизации, квинтэссенцией которого является политическая философия, использует в качестве «инструмента» историцизм. Необходимо отметить, что понимание Л. Штраусом этого феномена отличается от общепринятого в отечественной науке. Историцизм в его концепции может быть определен как радикальное социальное учение и идеология, рассматривающая историю и современность человечества в отрыве от морально-этических основ. Таким образом, он ставит под сомнение любые этические синтагмы и идею прав и свобод человека. Для Л. Штрауса историцизм представляется воплощением философии в эпоху кризиса цивилизации: будучи подобен ей по форме, историцизм имеет кардинально иное содержание.

Классический историцизм торжественно провозглашает абсолютную историч-

ность культуры, экономики, политики, фактически определяя человека как «продукт социально-культурной дрессировки». С другой стороны, он признает за человеческой мыслью способность сформулировать универсальные суждения. Наиболее характерным примером этого может быть историософия Г. Гегеля и К. Маркса. Однако их модели сложного линейно-восходящего всемирно-исторического процесса очевидно противоречат идее историцизма.

Во второй половине XIX в. историцизм, сближаясь со скептицизмом и нигилизмом, неизбежно радикализируется, проявляясь в философских концепциях Ф. Ницше, интерпретативных теориях (Л. Витгенштейн) и логически раскрываясь в постмодернистском и постструктуралистском дискурсах. Крайние формы релятивизма приводят к тотальному сомнению в «точках отсчета» в научной рефлексии, окончательно выводя категорию «истина» за пределы сферы интересов социальных и гуманитарных наук. Следовательно, историцизм отрицает возможность теоретического или объективного анализа социальной реальности.

Историцизм, вторгаясь в проблемное поле политической философии, приводит к множественности возможных точек отсчета, детерминированных историческими, социально-культурными и политическими факторами. Он бросает вызов любым формам универсалистского подхода к исследованию социальных процессов и прежде всего политической философии. Постулируя отсутствие универсальных референтов, он ставит под сомнение онтологический статус философского знания, подменяет дискуссии о бытии, ценностях и смыслах подходом с «исторической точки зрения».

Исходя из этого историцизм критикует саму возможность построения «хорошего» общества во всемирно-исторической перспективе. Его «марш» не только десакрализирует многие философские смыслы, но и ставит под вопрос идеи цивилизационного развития и прогресса, маргинализирует базовые вопросы о добре и зле, свободе и рабстве. По мнению Л. Штрауса, тень историцизма практически осязаемо присутствует за тронами фашистских и коммунистических диктаторов. Его логика оправдывает не только приход свободы после низвержения диктатуры, но и традиционалистские,

левые и правые формы тирании, формирующие под мерную поступь легионов СС, «Триумфы воли», националистические и интернациональные лозунги, ГУЛАГа и Маутхаузена.

Основным «фронтом» конфликта историцизма и политической философии является тема смысла человеческого существования. Чрезмерная релятивизация смысла существования человека является угрозой для достижений политической философии в области познания природы человека и определения оптимальной политической организации общества. Исторический подход, расширяя свой предмет познания, вторгается в плоскость «настоящего», что, на наш взгляд, может приводить к историзации современности, облекая ее в призрачные «вериги прошлого». Например, историзация идеи свободы приводит к ее пониманию как исторического феномена или эпифеномена модернизации.

С другой стороны, дискуссия с историцизмом является для политической философии триггером для расширения предметного поля рефлексии путем включения исторического дискурса. В более широком контексте это противостояние проецируется на осмысление пути и идеи развития западной цивилизации. Идеи случайности и «историчности» Западной политической философии может противопоставить идею уникальности этой социокультурной системы. В конечном счете историцизм бросает вызов западной цивилизации, маргинализирует поиск универсальных ценностей и смыслов, разрушает морально-этические основы цивилизационного прогресса. «Ересь» историцизма, по мнению Л. Штрауса, бросает вызов многовековому опыту Запада, при этом не предлагая жизнеспособной стратегической альтернативы [6, с. 104, 132, 136]. Онтологический реванш философии, идей универсализма и прогресса невозможен без обращения к политико-философскому и историческому дискурсам.

Политическая философия как смысловое ядро развития Западной цивилизации

Политическая философия Л. Штрауса в отечественной и мировой науке не единожды становилась предметом рефлексии, поэтому в рамках статьи мы не будем по-

дробно обращаться к интерпретации исследователем тех или иных исторических типов философии. Более актуальным видится изучение влияния философских концепций на развитие западной цивилизации, каким его видит Л. Штраус. Необходимо подчеркнуть, что Л. Штраус рассматривает всемирно-исторический процесс исключительно сквозь призму западной цивилизации. Тематика же глобального развития не становилась предметом специального внимания ученого, поэтому говорить о ней приходится достаточно осторожно.

Историю Запада Л. Штраус интерпретирует, безусловно, в рамках идеоцентричной парадигмы. Однако он предлагает оригинальную концепцию понимания природы, развития и перспектив Запада, фактически обосновывая идею примата философского знания. Наряду с политической философией важную роль в развитии западной цивилизации играет и рецепция философии в понимании «тени» прошлого. С позиций объектно-ориентированной методологии и акторно-сетевой теории философские учения вполне могут определяться как актанты и формировать сети и тотальности, определяющая функционирование социокультурных систем [7].

Классическая цивилизация на Западе формировалась под влиянием двух базовых моделей: античной философии («Афины») и библейского религиозно-этического учения («Иерусалим»). Они предлагали различные модели интерпретации человеческого бытия, однако были способны к творческому диалогу, что и проявилось в историческом пути Запада, иначе говоря, между ними нет фундаментальных различий [3, с. 77].

Классическая античная философия, прежде всего учения Платона и Аристотеля, сформировали, по мнению Л. Штрауса, историческую идею прогресса, идеал политической организации общества, видение «золотого века». Подчеркнем, что американский философ делает вывод о доминирующем положении линейно-восходящей модели в классической философии, что является в известной степени ее редукцией. Например А. Ф. Лосев приходит к выводу о господствовавшем в Древней Греции циклическом подходе к рефлексии бытия [8].

Классика оказала определяющее влияние на переход от традиции к началу ак-

тивного познання аб'ектыўнай рэальнасці. Немаловажным яўляецца і артыкуляванае сінтагмы, в аснове каторой лежалі прадставленні о добродетелі, умереннасці, власти лучших, хорошей жизни в согласии с природой, обществом и самим собой. Заложённые в классической политической философии ценности начали процесс формирования смыслового ядра Запада, в основе которого – ценности, смыслы и вера в их достижение, античный рационализм. С другой стороны, Л. Штраус некритично воспринимает ряд противоречий в классической политической философии. Например, обходит вниманием тезис о Платоне как «идеологе тоталитаризма». Для Штрауса идеалом политической организации общества является полиция, сформированная как институциональная основа гражданского общества, а идеалом человека – сознательный гражданин полиса.

Вторым источником смыслового ядра Западной цивилизации стал «Иерусалим», философия и сінтагма каторого яўлялась экстеріорной относительно Древней Греции. Библия предложила историсофскую концепцию «возвращения», основанного на дихотомии отчуждения – покаяния, покорности – бунта. Интеграция «Иерусалима» представляла собой процесс кроссцивилизационного взаимодействия, в результате чего были сформированы синтезные концепции христианского богословия, появившиеся на стыке традиций неоплатонизма и восточных философско-мистических учений и ставшие, в свою очередь, идейной основой Западной цивилизации эпохи кризиса Античности, приходившейся, в понимании Л. Штрауса, на период Римской империи. Эта идея философа практически полностью созвучна мысли А. Тойнби о возможности и даже необходимости синтеза высших форм религий во имя приближения к богопознанию [9, с. 241].

Синтез «Афин» и «Иерусалима», как считает Л. Штраус, невозможен в силу их онтологической противоречивости. Однако сходство морально-этических учений (за исключением высшего проявления морали) и восприятия справедливости позволяют говорить об их интеракции. И «Афины», и «Иерусалим» солидаризируются в понимании важности идеалов и ценностей для социокультурных суперсистем. Но при этом

античная идея о жизни человека, по его собственному разумению, противоречит иудео-христианской концепции жизни в покорной любви к Богу.

Наличие двух корней в западной цивилизации, делает вывод Л. Штраус, или же двух противоречивых эпистем, стало одним из факторов чрезвычайно высокой ее витальности, способности к изменениям и внутреннему диалогу. Запад, если мы будем использовать категории П. Сорокина, чрезвычайно подвержен флуктуациям, которые оставляют следы и на самой социокультурной суперсистеме, что особенно видно по динамике ценностного ядра Запада в Средние века [10, с. 41], причем некоторые из этих флуктуаций создают чрезвычайно благодатную почву для институционализации модернизационных стратегий.

Третьим корнем западной цивилизации стали изменения в политической философии в эпоху формирования модерна. Первая волна современности относится к периоду появления философских концепций Н. Макиавелли и Т. Гоббса, вторая – философии Ж. Руссо, Г. Гегеля. Именно эти мыслители сформировали образ современной Западной цивилизации. Характерными чертами современности, как считает Л. Штраус, являются:

1) антропоцентричный ее характер, заменяющий космоцентризм Античности и библейский теоцентризм;

2) развитие «индустрии» прав, которые превалируют над обязанностями, доминировавшими в классический период развития западной цивилизации;

3) трансформация понимания свободы человека, считающейся неотделимой от его крайней зависимости от общества, исторического и социокультурного опыта [6, с. 142].

Одним из величайших достижений современности стало развитие идеи прогресса как изменения, направленного к пределу, а также расширение его содержательного пространства, включая интеллектуальную и политическую сферы. Современное для Л. Штрауса понимание прогресса, в отличие от античного, определяет фактор науки в качестве ведущего и предлагает через концепцию НТП идею бесконечного открытия безграничных далей непознанного. С одной стороны, названными филосо-

фами были сформулированы идеи либерализма, естественного права, обоснована уникальность и даже универсальность Запада, а с другой стороны, в их концепциях заложены предпосылки идейного кризиса Запада. Последний связывается Л. Штраусом с философией скептицизма, нигилизма и историцизмом, которые поставили под сомнение смысловое ядро западной цивилизации [4, с. 168]. Конечно, это не первый кризис, с которым сталкивался Запад: достаточно вспомнить драматические события распада Римской империи, нашествия арабов, монголов и турок-оттоманов.

Наибольшую угрозу, по мнению Л. Штрауса, представляет масштабная интервенция научного подхода в социально-политическую сферу, «ересь» историцизма, подрывающие устои Западной цивилизации. Не менее важным кризисным фактором является трансформация идеи прогресса в веру в прогресс, что связано со значительными успехами в области естественных и технических наук на фоне гораздо более скромного развития в интеллектуальной и моральной сфере. Однако эта концепция не может подлежать анафематствованию и ее «ересиархи» не должны быть преданы забвению в интеллектуальной памяти.

Трансформации в политической сфере также пронизаны кризисными явлениями. Идея А. Кожева об эре «удовлетворенных автоматов» [11] созвучна взглядам Л. Штрауса на «триумф бигмака», массового общества и массовой демократии. Общества толпы стремятся к гомогенизирующим формам политической организации, среди которых философ особенно выделяет деспотию, цезаризм, коммунизм и современный ему либерализм. Оптимальной же организационной формой является модернизированный полис, воплотившийся в институтах национального государства и гражданского общества.

Наиболее ярким проявлением кризиса является неспособность Запада к моральному выбору между добром и злом, добродетелью и пороком. Нигилизм ценностей приводит к появлению «цивилизационной химеры»: феномена «религии без веры». Позволим себе интерпретировать этот вариант магистрального пути Запада. Современность бросает вызов своему «родителю» – классике, обрушивая на нее весь возмож-

ный «арсенал» технических и идейных инструментов. Итогом этого противостояния становится необратимая деформация цивилизационного ядра, открывающая путь возрождению архаики, которая начинает «стучаться в окно», неизбежно варваризируя общество.

Противостояние кризису возможно только при условии обращения к дискурсу прошлого и политической философии. История, в понимании Л. Штрауса, – мощный фактор, дающий пищу для размышлений философам. Вместе с тем она не жребий и не злой рок человечества. Всемирно-исторический процесс, как считает американский философ, бесконечен, а значит, «конца истории» в понимании Г. Гегеля, А. Кожева и Ф. Фукуямы не может быть. Поиск ценностей и идеалов, по мнению Л. Штрауса, как в дискурсе историософии, так и в политико-философском дискурсе, вечен, и его невозможно завершить в силу статуса человека в теоцентричном мироздании. Человек не может стать самодостаточным существом, принципиально отличающимся от сотен поколений своих предков, тех, кто жаждал, страдал и умирал в борьбе.

Таким образом, «иерофантом» возрождения Запада может стать лишь политическая философия, имеющая три корня цивилизационного развития, особое место среди которых занимает античная политическая философия, сформулировавшая все основные проблемы построения «хорошего общества».

Заключение

В результате исследования сделаны следующие выводы:

1. Значимость политического знания, как считает Л. Штраус, определяется его целью – достижением общего блага на земле. Основной чертой политической философии является ориентация на осмысление фундаментальных явлений политического развития, построение синтагм.

2. Теоцентричное мировоззрение Штрауса видит во всемирно-историческом процессе конфликт добра и зла, в котором политическая философия «играет» на стороне первого, создавая возможность интеллектуального поиска оптимальной политической организации общества. Ядром философии Л. Штрауса является идея автоном-

ности и трансцендентности универсалистской синтагмы, основанной на идеалах добродетели, умеренности, ответственности.

3. В сердцевине западной цивилизации заложен конфликт между философскими и библейскими представлениями о правильной жизни, дающий, по мнению Л. Штрауса, этой социокультурной системе «необычайную» витальность. Формирование Западной цивилизации современного типа детерминировано двумя волнами философской революции, связанными с именами Н. Макиавелли и Т. Гоббса, Ж. Руссо и Г. Гегеля.

4. Кризис западной цивилизации связан с инвазией науки в сферу политической жизни, распространением «ереси» историзма, развитием этически нейтральных

концепций, приводящих к коррозии смыслового ядра Запада, сформированного «Афинами» и «Иерусалимом». Результатом этого является девальвация базовых морально-этических принципов добродетели, свободы, умеренности, «хорошего правления». Кризис неизбежно приводит к онтологическому примату частных культур и лишает всемирно-исторический процесс высших смыслов, дробя его как единство стремления к познанию истины через философскую рефлексию. Преодоление кризиса возможно только при условии продуктивного взаимодействия парадигмы современности и цивилизационной синтагмы классики, основанной на моделях «Афин» и «Иерусалима».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. К. Королева. – М. : АСТ, 2018. – 544 с.
2. Leo Strauss [Electronic resource] // The Encyclopaedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Leo-Strauss>. – Date of access: 21.01.2021.
3. Штраус, Л. Введение в политическую философию / Л. Штраус. – М. : Логос, 2000. – 364 с.
4. Штраус, Л. О тирании / Л. Штраус. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 328 с.
5. Strauss, L. Philosophy and Law. Contributions to the Understanding of Maimonides and his Predecessors / L. Strauss. – New York : State Univ. of New York, 1995. – 241 p.
6. Штраус, Л. Естественное право и история / Л. Штраус. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 312 с.
7. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
8. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : АСТ, 2000. – 624 с.
9. Тойнби, А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. – М. : Рольф, 2001 – 640 с.
10. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 1054 с.
11. Кожев, А. Атеизм и другие работы / А. Кожев. – М. : Праксис, 2007. – 512 с.

REFERENCES

1. Huntington, S. Kto my? Vyzovy amierikanskoj nacional'noj identichnosti / S. Huntington. – М. : AST, 2018. – 544 s.
2. Leo Strauss [Electronic resource] // The Encyclopaedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Leo-Strauss>. – Date of access: 21.01.2021.
3. Strauss, L. Vviedeniye v politichieskuju filosofiju / L. Strauss. – М. : Logos, 2000. – 364 s.
4. Strauss, L. O tiranii / L. Strauss. – SPb. : Iz-vo S.-Pietierb. un-ta, 2006. – 328 s.
5. Strauss, L. Philosophy and Law. Contributions to the Understanding of Maimonides and his Predecessors / L. Strauss. – New York : State Univ. of New York, 1995. – 241 p.
6. Straus, L. Jestiestviennoje pravo i istorija / L. Straus. – М. : Vodoliej Publishers, 2007. – 321 s.
7. Latur, B. Pieriesborka social'nogo: vviedeniye v aktorno-sietievuju teoriju / B. Latur. – М. : Izd. dom Vys. shk. ekonomiki, 2014. – 384 s.

8. Losiev, A. F. Istorija antichnoj estetiki. Ranniaja klassika / A. F. Losev. – M. : AST, 2000. – 624 s.
9. Tojnbi, A. Postizhenije istorii : sbornik / A. Tojnbi. – M. : Rol'f, 2001. – 640 s.
10. Sorokin, P. A. Social'naja i kul'turnaja dinamika: issliedovanije izmienienij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshhestviennykh otnoshenij / P. A. Sorokin. – SPb. : Iz-vo rus. gumanitar. un-ta, 2000. – 1054 s.
11. Kozhev, A. Ateizm i drugie raboty / A. Kozhev. – M. : Praksis, 2007. – 512 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.01.2021

УДК 32.019.51

Анна Владимировна Занкевич

аспірант 2-го года обучения каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Anna Zankevich

Post-Graduate Student of 2nd Year of Study of the Department of Political Science

of the Belarus State Economic University

mail: azankevich1997@yandex.ru

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

Рассмотрены существующие механизмы общественного контроля (в области нормотворчества) в Республике Беларусь, Российской Федерации и некоторых других странах. Анализ показывает, что созданная нормативная правовая база и интернет-ресурсы позволяют гражданам в достаточной мере проявлять свою политическую активность, используя институт общественного контроля. В то же время нельзя говорить о высокой эффективности этого процесса, особенно в Республике Беларусь по причине недостаточной сформированности соответствующей законодательной базы. Поэтому необходимо совершенствовать механизмы вовлечения граждан в процесс общественно-государственного взаимодействия.

Ключевые слова: общественный контроль, механизмы общественного контроля, политическое участие, участие граждан в нормотворчестве, общественная экспертиза, публичное обсуждение, общественно-консультативные советы, Всебелорусское народное собрание, общественные организации, общественная палата.

Institute of Public Control: Socio-Political and Legal Aspects of Citizens Participation in Rule-Making

The article examines the existing mechanisms of public control (in the field of rule-making) in the Republic of Belarus, the Russian Federation and some other countries. The analysis shows that the established regulatory framework and Internet resources allow citizens to sufficiently express their political activity, using the institution of public control. At the same time, it is impossible to talk about the high efficiency of this process, especially in the Republic of Belarus (since the relevant legislative framework is not sufficiently formed). To date, it is necessary to improve the mechanisms for involving citizens in the process of public-state interaction.

Key words: public control, mechanisms of public control, political participation, civil participation in rulemaking, public expertise, public discussion, public advisory councils, All-Belarusian People's Assembly, public organizations, public Chamber.

Введение

В современном мире особо актуальной становится проблема поиска новых и совершенствования уже существующих механизмов взаимодействия общества и государства. Значимость активного участия общества в формировании и принятии государственных решений подтверждена в процессе реализации мер по обеспечению данного сотрудничества в зарубежных странах.

Цель статьи – реконструировать действующие механизмы общественного конт-

роля в нормотворчестве. Объект исследования – политическое участие граждан.

Предмет исследования – механизмы общественного контроля.

Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

1) рассмотреть используемые механизмы общественного контроля в нормотворчестве и систематизировать нормативную правовую базу, позволяющую осуществлять общественный контроль как форму политического участия граждан в нормотворчестве;

2) выявить наиболее эффективные механизмы общественного контроля.

Научный руководитель – О. Г. Буховец, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

Развитие коммуникативных отношений между государством и обществом необходимо для тандемного и эффективного функционирования системы государственного управления. В настоящее время уже сложились определенные механизмы данного сотрудничества, из которых можно выделить три блока: участие в совместных диалоговых площадках, деятельность общественно-консультативных советов и общественная экспертиза законопроектов.

Отметим, что вышеперечисленный инструментарий относится к механизмам реализации общественного контроля. Следует подчеркнуть, что такой контроль реализуют в основном непосредственно через объединения граждан: Общественная палата (Российская Федерация), общественные организации, бизнес-структуры, а также отдельные граждане.

Несмотря на многогранность института общественного контроля, наиболее продуктивным механизмом можно считать общественную экспертизу законопроектов, совершенствующую нормотворческую функцию. Порядок общественной экспертизы является проявлением демократизма и гласности, он способен напрямую обеспечить соблюдение принципов законности, защиты прав и интересов граждан. Смысл участия граждан в общественной экспертизе на разных стадиях нормотворческого процесса заключается в том, чтобы содействовать власти в принятии государственных решений, повышая качество издаваемых нормативных правовых документов. В целом система общественной экспертизы направлена на повышение эффективности работы государственных органов и, на взгляд автора, оказывает плодотворное влияние на результативность сотрудничества власти и общества.

В Республике Беларусь формы общественного контроля реализуются в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2012 г. № 247 «О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства». Эти нор-

мативные документы регламентируют работу общественно-консультативных советов, созданных при республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях с целью рассмотрения вопросов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

Согласно законодательству, в деятельности этих советов имеют право участвовать представители гражданского общества, в т. ч. представители бизнес-структур – субъекты малого и среднего предпринимательства) Особенно важно участие представителей бизнеса в работе общественных советов, т. к., используя свой практико-ориентированный опыт для оценки возможных положительных и отрицательных последствий принятия нормативного акта, они могут предупредить определенные риски и неблагоприятные последствия обсуждаемого проекта документа. По информации Министерства экономики Республики Беларусь, по состоянию на 01.07.2020 при государственных органах создано 33 общественно-консультативных совета [1].

28 января 2019 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь было утверждено Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, в соответствии с которым *«публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов осуществляется на основе принципов открытого и независимого участия юридических и физических лиц и проводится в целях реализации принципа гласности нормотворческой деятельности, получения общественной или профессиональной (экспертной) оценки содержащихся в проекте норм права, а также определения соответствия проекта нормативного правового акта общественным ожиданиям для возможной последующей корректировки проекта»* [2].

Организаторами публичного обсуждения могут выступать Президент Республики Беларусь, Совет Министров, депутаты Палаты представителей Национального собрания и Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, граждане Беларуси, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек, а также нормотворческий орган (должностное лицо) либо госорган (организация),

осуществляющие подготовку проекта нормативного правового акта [2].

Обсуждение проектов нормативных актов реализуется на информационном ресурсе «Правовой форум Беларуси», а также может осуществляться в формате парламентских слушаний, обсуждениях в СМИ, на заседаниях общественных, консультативных, научных советов при госорганах.

Обратим внимание на то, что сайт «Правовой форум Беларуси» предназначен для предоставления возможности интерактивного общения юристам и другим посетителям ресурса по вопросам, связанным с правом, правоприменительной практикой, разъяснением законодательства. Подчеркнем, что в настоящее время Правовому форуму Беларуси придан статус официальной площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Также форум используется для целей правового мониторинга [3]. Добавим, что возможность обсуждения нормативных актов на интернет-портале – новый опыт, открывающий значимые перспективы для комфортного участия белорусских граждан в общественном контроле. Помимо этого, на сайте есть удобные форумы для получения информации, на которых можно задать вопрос в рамках определенного (авторского, таможенного, административного и др.) права и получить ответ от специалиста.

Кроме этого, многие белорусские общественные объединения стремятся к развитию и совершенствованию сотрудничества с государством. Проходит множество совместных диалоговых площадок по обсуждению разнообразных актуальных тем. Общественные объединения занимаются мониторингом общественного мнения по различным вопросам жизнедеятельности страны, опираясь на информацию своих представителей в различных слоях общества. Большинство руководителей крупных общественных объединений участвуют в работе республиканской информационно-пропагандистской группы, что также является важной частью мониторинга общественно важных проблем.

Что касается непосредственного участия общественных организаций в нормотворческом процессе, то наряду с участием в общественно-консультативных советах при госорганах и иных организациях общест-

венные объединения имеют опыт в проведении общественных обсуждений законопроектов, затрагивающих интересы широких слоев населения (РОО «Белая Русь», Федерация профсоюзов Беларуси). Сегодня данный механизм не развит столь сильно и не подкреплен действующим законодательством, чтобы говорить о серьезных результатах в данной области. Однако важно, что общественные структуры предпринимают шаги для развития института общественного контроля, что говорит о запросе общества на участие в данных процедурах и политической зрелости определенной части граждан.

В настоящее время нельзя не назвать такой формы общественного контроля, как Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС). ВНС – это инструмент суверенитета народа, общегражданский форум, во время которого обсуждаются основные вопросы развития белорусского государства. Данную форму народовластия следует считать важным демократическим институтом активизации общественного мнения. Основные задачи ВНС: анализ и оценка действия государства за прошедшие 5 лет; определение основных направлений и параметров развития государства на предстоящую пятилетку; выработка социально-экономического плана развития страны [4].

За время существования независимой Республики Беларусь ВНС созывалось уже 5 раз по инициативе Президента Александра Лукашенко. Собрания проводятся согласно с действующей Конституцией, которая гарантирует гражданам право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей.

В декабре 2020 г. Глава государства Александр Лукашенко подписал указ № 492 о созыве VI ВНС, которое планируется провести в Минске 11–12 февраля 2021 г. Участникам на обсуждение будут вынесены основные положения Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 гг. и направления дальнейшего общественно-политического развития страны. Всего в VI ВНС примут участие 2 700 представителей районных и городских Советов депутатов и наиболее многочисленных общественных объединений [4].

Решения данного органа народовласти оформляются резолюцией собрания, которая в течение 3-х дней должна быть направлена Главе государства. Президент рассматривает резолюцию и принимает решение по вопросам, входящим в его компетенцию. Другие государственные органы, согласно своей компетенции, также рассматривают вопросы и принимают свои решения. В трехмесячный срок принимается решение по резолюции ВНС [4].

Важно отметить роль ВНС как возможности непосредственного участия общества в управлении делами государства. В общем и целом система ВНС обеспечивает принципы открытого правительства и дает гражданам право влиять на принятие государственных решений, а также участвовать в процессе нормотворчества.

Можно сделать вывод, что в рамках социально-политического аспекта данного процесса, т. е. стремления граждан участвовать в выработке государственных решений, белорусские общественные объединения развиваются согласно требованиям времени и запросам общества. В какой-то мере деятельность данных организаций опережает развитие законодательной базы в области института общественного контроля и общественной экспертизы законопроектов в частности. Тем самым недостаточное количество нормативных правовых документов, регламентирующих институт общественного контроля и в целом сферу взаимодействия государства и общества, не дают в должной мере развиваться институту общественного контроля.

В России институт общественного контроля начал развиваться с 2005 г., когда был принят Федеральный закон № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации». В 2014 г. с целью систематизировать и обозначить конкретные механизмы взаимодействия государства и общества был принят Федеральный закон № 212-ФЗ от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Согласно действующему законодательству, *общественная экспертиза* – это анализ и оценка актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий либо бездействия органов государственной власти, ос-

нованные на использовании специальных знаний и (или) опыта специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля к проведению общественной экспертизы на общественных началах [5].

Общественная палата регулярно проводит экспертизу законопроектов, внесенных в Государственную Думу согласно плану экспертной деятельности. Результатом общественной экспертизы должен стать итоговый документ, включающий в себя: объективные, достоверные и обоснованные выводы общественных экспертов (экспертной комиссии) о соответствии или несоответствии актов, проектов актов, решений и др.; публичную оценку социальных, экономических, правовых и иных последствий принятия соответствующих решений и др.; предложения и рекомендации по их совершенствованию. К примеру, за 2020 г. было рассмотрено 22 проекта федеральных законов и 4 проекта постановления Правительства Российской Федерации, за 2019 г. – 16 проектов федеральных законов и 2 проекта постановления Правительства Российской Федерации. По результатам общественной экспертизы были подготовлены заключения, с каждым из которых можно ознакомиться на официальном сайте палаты в разделе «Экспертные заключения» [6].

Еще одним механизмом общественного контроля в Российской Федерации являются общественные советы, действующие при Федеральных органах исполнительной власти. Общественный совет считается постоянно действующим совещательно-консультативным органом общественного контроля.

Говоря о результатах работы советов, например, на заседаниях Общественного совета при Министерстве природы и экологии Российской Федерации, за 2018 г. было обсуждено 10 нормативных документов. В частности, проект публичной декларации целей и задач Минприроды России на 2018 г.; отчет Минприроды России о выполнении в 2017 г. ведомственного плана по противодействию коррупции; проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 гг.» и др. [7].

Некоторые эксперты отмечают, что заключения общественных советов привлекают большее внимание органов власти и оказывают более значимое влияние на качество нормотворчества властей, чем заключения Общественной палаты. Объясняется это тем, что члены общественного совета имеют более тесно взаимодействуют с представителями соответствующего федерального исполнительного органа [8].

Важно обратить внимание на возможность участия граждан в общественном контроле в сети Интернет. Так, создано несколько площадок, обеспечивающих открытый доступ к нормотворческой деятельности властей:

1) Сайт regulation.gov.ru (размещение информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения).

2) Интернет-ресурс www.roi.ru – «Российская общественная инициатива» (размещение общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосование по ним. Согласно информации на сайте, общественная инициатива – это предложение гражданина России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления федерального, регионального или муниципального уровня).

3) Сайт vashkontrol.ru (размещение отзывов граждан по оценке качества государственных и муниципальных услуг) [8].

Подводя итог краткому обобщению опыта России в социально-политическом и правовом аспектах участия граждан в процессе нормотворчества, отметим, что несмотря на достаточно сформированную нормативную правовую базу для реализации общественного контроля, во многом прослеживается еще достаточно формальный характер работы (в рамках заседаний Общественной палаты, общественных советов). Также для того чтобы отслеживать качество деятельности распространенных общественных советов при органах власти, необходимо наличие отчетов о проделанной работе и легкий доступ к ним (что на данный момент затруднительно). Однако следует высоко оценить наличие платформ в Интернете, которые позволяют всем заинтересованным гражданам свободно участ-

вовать в процессе разработки нормативных правовых документов, а также выступать со своими инициативами и высказываться о работе государственных органов.

В *зарубежных странах* среди практикующихся форм реализации общественного контроля выделим участие граждан в заседаниях органов власти (открытые заседания), публичные (общественные) консультации и публичные слушания для внесения предложений по готовящимся нормативным правовым актам различного уровня, электронные петиции.

Эксперты отмечают роль общественного контроля за рубежом в области профилактики коррупционных правонарушений. Все процедуры обеспечиваются на основе принципов открытого правительства, когда граждане имеют полный доступ к информации о деятельности государства.

Публичные консультации позволяют гражданам влиять на меры регулирования в работе по противодействию коррупции. Такие консультации распространены в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Португалии, Японии, Новой Зеландии.

Согласно выводам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), можно выделить следующие этапы публичных консультаций: публичное уведомление общественности о предмете консультаций; проведение консультаций (обсуждение, согласование позиций); привлечение заинтересованных групп общественности для подготовки итогового документа, а также проектов законодательных и других нормативных актов. Таким образом, данные процедуры способны значительно повлиять на содержание законодательства [9].

Что касается процедуры *публичных слушаний*, то она также является распространенной формой общественного контроля, позволяющей гражданам принимать участие в государственном управлении. Например, в Канаде процедура публичных слушаний является обязательной частью подготовки первичных актов законопроекта. Одновременно исполнительная власть Канады (органы, наделенные полномочиями по принятию актов вторичного законодательства) часто использует публичные консультации, расширяя границы общественного контроля в сфере противодействия коррупции [9].

Интересен опыт *электронных петиций*, который распространен в Великобритании, Канаде, ФРГ, Австрии, Польше. Задачей петиций в первую очередь следует считать информирование власти об определенном понимании общественно значимой проблемы. Подобные механизмы общественного контроля отвечают принципам открытого правительства и позволяют отдельным гражданам (или общественным структурам) влиять на процесс нормотворчества.

В США такой инструмент влияния на органы власти, как петиции, реализуется в проекте «Мы, народ» (We the People). Проект позволяет гражданам США создавать и подписывать петиции на сайте Белого дома. Интересно, что только после 150-ти первых подписей, петиция получит статус общедоступной для поиска на указанном сайте. Официальный ответ будет дан в электронном письме каждому гражданину, подписавшему петицию, в течение 60 дней, если она наберет больше 100 000 подписей за 30 дней [8].

Обозначим, что, к примеру, в Великобритании не все имеют право электронного обращения к органам власти. Право обращения предоставлено британским гражданам и лицам, имеющим статус резидента (обладающим правом законного проживания на территории Королевства). Авторами петиции должны быть не менее 6-ти человек. В петиции должен быть обозначен конкретный вопрос, подразумевающий постановку задач перед определенными органами и/или критические замечания по тому или иному вопросу [9].

Перечисленные процедуры направлены на максимальное вовлечение граждан в процесс совместного принятия решений на уровне государства. Кроме того, анализируя зарубежное законодательство, стоит обратить внимание на то, что само понятие общественного контроля в международно-правовом регулировании обозначается понятием «участие». Исходя из этого, в международном понятии принципов демократии развита идея гражданского участия, которая и включает знакомые нам формы общественного контроля [10].

Заключение

1. Рассмотрев используемые на практике механизмы общественного контроля, выделим такие направления, как диалоговые площадки, деятельность общественно-консультативных советов и общественная экспертиза законопроектов. Наиболее результативным механизмом, развивающим общественно-государственное сотрудничество, можно считать общественную экспертизу законопроектов. Вместе с тем в определенной мере нормотворческую функцию выполняют на современном этапе и формат общественно-консультативных советов, и электронные петиции, и созданные для обсуждения нормативных и правовых актов площадки в сети Интернет, публичные консультации и др.

Оценивая правовой аспект участия граждан в нормотворчестве, анализируя в первую очередь опыт Республики Беларусь и Российской Федерации, отметим следующее. Белорусское общество стремится участвовать в нормотворчестве, однако малое количество нормативных правовых документов, регламентирующих сферу взаимодействия государства и общества, не дает в должной мере развиваться институту общественного контроля и в целом политически реализовать себя гражданам. В то же время создается множество механизмов для доведения общественного мнения до государственных структур (диалоговые площадки, общественно-консультативные советы, ВНС, онлайн-обсуждение нормативных актов на официальном сайте «Правовой форум Беларуси» и др.), что является положительной тенденцией и имеет перспективы для возможного законодательного закрепления института общественного контроля в Беларуси.

В России же созданы условия для реализации общественного контроля на основе сформированного законодательства. Базовыми являются два закона, полностью регулирующих данную сферу («Об Общественной палате Российской Федерации», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Однако, несмотря на имеющиеся условия для реализации данного процесса, во многом прослеживается еще достаточно формальный характер работы (в рамках заседаний общественной палаты, общественных советов). Тем не менее

важно подчеркнуть наличие интернет-платформ, с помощью которых заинтересованные граждане могут свободно участвовать в процессе разработки нормативных правовых документов, а также выступать со своими инициативами и высказываться о работе государственных органов.

В целом развитие и совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей общественный контроль, плодотворно влияет как на инициативу граждан, так и на качество работы государства (особенно социально ориентированного).

2. Из нововведений важно отметить внедрение информационно-коммуникативных технологий, которые расширили возможности для участия в такой деятельности структур гражданского общества. Особенно важно участие отдельных граждан независимо от их принадлежности к какой-либо общественной структуре, которые имеют право участвовать в нормотворческом процессе лично в роли независимых экспертов (согласно регламенту, зарегистрировавшись на сайте).

Активность граждан в общественном контроле на площадках в сети Интернет в настоящее время невысокая. Это может говорить о низкой информированности граждан о такой форме участия или о недостаточной заинтересованности, которая исходит из недоверия к тому, что инициатива будет поддержана или представленные предложения учтены. Однако это направление однозначно важное и необходимое для дальнейшего развития общественного контроля и разнообразия форм политического участия граждан.

Целесообразно будет стимулировать эффективность участия общественных объединений в общественно-консультативных советах (Российская Федерация, Республика Беларусь) при государственных органах и иных организациях. Наиболее заметен вклад экспертов с практическим опытом, соответствующим направлению определенного консультативного органа, особенно

бизнес-ассоциаций, где речь идет о предпринимательской или экономической сфере. Помимо этого, важен российский опыт участия в нормотворчестве, осуществляемый через Общественную палату. Наряду с таковым, в некоторых странах эффективно используют инструмент публичных консультаций, в которых участвуют общественные структуры с целью регулирующего воздействия на проекты нормативных актов.

Говоря о социально-политическом аспекте участия граждан в нормотворчестве, эффективность перечисленных выше процедур стоит считать критерием качества участников данного процесса, а именно их профессионализмом и заинтересованностью в результате. Трудно оценить степень осознанной вовлеченности участников консультативных советов, российской Общественной палаты и других подобных структур. Однако всестороннее рассмотрение данного процесса показывает, что для продуктивной работы необходимо наличие:

1) законодательных актов, позволяющих осуществлять механизмы общественного контроля;

2) заинтересованных и квалифицированных участников самого процесса. Конструктивно оценивая работу государства по созданию условий для привлечения граждан к участию в нормотворчестве, важно отметить, что на практике усилия государственных органов не достаточны. По-прежнему актуальной является проблема ответственности органов власти за саморассмотрение, учет и принятие мер по предложениям граждан и по итогам общественной экспертизы, общественных слушаний, обсуждений и др. Однако демократическое направление представленных механизмов общественно-государственного диалога, обязывающих государство учитывать мнение общества, является основой для продуктивного сотрудничества общественных институтов и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.by/ru/oks_predpr-ru/. – Дата доступа: 20.12.2020.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21900056>. – Дата доступа: 20.12.2020.
3. Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum-pravo.by/>. – Дата доступа: 20.12.2020.
4. Сайт Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsebel.by/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 21 июля 2014 г., № 212-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
6. Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
7. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnr.gov.ru/activity/councils/>. – Дата доступа: 25.12.2020.
8. Зубарев, С. М. Новые технологии общественного контроля: реальность или иллюзия? / С. М. Зубарев // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – № 43. – С. 72–93.
9. Тимошенко, И. Г. Социальный контроль как средство противодействия коррупции в зарубежных государствах / И. Г. Тимошенко // Журн. зарубеж. законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 102–109.
10. Бердникова, Е. В. Категория «общественный контроль» в конституционном законодательстве зарубежных государств / Е. В. Бердникова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 466–471.

REFERENCES

1. Ministierstvo ekonomiki Riespubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://www.economy.gov.by/ru/oks_predpr-ru/. – Data dostupa: 20.12.2020.
2. Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21900056>. – Data dostupa: 20.12.2020.
3. Pravovoj forum Bielarusi [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://forumpravo.by/>. – Data dostupa: 20.12.2020.
4. Sait Vsiebieloruskogo narodnogo sobranija [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://vsebel.by/>. – Data dostupa: 25.12.2020.
5. Ob osnovakh obshchiestviennogo kontrolia v Rossijskoj Fiedieracii [Eliektronnyj riesurs] : Fiedeir. Zakon, 21 ijulia 2014 g., № 212-FZ // Konsul'tantPlius. Rossija / ЗАО «Konsul'tantPlius». – М., 2014.
6. Obshchiestviennaja palata Rossijskoj Fiedieracii [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.oprf.ru/about/>. – Data dostupa: 25.12.2020.
7. Ministierstvo prirodnykh riesursov i ekologii Rossijskoj Fiedieracii [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.mnr.gov.ru/activity/councils/>. – Data dostupa: 25.12.2020.
8. Zubariev, S. M. Novyje tiekhnologii obshchiestviennogo kontrolia: rieal'nost' ili illiuzija? / S. M. Zubariev // Viestn. Pierms. un-ta. Jurid. nauki. – 2019. – № 43. – S. 72–93.
9. Timoshenko, I. G. Social'nyj kontrol' kak sriedstvo protivodejstvija korrupcii v zarubiezhnykh gosudarstvakh / I. G. Timoshenko // Zhurn. zarubiezh. zakonodatiel'stva i sravnitel'nogo pravoviedienija. – 2018. – № 1. – S. 102–109.
10. Bierdnikova, Ye. V. Katiegorija «obshchiestviennyj kontrol'» v konstitucionnom zakonodatiel'stvie zarubiezhnykh gosudarstv / E. V. Bierdnikova // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlienije. Pravo. – 2018. – T. 18, № 4. – S. 466–471.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.03.2021

УДК 32.01+141.82

Вадим Сергеевич Михайловский

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета

Vadim Mikhailouski

PhD in Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Belarusian State University
e-mail: mikhailouskivs@bsu.by

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО НЕОМАРКСИЗМА НА ПРИМЕРЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Обосновывается актуальность синергетико-неомарксистского концепта «политики необходимой дестабилизации порядка» для современных политических исследований и для современного понимания политики. Суть концепта в том, что устойчивое воспроизводство глобального капиталистического порядка как сложной системы достигается посредством политики собственной частичной управляемой дестабилизации. Это нивелирует угрозу системной разупорядоченности глобального капитализма, позволяя использовать дисфункциональный элемент на пользу воспроизводства системы. Актуальность концепта «политики необходимой дестабилизации порядка» изучается на примере теоретического исследования политической практики современного исламистского экстремизма. Основное теоретическое заключение статьи: реально существующая проблема терроризма и эффективная борьба с террором на благо человечества может быть использована для укрепления и усиления авторитарных интенций глобального порядка в «справедливом» вторжении государств-гегемонов капитализма на любые новые территории.

Ключевые слова: политика, неомарксизм, экстремизм, фундаментализм.

Actualization of Synergetic Neo-Marxism on the Example of a Theoretical Study of Extremism

The article substantiates the relevance of the synergetic-neo-Marxist concept of «the policy of necessary destabilization of the order» for modern political research and for the modern understanding of politics. The essence of the concept is that the sustainable reproduction of the global capitalist order as a complex system is achieved through the policy of its own partial controlled destabilization. This eliminates the threat of systemic disorderliness of global capitalism, allowing the use of a dysfunctional element for the benefit of the reproduction of the system. The relevance of the concept of «the policy of necessary destabilization of the order» is studied by the example of a theoretical study of the political practice of modern Islamist extremism. The main theoretical conclusion of the article: the real problem of terrorism and the effective fight against terror for the benefit of humanity can be used to strengthen and strengthen the authoritarian intentions of the global order in the «just» invasion of the hegemonic states of capitalism in any new territories.

Key words: politics, neo-marxism, extremism, fundamentalism.

Введение

Особое место среди неомарксистских теоретических источников занимает работа «Империя», написанная в 2000 г. американским исследователем М. Хардтом и итальянским исследователем А. Негри [1]. Хардт и Негри стремились дать всеобъемлющее описание глобального имперского порядка конца XX и начала XXI в. путем обновления неомарксистской теории глобальности. Это было достигнуто экстраполяцией на неомарксизм положений социосинергетики немецкого социолога Н. Лумана. Результатом нашего обобщения и рационализации положений «Империи» является концепт

«политики необходимой дестабилизации порядка», который используется странами-гегемонами современного капитализма. Мы говорим об авторском обобщении в силу того, что этот концепт собирательный; он не был самостоятельно представлен в отдельных теоретических формах, а фрагментарно присутствует в тексте «Империи». Выявление указанного концепта позволило нам внести вклад в развитие неомарксизма в рамках синергетического подхода.

Цель статьи – обосновать актуальность синергетико-неомарксистского концепта «политики необходимой дестабилизации порядка» для современных политиче-

ских исследований и для современного понимания политики. Актуальность указанного концепта синергетического неомарксизма будет изучена на примере теоретического исследования политической практики современного экстремизма в глобальном измерении. На современном этапе развития глобальный экстремизм представлен запрещенной в России, Великобритании, США, Европейском союзе террористической организацией «Исламское государство» (ИГ). В статье использованы рецензированные научные публикации об ИГ.

Рассмотрим концепт «политики неоходимой дестабилизации порядка». Устойчивое воспроизводство капиталистического порядка как сложной системы достигается посредством политики собственной частичной управляемой дестабилизации. С нашей точки зрения, в основе этой политики лежит два синергетических принципа: неустойчивости и нелинейности. Принцип неустойчивости требует от капитализма прерывистого равновесия как способа динамического эволюционного развития. Это достигается посредством самостоятельной генерации капитализмом политических практик, которые не соответствуют порядку воспроизводства капиталистических отношений. Принцип нелинейности требует от капитализма несохранения «свойства суперпозиции» в процессе развития капиталистической системы: результат воздействия на капиталистическую систему нескольких сил сопротивления не должен быть общей суммой воздействия этих сил. Это достигается посредством непропорциональной политической реакции на дестабилизацию: капитализм демонстрирует наибольшую силу в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают его воспроизводству. Подобная политическая тактика «канализирует» антикапиталистический протест, делает его управляемым и функциональным для стабильного воспроизводства капитализма.

Экстремистский фундаментализм может возникнуть на любой религиозной почве. В глобальном измерении экстремистской направленностью характеризуется не только исламизм, однако именно это движение в своем экстремистском направлении проявило наибольшую последовательность в практическом противостоянии глобально-

му порядку. Со времени своего возникновения в 2004–2007 гг. ИГ стало предметом научных исследований. Обстоятельный анализ только русскоязычных публикаций в системе РИНЦ показывает широту охвата изучения ИГ. Несмотря на различную научную проблематизацию ИГ, исследователи транслируют единый методологический подход в познании политической стороны предмета. ИГ исследуется в рамках структурного функционализма и системного подхода.

Одна группа исследований (А. Г. Богданов, С. В. Украинский, А. М. Родригес, Ю. К. Краснов, С. В. Голунов, Н. В. Мамин) изучает структуры политической организации ИГ с определением функций каждого элемента. В результате формируется комплексное представление о политическом функционировании ИГ. Так, ИГ определяется как милитаризованное международное объединение приверженцев «извращенного ислама», ставящее своей целью построение «мирового халифата» террористическими методами и посредством активной пропагандистской вербовки по всему миру и за счет незаконной продажи нефти [2, с. 59]. Институциональное политическое устройство ИГ выявляется исследователями через анализ феноменов даулы, умм, имамов, халифов, вилайятов, амиров [3–7].

Другая группа исследований (И. Н. Бурганова, П. В. Шлыков) рассматривает ИГ как элемент (подсистему) международных отношений. Здесь доминирует парадигма реализма: ИГ рассматривается как политический субъект в системе глобальной безопасности и в рамках противостояния национальных интересов. Например, имеют место такие дефиниции ИГ: «террористическая угроза мирового масштаба» [8, с. 17]; угроза территориальной целостности суверенных государств; самостоятельный актор глобальной политики, который может использоваться в чьих-либо геополитических интересах [2, с. 60]; «угроза существования всех основных институтов государственной власти» России [9, с. 155].

Результаты системного и структурно-функционального анализа ИГ обстоятельны, однако парадигмально ограничены. Синергетический неомарксизм конституирует иной подход к политической практике экстремистского исламизма: капиталистиче-

ская природа происходящего *изначально определяет ИГ как флуктуационный политический феномен в неустойчивом воспроизводстве универсального глобального политического порядка.*

В рамках синергетического неомарксизма политическое значение практики ИГ для глобального порядка в следующем. Экстремистский исламизм не предполагает преодоления противоречий капитализма как общественно-экономической формации классового отчуждения, антагонизма и эксплуатации. Антикапиталистическая направленность экстремистского исламизма является следствием цели данного движения, а не самой целью. Экстремистский исламизм допускает временное «сожительство» с капитализмом в глобальном пространстве («мир ислама», «мир войны» и «мир договора», «где неверным дается десятилетнее перемирие для перехода в истинную веру» [10, с. 694]). В этом и угроза для универсального капиталистического воспроизводства глобальности.

С одной стороны, «отклоняющееся» поведение частей глобального пространства вписывается в модель имперского управления этим пространством. М. Хардт и А. Негри считали, что глобальный порядок («Империя») организуется не вокруг одного основного конфликта, что делало бы его крайне неустойчивым, а вокруг «сети микроконфликтов». Это есть способ его стабильности, который достигается через постоянную изменчивость, недопущение установления некой единой предсказуемой модели отношений. Наоборот, глобальный имперский порядок, функционирующий в интересах стран-гегемонов капитализма, стремится к тому, чтобы все политические практики были случайными, т. е. непригодными для коренного изменения системы. Для этого «Империя» эффективно реагирует на конфликты и противоречия, *которые сама и допускает*, что позволяет сохранять стабильное воспроизводство в рамках неустойчивого состояния.

С другой стороны, однозначная глобальная направленность экстремистского исламизма не позволяет вписать «протест» ИГ в логику имперского воспроизводства. Политическая субъектность ИГ шире, чем, например, «актор религиозного капитализма» или «радикальная политическая мета-

морфоза капитализма». Другими словами, современный экстремистский исламизм диалектически нельзя «снять» в рамках политики необходимой дестабилизации порядка, представив в глобальном политическом пространстве как борьбу за «улучшение условий капиталистической эксплуатации». Экстремистский исламизм после собственной практической презентации определяет и капитализм как политическую практику, в результате возвращая последний в состояние *преходящей*, а не универсальной общественно-экономической формации. Практика ИГ приводит к тому, что глобальный порядок преодолевает свою капиталистическую универсализацию и предстает лишь как пространство наполнения *либо* капитализмом, *либо* исламизмом. Это политическая катастрофа для «Империи».

Эту ситуацию можно описать по-другому. Экстремистский исламизм представляет собой угрозу для имперского капитализма в «старых» империалистических формах (в отличие политики необходимой дестабилизации порядка как имперской политики). Для глобальности появление территорий вне капиталистического порядка представляет «откат» к временам капиталистической экспансии, другими словами, наступление деглобализации. Глобальность становится пространством политической борьбы, а не управления отклоняющимися *поверх* «капиталистического континуума» территориями.

Отсюда и вывод, что глобальная политика в отношении ИГ – международная коалиция по борьбе с ИГ – не является политикой необходимой дестабилизации порядка. Экстремистский исламизм дестабилизировал капиталистический порядок, подвергнув сомнению универсальность капиталистического мировоспроизводства. Практика ИГ вернула глобальную ситуацию к доимперским условиям и определила доимперскую логику противостояния антикапиталистическим угрозам – политику империалистической экспансии. ИГ было внесистемным проявлением антикапиталистической практики в XXI в., дестабилизировавшим глобальный порядок в политическом измерении. Однако не стоит преувеличивать значение экстремистского исламизма. Если ИГ и была катастрофой для глобального капиталистического воспроиз-

водства, то только в синергетическом понимании – как один из способов обновления системы. «Империя» справилась с угрозой и продолжила функционировать, выйдя из ситуации еще более стабильной. Это было достигнуто посредством адаптивного (особого) применения *политики необходимой дестабилизации порядка* в случае ИГ.

Во-первых, символической «победой» «Империи» в противостоянии с ИГ было то, что деятельность политических акторов продемонстрировала отсутствие точно определенной структурно-функциональной репрезентации имперского порядка как способа его скрытого функционирования. Противостояние ИГ с разными центрами силы было функционально для Империи. Единый фронт международного сообщества подтвердил бы антикапиталистическую природу происходящего и единство капиталистических сил. Разобщенность, а в случае с США и Россией и противостояние, позволила воспроизвести «политический спектакль» на международном уровне, представив глобальный капитализм как конкурентную среду. Это в очередной раз выявило «незавершенность» глобального порядка и якобы отсутствие какой-либо единой капиталистической логики его функционирования.

Во-вторых, не найдя возможности включить практику экстремистского исламизма (как она есть) в глобальное капиталистическое воспроизводство, «Империя» пошла путем самостоятельного дотраивания образа ИГ и использования этого «слепленного конструкта» в рамках воспроизводства глобального порядка. Как писал американский исследователь Р. Мартин, реально существующая проблема современного терроризма используется в специфических интересах государств-гегемонов, и под «именем борьбы с террором» разворачивается политика империализма [11, с. 351].

Объявление ИГ террористической организацией имело не только правовое измерение (Резолюция Совета Безопасности ООН № 2170 от 15.08 2014 г., № 2199 от

12.02.2015 г.), но и политтехнологическое. С одной стороны, оценка ИГ международным сообществом (в т. ч. и США) единая и однозначно негативная: *угроза ИГ для человечества реальная, а не конструируемая*. С другой стороны, стоит учитывать и то, что дискурс «международного терроризма» является эффективным инструментом воздействия на массовое сознание посредством искусственного конструирования образа «врага». В этом случае реальная борьба с терроризмом имеет более широкое политическое значение. Наличие «врага» и постоянная потребность в безопасности оправдывает постоянную военную активность государств-гегемонов капитализма за рубежом. Если в глобальном пространстве противостояние и имеет место, то только как противостояние глобального «полицейского» и «преступника». Все это дает возможность государствам-гегемонам представить действия по подавлению альтернативных моделей развития как «справедливые» войны.

Заключение

Таким образом, пример политической практики экстремистского исламизма подтвердил актуальность применения неомарксистского концепта «политики необходимой дестабилизации порядка» для познания современной политики. Указанный концепт оказался адаптивным для познания эмпирического материала, который изначально не был использован в построении неомарксистской теории. Синергетический неомарксизм в отношении современного экстремизма позволил прийти к следующему основному теоретическому заключению. Реально существующая проблема терроризма и эффективная борьба с террором на благо человечества может быть использована для укрепления и усиления авторитарных интенций глобального порядка в «справедливом» вторжении государств-гегемонов капитализма на любые новые территории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хардт, М. Империя : пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
2. Украинский, С. В. ИГИЛ как угроза международной безопасности / С. В. Украинский, А. Г. Богданов // Евраз. Союз Ученых. – 2016. – № 30, ч. 3. – С. 58–61.

3. Родригес, А. М. Проект общественной организации ИГИЛ / А. М. Родригес // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 20–21 апр. 2017 г. – Рязань, 2017. – С. 214–219.
4. Краснов, Ю. К. Феномен ДАИШ: генезис, социальная база и цели исламского государства / Ю. К. Краснов // Публичное и частное право. – 2016. – № 2 (30). – С. 82–90.
5. Голунов, С. В. Террористический «халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации / С. В. Голунов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2020. – № 2 (97). – С. 87–103.
6. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы (начало) / А. Вавилов [и др.] // Россия и мусульм. мир. – 2016. – № 4 (286). – С. 132–260.
7. Мамин, Н. В. Феномен «Исламского государства» / Н. В. Мамин // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты : материалы Всерос. науч. конф., Самара, 28 окт. 2016 г. – Самара, 2016. – С. 60–71.
8. Шлыков, П. В. «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства / П. В. Шлыков // Актуал. проблемы Европы. – 2016. – № 3. – С. 15–48.
9. Бурганова, И. Н. Nivelirovanie ИГИЛ со стороны национального государства (на примере Российской Федерации) в условиях глобализации международного сообщества / И. Н. Бурганова // Успехи соврем. науки и образования. – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 153–156.
10. Демиденко, С. В. Трансформация феномена радикального ислама в условиях постиндустриального общества / С. В. Демиденко, А. А. Кутузова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 690–712.
11. Martin, R. America as risk/securitizing the other / R. Martin // Interventions: Intern. J. of Postcolonial Studies. – 2004. – Vol. 6, nr 3. – P. 351–361.

REFERENCES

1. Hardt, M. Impierija : pier. s angl. / M. Hardt, A. Negri ; pod ried. G. V. Kamienskoj, M. S. Fietisovoj. – M. : Praksis, 2004. – 440 s.
2. Ukrainskij, S. V. IGIL kak ugroza mezhdunarodnoj bezopasnosti // S. V. Ukrainskij, A. G. Bogdanov // Evraz. Sojuz uchionykh. – 2016. – № 30, ch. 3. – P. 58–61.
3. Rodrigues, A. M. Projekt obshchestvennoj organizacii IGIL / A. M. Rodrigues // Jevropa, Rossija, Azija: sotrudnichestvo, protivoriechija, konflikty : matierialy Miezhdunar. nach.-prakt. konf., Riazan', 20–21 apr. 2017 g. – Riazan', 2017. – P. 214–219.
4. Krasnov, Yu. K. Fienomen DAISH: gienezis, social'naja baza i celi islamskogo gosudarstva / Yu. K. Krasnov // Publichnoje i chastnoje pravo. – 2016. – № 2 (30). P. 82–90.
5. Golunov, S. V. Terroristichieskij «khalifat» kak kvazigosudarstvo: probliema konceptualizacii / S. V. Golunov // Politija: Analiz. Khronika. Prognoz. – 2020. – № 2 (97). – P. 87–103.
6. «Islamskoje gosudarstvo»: fienomien, evoliucija, pierspiektivy (nachalo) / A. Vavilov [i dr.] // Rossija i musul'manskij mir. – 2016. – № 4 (286). – P. 132–260.
7. Mamin, N. V. Fienomien «Islamskogo gosudarstva» / N. V. Mamin // Niepriznannyje gosudarstva: mietodologichieskije, politichieskije i pravovyje aspiekty : matierialy Vsieros. nach. konf., Samara, 28 okt. 2016 g. – Samara, 2016. – P. 60–71.
8. Shlykov, P. V. «Islamskoje gosudarstvo» kak vyzov normativnosti zapadnoj modeli obshchestvennogo i gosudarstvennogo ustrojstva // P. V. Shlykov // Aktual. probliemy Jevropy. – 2016. – № 3. – P. 15–48.
9. Burganova, I. N. Nivelirovanije IGIL so storony nacional'nogo gosudarstva (na primierie Rossijskoj Fiedieracii) v uslovijakh globalizacii miezhdunarodnogo soobshchestva / I. N. Burganova // Uspekhi sovriem. nauki i obrazovanija. – 2017. – Т. 4, № 1. – P. 153–156.
10. Diemidienko, S. V. Transformacija fienomienna radikal'nogo islama v uslovijakh postindustrial'nogo obshchestva / S. V. Diemidienko // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Sier. Politologija. – 2020. – Т. 22, № 4. – P. 690–712.
11. Martin, R. America as risk/securitizing the other / R. Martin // Interventions: Intern. J. of Postcolonial Studies. – 2004. – Vol. 6, nr 3. – P. 351–361.

УДК 327 + 502.1

Ольга Александровна Посталовская

канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Olga Postalovskaya*PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science
of the Belarus State Economic University**e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by***ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Анализируется сущность экополитического конфликта как формы разрешения противоречий в современном экополитическом процессе. Столкновение интересов в экосфере, структурное выделение политических («зеленых») партий, возрастающая популярность информационно-коммуникативных технологий экоактивизма приводят к формированию нового проблемного поля политической науки – экополитической конфликтологии. Экологическая проблематика входит в содержание политической повестки, вследствие чего формируются и активно ведут борьбу за власть экологические политические партии и экоактивистские организации. Результатом экополитического конфликта выступают наступающие для сторон противостояния политические последствия и перераспределение интересов.

Ключевые слова: *экополитика, экополитический конфликт, конфликтология, экология, экосфера.*

Institutionalization of Ecopolitical Conflict in Political Science

The article is devoted to the political science analysis of the essence of the eco-political conflict as a form of resolving contradictions in the modern eco-political process. The clash of interests in the ecosphere, the structural separation of political («green») parties, the growing popularity of information and communication technologies of ecoactivism lead to the formation of a new problem field of political science – ecopolitical conflictology. Environmental issues are included in the content of the political agenda, as a result of which environmental political parties and eco-activist organizations are formed and are actively fighting for power. The result of the eco-political conflict is the political consequences that come up for the opposing sides and the redistribution of interests.

Key words: *ecopolitics, ecopolitical conflict, conflictology, ecology, ecosphere.*

Введение

В современных условиях развития энвайронментализма отсутствие эффективности реализации экологической политики формирует почву для возникновения кризисных явлений и иных форм конфликтности в экосфере. Сохраняющееся противоречие выдвигает на первые роли в пространстве публичной политики субъектов, формулирующих требования (предложения) по оптимизации проблемного поля в рамках формирующейся конфликтности. Артикулирование интересов в политическое пространство, их дальнейшее продвижение, разрешение (неразрешение) имеющегося противоречия составляют в своем содержании основную суть экополитического процесса. Разрешение возникающих разногласий происходит в форме экополитического конфликта, представляющего собой принципиально новый тип конфликтности политической конфликтологии.

Сама по себе экологическая сфера становится политизированным полем, любые противоречия в данной отрасли приобретают политическое значение, формируя тем самым пространство экополитики. Как отмечают в своей работе Д. В. Афиногенов и В. А. Волков, «обязательное условие образования экополитического пространства – острые вопросы, отражающие кризисные экологические ситуации. Чтобы началось образование политической общности, кризис должен быть замечен и представлен как проблема» [1, с. 60]. Формирующееся пространство экополитики в условиях возникающих противоречий и столкновения интересов экологических субъектов образует конфликтное поле. Поскольку предметной сферой столкновения интересов выступает экологическая проблематика, представленный тип конфликтности необходимо отнести к такому направлению политической науки, как экополитическая конфлик-

ции и т. д.) приводят к структурному оформлению в политической науке такого направления, как экополитическая конфликтология, которая представляет собой направление исследовательского поиска по изучению причин возникновения конфликтов в экологической сфере, факторов их формирования, технологий реализации.

В рамках раскрытия содержания заявленного проблемного поля экополитический конфликт в своем эвристическом назначении необходимо рассматривать как инвариантную производную конфликта политического. А. В. Глухова в своей работе отмечает, что «политический конфликт должен рассматриваться как динамический тип взаимодействия в рамках поля политики как процессующей структуры, т. е. развивающейся системы конкретных взаимодействий, союзов и конфликтов политических сил» [4, с. 41]. Высказанное исследователем позиционирование сути политического конфликта необходимо проецировать и на сам экополитический конфликт, в рамках которого происходит динамическое воздействие и столкновение интересов экологических субъектов либо формируется противоречие по проблемам экологии, разрешение которого переходит в политическую сферу. По сути, экополитический конфликт является такой же формой конфликтогенности, как и конфликт социальный, только с иным предметно-содержательным полем.

Как нам представляется, современный экополитический конфликт необходимо рассматривать в рамках указанной «естественной» конфликтологической парадигмы (Р. Дарендорф [5], Л. Козер [7]), поскольку в нынешних условиях ограниченности природных ресурсов, технологизации промышленного производства, утилизации отходов и общих вопросов загрязнения окружающей среды столкновение интересов заинтересованных субъектов представляется неизбежным и где-то даже необходимым в связи с необходимостью снятия напряженности в рамках возникающих проблем. Наряду с возникающими конфликтами в природоохранной сфере условно «естественным» и трендовым в настоящее время становится функционирование экологических партий и общественных объединений. Экологические партии не только ставят в своих программах первоочередное разрешение эколо-

гических проблем. Они включены в борьбу за достижение власти в государстве, в связи с чем также являются субъектами экополитического процесса в целом и возможными сторонами в экополитическом конфликте. Учитывая сказанное выше, на наш взгляд, необходимо констатировать, что современные экополитические конфликты по своему содержанию вписываются в общую парадигмальную концепцию «естественного конфликта». Кроме того, необходимо также отметить, что экологический активизм и общие процессы политизации экологической повестки становятся на сегодняшний день обыденным (условно «естественным») действием.

Компаративный анализ опубликованных в рамках заявленного тематического поля работ показывает, что в настоящее время в политической науке не сформировано универсальной дефиниции экополитического конфликта. Как правило, в основном встречаются такие трактовки, как «экологический конфликт», а именно столкновение интересов в сфере экологии без привязки к политическому процессу, при этом участие властных институтов либо иных субъектов политического поля допускается политологами в научной среде. Так, В. В. Сабадаш определяет экологический конфликт как «противостояние на внутри-и/или межгосударственном уровнях, вызванное несовместимыми или враждебными интересами одной или более сторон и их борьбой за право собственности, использования (распределения) природных ресурсов или их контроля, сопровождаемое возможным применением насильственных методов для достижения цели» [10, с. 19]. В авторской интерпретации Н. Н. Мылиной экологический конфликт представляется в качестве «разновидности социального конфликта, возникающего ввиду природопользования (или планируемого использования природных ресурсов), в результате которого социальный субъект испытывает ухудшение (или угрозу ухудшения) окружающей его среды и стремится предотвратить это ухудшение путем социального столкновения» [8, с. 258–259]. Представленные взгляды ученых в отношении сущности политического конфликта в экологической сфере являются обоснованными, однако более операционализированным и точным, на наш

взгляд, выступает понятие экополитического конфликта как наиболее точно выражающего сущность столкновений интересов политических субъектов по вопросам экологии и природоохранной деятельности.

В указанных контекстах наиболее оптимальной представляется формулировка данной дефиниции в работе Н. А. Борисова, отмечающего, что «экополитический конфликт – это противоборство по поводу природных ресурсов, организующее заинтересованные стороны до уровня политических субъектов» [2, с. 57]. Соглашаясь в целом с позицией автора по содержанию авторской интерпретации экополитического конфликта, данное понятие, на наш взгляд, нуждается в корректировке с акцентированием внимания на политических последствиях противоборства. Конфликт в экологической сфере становится политическим, когда участники противостояния ставят перед собой политические цели либо они изначально являются субъектами политического поля. Учитывая вышесказанное, экополитический конфликт представляет собой столкновение интересов экологических субъектов, предполагающее разрешение возникающего противоречия посредством использования инструментов публичной политики, результатом которых будут выступать политические последствия для сторон конфликта. Экополитический конфликт выступает составной частью экополитического процесса, в котором отчетливо просматривается активное политическое участие заинтересованных субъектов.

Как и любой социальный конфликт, экополитическое противостояние обуславливается наличием определенного рода причинно-следственных связей и факторов возникновения. Причиной экополитических конфликтов, по мнению Н. А. Борисова и В. А. Волкова, выступает достижение экополитического суверенитета, что предполагает обладание невозполнимыми дефицитными ресурсами и контроль над сложными технологиями в современном мире, который «становится источником конфликтов самого разного спектра – от информационных до военных» [3, с. 83]. Экополитический суверенитет предполагает независимость и самостоятельность в реализации

своих интересов экологического субъекта. Условный экологический суверенитет как результат разрешения экополитического конфликта формирует такое состояние, как «экологическая безопасность». Экологическая безопасность, по мнению Н. А. Борисова, представляет собой «обеспечение доступа политического субъекта к совокупности ограниченных природных ресурсов как условию сохранения своего экополитического суверенитета, а также обеспечение контроля над техногенными воздействиями и катастрофами» [2, с. 67]. Достижение условной экологической безопасности может рассматриваться в качестве одной из целей и конечной задачи сторон конфликта в современном экополитическом процессе.

Заключение

Вопросы обеспечения природоохранной деятельности, ограниченности сырьевых ресурсов, защиты окружающей среды, утилизации радиоактивных отходов, загрязнения экосферы приобретают не только социальное, но и политическое значение для заинтересованных сторон. Экологическая проблематика выносится на первый план актуальной политической повестки, вследствие чего формируются и активно ведут борьбу за власть экологические политические партии и общественные («зеленые») движения, занимающиеся эоактивизмом. В связи с этим необходимо отнести конфликты в экологической сфере (экологические конфликты) к полноправным атрибутам современного политического процесса. Экополитическая конфликтология в данном случае выступает в качестве обособленного направления политической науки, ориентированное на осмысление природы и сущности противоречий в экосфере. Сам по себе экополитический процесс предусматривает возникновение различного рода противоречий, артикуляции интересов, столкновения заинтересованных экологических субъектов. Экополитический конфликт как форма разрешения формирующихся противоречий является самостоятельным, структурно обособленным типом современного социального конфликта, который необходимо рассматривать в качестве отдельного направления политической конфликтологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афиногенов, Д. В. Экополитические пространства – новые политические измерения / Д. В. Афиногенов, В. А. Волков // *Обществ. науки и современность*. – 2002. – № 3. – С. 59–67.
2. Борисов, Н. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии : монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. – 144 с.
3. Борисов, Н. А. Экологический кризис как детерминанта структуры современной политической экологии / Н. А. Борисов, В. А. Волков // *Власть*. – 2014. – № 3. – С. 81–86.
4. Глухова, А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – М. : Либроком. – 2010. – 280 с.
5. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // *Социол. исслед.* – 1994. – № 5. – С. 142–147.
6. Ефременко, Д. В. Экополитология как отрасль политической науки: в поисках теоретических оснований и дисциплинарной релевантности / Д. В. Ефременко // *Полит. наука*. – 2010. – № 2. – С. 33–74.
7. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Иониной. – М. : Идея-пресс, 2000. – 295 с.
8. Мылина, Н. Н. Теоретико-методологические основы исследования экологических конфликтов как социальной категории / Н. Н. Мылина // *Ист. и соц.-образоват. мысль*. – 2014. – Т. 6, № 6, ч. 2. – С. 258–261.
9. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика : монография / О. А. Посталовская. – Минск : РИВШ. – 2020. – 144 с.
10. Сабадаш, В. В. Теоретико-методологические аспекты исследования экологического конфликта в современной системе природопользования / В. В. Сабадаш // *Экономика природопользования*. – 2009. – № 6. – С. 10–22.

REFERENCES

1. Afinogienov, D. V. Ekopolitichieskije prostranstva – novyje politichieskije izmierienija / D. V. Afinogienov, V. A. Volkov // *Obshchiestv. nauki i sovriemiennost'*. – 2002. – № 3. – S. 59–67.
2. Borisov, N. A. V poiskakh novoj paradigmy: ochierk politichieskoj ekologii : monografija / N. A. Borisov, V. A. Volkov. – SPb. : IPC SZIU RANKhiGS, 2014. – 144 s.
3. Borisov, N. A. Ekologichieskij krizis kak dienierminanta struktury sovriemiennoj politichieskoj ekologii / N. A. Borisov, V. A. Volkov // *Vlast'*. – 2014. – № 3. – S. 81–86.
4. Glukhova, A. V. Politichieskije konflikty: osnovanija, tipologija, dinamika (teorietiko-mietodologichieskij analiz) / A. V. Glukhova. – M. : Librokom. – 2010. – 280 s.
5. Darendorf, R. Eliemienty teorii social'nogo konflikta / R. Darendorf // *Sociol. isslied.* – 1994. – № 5. – S. 142–147.
6. Yefriemienko, D. V. Ekopolitologija kak otrasl' politichieskoj nauki: v poiskakh teorietichieskikh osnjvanij i disciplinarnoj rielievantnosti / D. V. Yefriemienko // *Polit. nauka*. – 2010. – № 2. – S. 33–74.
7. Kozher, L. Funkcii social'nogo konflikta / L. Kozher ; pier. s angl. O. Nazarovoj ; pod obshch. ried. L. G. Ionina. – M. : Idieja-press, 2000. – 295 s.
8. Mylina, N. N. Tieprietiko-mietodologichieskije osnovy issliedovanija ekologichieskikh konfliktov kak social'noj katiegorii / N. N. Mylina // *Ist. i soc.-obrazovat. mysl'*. – 2014. – T. 6, № 6, ch. 2. – S. 258–261.
9. Postalovskaja, O. A. Ekologichieskaja politika: teorija i social'no-politichieskaja praktika : monografija / O. A. Postalovskaja. – Minsk : RIVSh. – 2020. – 144 s.
10. Sabadash, V. V. Tieprietiko-mietodologichieskije osnovy issliedovanija ekologichieskogo konflikta v sovriemiennoj sistiemie prirodopol'zovanija / V. V. Sabadash // *Ekonomika prirodopol'zovanija*. – 2009. – № 6. – S. 10–22.

УДК 338.1:001.895

Геннадий Михайлович Бровка

канд. пед. наук, доц., декан факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета

Gennadiy Brovka

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Management Technologies and Humanitarization
of the Belarusian National Technical University

e-mail: gbrovka@bntu.by

**ФАКТОР ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Фактор времени определяет для общества следующие альтернативы: либо возможность своевременного и качественного скачка в развитии технологий и научного прогресса, т. е. инновационного развития, либо безнадежное отставание от мировых социально-экономических и научно-технологических процессов. При этом при принятии политического решения в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность» акторы оказываются в условиях неполноты и неопределенности исходной информации, наличия множества факторов риска, конфликтности целей, конкуренции, междисциплинарности, совокупности взаимосвязанных задач различной природы, условиями ограниченных временных, материальных и других видов ресурсов и ряда других особенностей.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная безопасность.

**The Time Factor in the System of Innovative Development Policy
and Ensuring Innovation Security**

The time factor determines two alternatives for society: the possibility of a timely and qualitative leap in the development of technologies and scientific progress, i. e. innovative development, or a hopeless lag behind the world socio-economic and scientific-technological processes. At the same time, when making a political decision in the system «innovative development – innovative security», actors find themselves in conditions of incompleteness and uncertainty of initial information, the presence of many risk factors, conflicting goals, competition, interdisciplinarity, a set of interrelated tasks of various nature, conditions of limited time, material and other types of resources, and a number of other features.

Key words: innovative development, innovative security.

Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, развивая синергетический метод познания (синергетика – междисциплинарное направление науки, объясняющее образование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах, в условиях хаоса, исследующее в т. ч. как в ходе разрешения парадокса стрелы времени обратимые процессы приводят к необратимым явлениям) заметил: «Время приобретает свой истинный смысл, связанный с необратимостью или даже с “историей” процесса, а не является просто геометрическим параметром, характеризующим движение» [1].

Время – форма протекания физических, психических, (политических и иных. – Г. Б.) процессов, условие возможности изменения [2]. Одно из основных понятий философии и физики, мера длительности существования всех объектов, характеристика последовательной смены их состояний в

процессах и самих процессов, изменения и развития [3], а также одна из координат единого пространства-времени. Это и сам необратимый процесс, протекающий лишь в одном направлении – из прошлого через настоящее в будущее.

Инновационное развитие представляет собой прогрессивное, необратимое, направленное, закономерное изменение личности, общества, государства, основанное на способности генерировать, воспроизводить и внедрять знания и инновации в различных сферах человеческой деятельности [4]. Инновационное развитие всегда сопряжено со всевозможными рисками, вызовами и угрозами, поскольку инновации содержат кроме научной и технологической новизны и условий экономического роста новую социально-культурную ценность, вызывающую противодействие со стороны субъектов традиционной культуры. Так, технологиче-

ские революции сопровождаются высоким уровнем риска и неопределенности, связанной с неприятием новых изобретений, инновационной асимметрии, психологического шока восприятия и даже агрессии и противодействия. Инновации радикально преобразуют все общественные сферы и институты – осуществляют изменения в рыночных отношениях как глобальной регулятивной инфраструктуре, подвергают реструктуризации сообщества как саморазвивающиеся системы. Инновационное развитие приводит к обновлению и созданию целого ряда новых социальных институтов, начиная с государственного управления, финансового регулирования, науки и образования и заканчивая переменами в общественном поведении и идеологии посредством внедрения новых ценностей и приоритетов.

Инновационная безопасность – часть национальной безопасности, выражающая состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в условиях инновационного развития [4].

Следует отметить, что в процессе инновационного развития и, в частности, в ходе формирования инновационной экономики угрозы и вызовы носят более опасный характер как на уровне государства, так и на международной арене, а проблема обеспечения инновационной безопасности в инновационной сфере значительно сложнее, чем обеспечение экономической безопасности в традиционных условиях развития рыночной экономики. Над всем процессом постоянно довлечет фактор времени, который становится определяющим критерием эффективности и успеха инновационного пути развития страны и проводимой инновационной политики. Внедрение достижений научно-технического прогресса в жизнь, что собственно и представляют собой инновации, должно происходить максимально быстро, буквально в считанные месяцы. Опыт инновационно развитых стран указывает на максимальный цикл внедрения в два года. Разработка антиковидных вакцин как глобальный пример инновационного процесса показывает, что научный задел безусловно создается на базе общества знаний годами или даже десятилетиями непрерывного приращения знаний и институциональной подготовки. Но реализация требует

политической воли и минимального времени для внедрения инноваций.

Согласно одному из крупнейших политологов нашего времени Манфреда Г. Шмидта, внедрившего вместе с коллегой, бывшим ректором Эссенского университета Карлом Роэ, использование трех самостоятельных терминов наименований политики на английском языке, связанном с многомерностью феномена политики, конкретно с ее формальным, содержательным и процессуальным измерениями: *polity*, *policy* и *politics*, время в период кризисов, таких как финансовый кризис 2007–2009 гг. или пандемия COVID-19, охватившая мир, становится критерием способности политики мгновенно предложить инновации для их преодоления, которые базируются на развитых системах образования и науки [5, с. 454–455].

Основные причины, определяющие время как главной и универсальный критерий инновационной безопасности:

1) особенностью процессов формирования инновационной политики и, безусловно, инновационной экономики является нарушение стабильности, потеря равновесного состояния существующей национальной системы институтов и хозяйствующих субъектов;

2) круг угроз процессу инновационного развития и особенно формированию инновационной модели хозяйства значительно шире перечня вызовов и угроз, вызываемых просто процессом модернизации рыночной экономики. Кроме социально-экономических и научно-технологических угроз (при традиционном подходе) возникают угрозы мировоззренческого, политического, социального, образовательного, психологического, научного, технологического, культурного и институционального характера.

3) сами инновации на стадии формирования привносят фактор национальной нестабильности, что находит свое выражение в нарушении устоявшегося порядка и баланса сил при создании национальных систем инновационного развития, в больших финансовых затратах на формирование инновационной системы и крупных политических и коммерческих рисках, а также в жестких конкурентных действиях внешних конкурентов, ранее перешедших на инновационный путь развития.

Многие исследователи указывают на скоротечность и цикличность примерно в два года обновления цифровой техники и программного обеспечения, постоянную в связи с этим смену парадигм общественного развития, регулярно появляющиеся новые риски и вызовы вследствие появления инноваций. Так, в исследовании американской ученой Карлоты Перес «Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания» подчеркивается, что активность финансового капитала свидетельствует о наступлении первых стадий внедрения и агрессии новой технологической революции. По словам Перес, эта новая волна «преподнесла нам двойной пузырь, основанный на технологических инновациях и созданный силами финансистов. Мы вновь на перекрестке. Вновь каждой стране – и всему миру – предстоит решить, позволить ли экономике “казино” существовать далее или же создать условия для процветающего производства и массового благосостояния». К. Перес настроена оптимистично и утверждает, что благодаря дигитализации (цифровизации) «уже все готово для прихода “золотого века” реального роста. Правильная институциональная рекомпозиция позволит осуществить инновации во всех отраслях и сервисах, а также распространить бонусы по всему обществу» [6, с. 213]. Такой подход порождает новое понимание инновационной безопасности, ее уровней, критериев, условий обеспечения не с точки зрения защиты от угроз, а с точки зрения инновационного развития, в отличие от понимания научно-технологической и экономической безопасности с защитой от различных угроз государства и различных сторон его бытия согласно действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [7].

В контексте нового видения инновационная безопасность предстает единством двух моментов: безопасность устойчивости и безопасность развития. При этом устойчивость как неотъемлемое свойство безопасности означает не абсолютную неизменность объекта, а его способность сохранять присущее ему качество данного феномена в условиях инновационного развития. Тем самым она не только не исключает изменчивость объекта, но и предусматривает его развитие. Причем инновационная безопас-

ность в своем развитии в первую очередь, в отличие от экономической безопасности, опирается не на статические подходы экономического развития, а на динамические инновационные политико-экономические прорывы.

В этой связи полагаем, что:

1) необходимо рассматривать единую систему «инновационное развитие – инновационная безопасность» как имеющую для своих элементов общие цели, задачи и пути решения;

2) обеспечение инновационной безопасности должно рассматриваться, исходя из положений динамической теории, где именно фактор времени решительно влияет на ее изменяющиеся параметры;

3) инновационная безопасность является компонентом политики инновационного управления в первую очередь экономической, которое в ходе поэтапного формирования инновационной системы подвержено воздействию перманентно возникающих элементов нестабильности.

Категория инновационной безопасности является комплексной. Ее следует рассматривать как систему (политика, образование и кадры, наука, инновационная инфраструктура, производственная подсистема, консалтинговая подсистема реализация и коммерческое использование и др.), на каждой стадии которой должны проводиться конкретные мероприятия по обеспечению безопасности формирования инновационного цикла, спланированные с учетом дефицита времени на их реализацию.

Инновационная безопасность, на наш взгляд, не должна являться абсолютно обособленным явлением, а должна найти свое место в системе национальной безопасности и совместно с экономической, научно-технологической безопасностью обеспечивать безопасность на протяжении всего цикла формирования и развития как инновационной экономики, так и инновационного реформирования всего общества. Причем масштабные задачи по инновационной модернизации экономики и общества априори предусматривают, что инновационная безопасность в системе национальной безопасности становится определяющей, требующей приоритетного внимания.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что только в рамках инноваци-

онной безопасности можно выявить факторы сдерживания становления инновационного развития, что дает возможность разработать эффективную стратегию обеспечения национальной безопасности в условиях инновационного развития. Она должна охватывать все направления государственной политики, в первую очередь в образовательной, научной, производственной, финансовой, социальной, внешнеэкономической и других сферах жизни общества.

Условием обеспечения приемлемого уровня инновационного развития, как указывает профессор С. В. Решетников [8], является активизация инновационных процессов, модернизация всего социально-экономического народно-хозяйственного комплекса и социально-культурной сферы. Непрерывное внедрение инноваций – единственный способ поддержания высокого уровня безопасного существования и развития государства. В свою очередь, устойчивое и поступательное развитие общества и государства, его экономических и социально-политических отношений и структур является основой инновационного развития.

Движение страны по инновационному пути развития сопровождается появлением новых рисков, вызовов и угроз для национальных интересов двойственным образом: как в ситуации запаздывающей модернизации, так и в процессе масштабного внедрения инноваций (активной модернизации). Вследствие этого время реализации процессов модернизации будет определять успех (или неуспех) и содержание инновационного развития, причину возникновения, характер и источник угроз, вызовы и риски этому развитию. Фактор времени объективно становится приоритетом инновационной безопасности, определяющей эффективность инновационного развития в целом и государственного регулирования инновационных преобразований в контексте повышения уровня обеспечения национальной безопасности. В случаях запаздывающей модернизации возникают угрозы потери конкурентоспособности и вытеснения национальных участников процесса развития и хозяйствующих субъектов на периферию мирового рынка. Активная модернизация порождает угрозы, связанные с трендами развития инноваций как социально-культурно-

го феномена: интеллектуально-образовательным, научно-технологическим, экономическим, финансово-инвестиционным, хозяйственно-правовым, промышленным, маркетинговым и т. п. Инновационная безопасность как сфера национальной безопасности затрагивает все сферы жизнедеятельности социума, а не только социально-экономические отношения, которые являются ведущим направлением инновационного развития. Содержание инновационной безопасности зависит также от уровня развития национальной инновационной системы, представляющей инновационную, научно-техническую, научно-технологическую, социально-экономическую и духовную общность на конкретном территориально-государственном пространстве.

Международный опыт обеспечения безопасности, анализируемый зарубежными и белорусскими учеными (среди них профессор Л. С. Мальцев [9]), показывает, что инновационные преобразования приобретают черты устойчивости посредством опережающего развития человеческого капитала, образовательной сферы, научных исследований и ОКР, формирования нового социума, воспитания социально активной личности, развития технологических трансферов и сетевых кластеров, корпоративного и межфирменного менеджмента и междисциплинарного сотрудничества. Данные факторы инновационной безопасности требуют значительного увеличения финансовых затрат и капитальных вложений, привлечения прямых иностранных инвестиций, в т. ч. на научные исследования и образование, развитие промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. Различают устойчивость и безопасность инновационного развития на национальном, региональном и глобальном уровнях, которые определяют важнейшие цели государственной политики.

Обеспечение инновационной безопасности призвано консолидировать интеллектуальный и организационно-внедренческий ресурс общества, а также деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности на защиту интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в условиях инновационного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пригожин, И. Время, структура и флуктуации. Нобелевская лекция по химии 1977 года / И. Пригожин // Успехи физ. наук. – 1980. – Т. 131, вып. 2. – С. 185–207.
2. Смирнов, А. В. Время / А. В. Смирнов // Нов. филос. энцикл. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд ; предисл. В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010.
3. Матяш, Т. П. Философия науки / Т. П. Матяш. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 441 с.
4. Бровка, Г. М. Процессы и технологии политики обеспечения инновационной безопасности государства / Г. М. Бровка. – Минск : БНТУ, 2020. – 316 с.
5. Schmidt, Manfred G. Das politische System Deutschlands / Manfred G. Schmidt. – München : Verlag C. H. Beck, 2021. – 542 s.
6. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и период процветания / К. Перес. – М. : Дело, 2011. – 231 с.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. дом печати, 2011. – 49 с.
8. Решетников, С. В. Политологический концепт типологии идеологических ориентиров / С. В. Решетников // Труд, профсоюзы, общество. – 2021. – № 1. – С. 28–40.
9. Мальцев, Л. С. Отдельные положения Концепции национальной безопасности Республики Беларусь / Л. С. Мальцев // Беларус. думка. – 2019. – № 10. – С. 64–68.

REFERENCES

1. Prigozhin, I. Vriemja, struktura i fluktacii. Nobielievskaja liekcija po khimii 1977 goda / I. Prigozhin // Uspiechi fiz. nauk. – 1980. – T. 131, vyp. 2. – S. 185–207.
2. Smirnov, A. V. Vriemja / A. V. Smirnov // Nov. fil. encikl. / In-t filosofii RAN, Nac. obzhchiestv.-nauch. fond ; priedisl. V. S. Stiopin. – 2-je izd., ispr. i dop. – M. : Mysl', 2010.
3. Matish, T. P. Filosofija nauki / T. P. Matiash. – Rostov n/D : Fieniks, 2007. – 441 s.
4. Brovka, G. M. Processy i tiekhnologii politiki obiespiechienija innovacionnoj biezopasnosti gosudarstva / G. M. Brovka. – Minsk : BNTU, 2020. – 316 s.
5. Schmidt, Manfred G. Das politische System Deutschlands / Manfred G. Schmidt. – München : Verlag C. H. Beck, 2021. – 542 s.
6. Peres, K. Tiekhnologichieskije rievoliucii i finansovyj kapital. Dinamika puzyriiej i hieriod procvietanija / K. Peres. – M. : Dielo, 2011. – 231 s.
7. Koncepcija nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus'. – Minsk : Bielorus. dom piechaty, 2011. – 49 s.
8. Rieshetnikov, S. V. Politichieskij concept tipologii idieologichieskikh orijentirov / S. V. Rieshetnikov // Trud, profsojuzy, obshchiestvo. – 2021. – № 1. – S. 28–40.
9. Mal'cev, L. S. Otdiel'nyje polozhenija Koncepicii nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' / L. S. Mal'cev // Bielarus. dumka. – 2019. – № 10. – S. 64–68.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.07.2021

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

Александр Владирович Посталовский
канд. социол. наук, ведущий науч. сотрудник
Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
Aleksandr Postalovsky
PhD of Sociological Sciences, Leading Researcher
of the Center for Sociological and Political Researches
of the Belarusian State University
e-mail: postalnio@tut.by

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АУДИТОРИИ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM

На основе данных массового опроса населения, проведенного в 2020 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, выявляются наиболее востребованные мессенджеры, определяется место указанных ресурсов среди традиционных СМИ и социальномедийного пространства, рассматриваются особенности практик медиапотребления в половозрастном отношении. Установлено, что мессенджеры, в частности ресурс Телеграм, используются одновременно и как канал коммуникации, и как канал распространения массовой информации. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что популярность Telegram и мессенджеров в целом относительно иных сегментов национального информационного поля будет продолжать расти во многом за счет молодежной части аудитории.

Ключевые слова: мессенджеры, информационное поле, Телеграм, аудитория, медиа.

Socio-Demographic Portrait of the Audience of the Messenger TELEGRAM

Based on the data of a mass poll of the population conducted by the Center for Social and Political Studies of the Belarusian State University in 2020, the most popular messengers are identified, the place of these resources among traditional media and social media space is determined, and the features of media consumption practices in terms of gender and age are considered. As part of the study, it was possible to establish that instant messengers, in particular, the Telegram resource are used for their intended purpose both as a communication channel and as a channel for disseminating mass information. The results obtained allow us to conclude that the popularity of Telegram and messengers in general relative to other segments of the national information field will continue to grow largely due to the youth segment of the audience.

Key words: messengers, information field, Telegram, audience, media.

Введение

В современных условиях развития медиапространства отчетливо просматривается тенденция сегментизации источников воспроизводства массовой информации, выражающаяся в увеличении функциональных возможностей распространения информационного контента и форм взаимодействия с аудиторией. Содержательное и функциональное многообразие технологий воспроизводства информационного контента сетевыми ресурсами привело к системному видоизменению структуры национального информационного поля. В течение относительно небольшого промежутка времени сетевые ресурсы превратились не только в инструмент мгновенного распространения

информации, но и в эффективный канал выстраивания коммуникации (обратной связи) между источником информации и ее потребителями (аудитория). Причем в сетевом медийном пространстве аудитория выступает одновременно и субъектом воспроизводства (пользовательские посты, публикации), и распространения (репостинг), и коммуникации (пользовательские комментарии, «лайки»).

В этих контекстах объектом исследовательского интереса выступают мессенджеры – сетевые коммуникативные ресурсы мгновенного обмена сообщениями между пользователями онлайн-пространства. Мессенджер как система мгновенного обмена сообщениями в сетевом пространстве изна-

чально в качестве основной модели своего использования предполагал осуществление коммуникативной функции, а именно наглядного визуального обменивая пользовательскими файлами либо иной другой значимой информацией. В последнее время среди пользователей сетевого пространства и конкретно мессенджеров набирает популярность и востребованность такой сетевой ресурс, как Telegram. Этот мессенджер используется потребителями информации, с одной стороны, как канал сетевой коммуникации, а с другой – как инвариантная часть блогинга (персонализированные авторские каналы), выступающая в качестве источника воспроизводства информации. Повышение интереса и общих показателей востребованности в контексте медиапотребления мессенджера Telegram формирует такое направление исследовательского поиска, как изучение аудитории указанного ресурса. Таким образом, целью статьи выступает изучение социально-демографических характеристик пользователей Telegram. Исследование социально-демографического портрета аудитории указанного ресурса позволит сформировать понимание относительно содержательных характеристик целевой группы потребителей информационного контента.

Социологическое исследование медиапотребления населения было осуществлено Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) в октябре 2020 г. Методом сбора эмпирической информации выступал опрос «лицом к лицу» (национальная репрезентативная стратифицированная выборка, объем выборочной совокупности – 1 000 респондентов в возрасте 18–79 лет, метод случайного отбора по прин-

ципу ближайшего дня рождения проживающих в домохозяйстве). В рамках исследования изучалось отношение населения к источникам воспроизводства массовой информации (традиционные СМИ: радио, газеты, телевидение; интернет-ресурсы: новостные сайты (порталы); социальные медиа (сети) и мессенджеры) и их расстановка в структуре медиапотребления национальной аудитории. На основании анализа эмпирических данных были выделены ключевые характеристики, определяющие социально-демографический портрет аудитории мессенджеров и, в частности, ресурса Telegram. В настоящее время в научной среде не сформировано универсального определения понятия «социально-демографический портрет». В указанных контекстах наиболее оптимальной дефиницией, отражающей сущность социально-демографического портрета, является интерпретация данного понятия П. В. Акининым. Согласно мнению исследователя, социально-демографический портрет – это «это совокупность качественных и количественных общественно значимых демографических и социальных характеристик населения» [1, с. 46].

В таблице 1 представлены ответы респондентов по возрастным группам. В данном случае интерес представляют мессенджеры как принципиально новый сегмент национального информационного поля. Традиционные СМИ (газеты, радио, телевидение) в наибольшей степени востребованы в условно «старшей» возрастной группе (45–59 лет и 60 лет и старше). Молодежь представлена в основном среди сетевых источников массовой информации. Основную долю аудитории мессенджеров составляют молодые люди (18–29 лет) и средневозрастная группа (30–44 лет) (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию?» по возрастным группам, %*

Источник информации	Возрастная группа, лет			
	18–29	30–44	45–59	60 и старше
газеты	4,9	13,3	22,9	43,9
радио	1,6	4,8	10,4	11,2
телевидение	14,8	35,2	66,7	82,7
Интернет (сайты, новостные порталы)	85,2	82,9	68,8	36,7
Интернет (социальные сети)	63,9	48,6	17,7	15,3
Интернет (мессенджеры)	55,7	28,6	14,6	7,1

Примечание – * – возможно несколько вариантов ответа.

Эта тенденция в целом отвечает основным трендам развития цифровизации, в рамках которых именно молодые люди в наибольшей степени включены в пространство Интернета, социальных медиа и сетевых каналов медиакommunikации (мессенджеры). Быстрота распространения информации, инновационные технологии коммуникации и возможность самому быть не только потребителем, но и источником вос-

производства информационного контента обусловили востребованность сетевого сегмента национального информационного поля.

Определив место коммуникативного субъекта в структуре национального медиапотребления, обратимся к наиболее востребованным мессенджерам среди населения Беларуси в целом без привязки к конкретной возрастной группе (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Какие мессенджеры Вы используете для поиска и обмена информацией?», %

Мессенджер	Значение
Viber	63,3
Telegram	29,2
WhatsApp Messenger	20,6
Skype	7,8
Facebook Messenger	3,9
VK Мессенджер	3,1
Не пользуюсь мессенджерами	8,3
Интернетом не пользуюсь	18,6

Согласно данным, приведенным в таблице 2, наиболее популярным мессенджером является Viber (63,3 %). Viber представляет собой коммуникативно-обменную площадку корпоративного распространения информации, фактически доминируя среди медиапредпочтений аудитории белорусского Интернета. Второе место занимает Telegram (29,2 %), далее следует WhatsApp (20,6 %).

При рассмотрении вопроса востребованности мессенджеров по возвратным

группам условный «разрыв» между «Вайбером» и «Телеграмом» несколько сокращается за счет увеличения молодежной аудитории последнего (таблица 4). Обратим внимание на то, что в аудитории «Вайбера» не наблюдается существенных эмпирических различий между возрастными группами 18–29 лет и 30–44 года. В то же время «Телеграм» по мере увеличения возраста респондентов начинает терять свою аудиторию (таблица 3).

Таблица 3. – Показатели востребованности мессенджеров по возрастным группам, %

Мессенджер	Возрастная группа, лет			
	18–29	30–44	45–59	60 и старше
Viber	75,4	78,1	66,7	36,7
Telegram	57,4	34,3	24,0	11,2
WhatsApp Messenger	32,8	27,6	17,7	8,2
Facebook Messenger	4,9	4,8	6,3	2,3

В контексте воздействия на поведенческие установки и индивидуальную повседневность мессенджеры, как и социальные медиа, оказывают воздействие на аудиторию, в частности на молодежь. Показатели

влияния сетевых сегментов на формирование субъективной картины мира и личностной повседневности составляют 59 %: «Да, оказывает» (19,7 %) + «Скорее оказывает» (39,3 %) (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «Оказывает ли влияние получаемая из социальных медиа и мессенджеров информация на Ваше поведение и поступки в повседневной жизни?» по возрастным группам, %

Варианты ответов	Возрастная группа, лет			
	18–29	30–44	45–59	60 и старше
Да, оказывает	19,7	12,4	8,3	8,2
Скорее оказывает	39,3	29,5	25,0	10,2
Скорее не оказывает	23,0	29,5	22,9	15,3
Не оказывает совсем	14,8	26,7	22,9	15,3
Нет ответа	3,3	–	–	–
Не пользуюсь Интернетом	–	1,9	17,7	49,0

Для средних и старших возрастных групп в меньшей степени характерно влияние мессенджеров и социальных медиа на поведенческие установки. Обратим внимание на то, что мессенджеры изначально не являются источником воспроизводства массовой информации, при этом отмечается высокая степень их влияния на поведение и поступки в повседневной жизни.

Учитывая возрастающую популярность использования Телеграм-каналов в качестве источника получения информации, в частности среди молодежи, представляется актуальным рассмотрение показателей практик медиапотребления указанного ресурса среди национальной аудитории.

Как отмечает Р. А. Зимарин, «важнейшей особенностью, отличающей от конкурентов, можно считать инструмент социально-сетевой коммуникации в формате публичных каналов. Такой способ позволяет автору или группе авторов (редакции) делиться информацией с неограниченным кругом лиц при одновременном сохранении анонимности всеми участниками взаимодействия» [3, с. 355]. В эвристическом и технико-функциональном содержании Телеграм-каналы выступают, с одной стороны, как классические мессенджеры для обмена и дистрибуции информации, а с другой стороны, в настоящее время это полноценный субъект воспроизводства информации, функционирующий по принципу классического блогинга, при этом имеющий ряд преимуществ по сравнению с классическим онлайн-дневником.

Рассматривая преимущества Телеграм-каналов по сравнению с Facebook и Twitter, Р. А. Зимарин выделяет такие особенности, как «отсутствие алгоритмической ленты новостных сообщений и видимой обратной связи, анонимность» [3, с. 355]. Как отмечает Я. В. Солдаткина, наиболее эффективной формой формирования качественного информационного контента является публичный Telegram-канал, «в котором автор(ы) публиковали тексты для теоретически неограниченной аудитории, при этом, в отличие от ленты социальных сетей, каждый канал был автономен, материалы в нем располагались в хронологическом порядке. Каналы большей частью были организованы по тематическому признаку, что облегчало их восприятие и распространение информации о них – именно через разного рода тематические подборки пользователи знакомились с новыми каналами» [8, с. 326]. Эти аспекты во многом обусловили востребованность данного мессенджера, который по своему назначению является и каналом коммуникации, и каналом обмена информацией, и источником ее воспроизводства. При этом в ряде случаев функционал пользования выгодно отличается от классических социальных сетей и иных интернет-ресурсов.

В таблице 5 приведены показатели востребованности тематической направленности Telegram по гендерным различиям: мужчины в большей степени (54,5 %) «включены» в пространство Telegram, чем женщины (51,8 %).

Таблица 5. – Востребованность тематической направленности Telegram по гендерным различиям, %

Тематическая направленность	Мужчины	Женщины
Новостные каналы	33,3	26,2
Авторские каналы (блогеры)	16,4	17,4
Образовательные каналы	9,7	12,3

Продолжение таблицы 5

Корпоративные каналы (чаты)	5,5	2,6
Развлекательные каналы	12,1	9,2
Каналы своих друзей, знакомых	7,9	6,2
Политические каналы	13,9	9,2
Каналы-боты	3,6	2,1
Каналы с «мемами»	5,5	4,1
Не пользуюсь Телеграм-каналами	45,5	48,2
Интернетом не пользуюсь	17,6	19,5

Мужская аудитория в большей степени предпочитает новостные Телеграм-каналы (33,3 %), в то время как у женщин востребованы авторские каналы (17,4 %) и образовательные каналы (12,3 %). Исследова-

ние целей использования данного ресурса в контексте возрастных групп показывает, что наибольшая «целевая» активность отмечается в молодежной группе (18–29 лет) (таблица 6).

Таблица 6. – Цели использования Telegram по возрастным группам, %

Цели использования Telegram	Возрастная группа, лет			
	18–29	30–44	45–59	60 и старше
Получение информации	65,6	43,8	26,0	8,2
Личная переписка	49,2	33,3	12,5	2,0
Корпоративная переписка	11,5	6,7	3,1	1,0
Использую канал как автор	–	–	1,1	–
Игры, развлечения	19,7	5,7	2,1	1,2
Нахождение в чате (до 10 человек)	14,8	7,6	3,1	1,2
Нахождение в чате (больше 10 человек)	9,8	8,6	3,1	–
Не пользуюсь Телеграм-каналами	31,1	52,4	56,3	41,8
Интернетом не пользуюсь	–	1,9	17,7	49,0

Ярко выраженной мотивационной компонентой использования Telegram выступает «получение информации», причем доминирующее положение указанной цели зафиксировано во всех возрастных группах. Вторая основополагающая цель – «личная переписка», а именно коммуникативная составляющая. Представленные цели являются доминирующими и амбивалентными ввиду наглядного подтверждения двойственности функций Telegram, предполагающей как функционирование в роли информационного ресурса, так и в контексте сетевой межличностной коммуникации.

Заключение

Рассмотрев социально-демографический портрет аудитории мессенджера Telegram, необходимо сделать следующие выводы. В настоящее время мессенджеры являются полноценным сегментом национального информационного поля, популярность которых будет с каждым годом увеличиваться. В функциональном и эвристи-

ческом содержании мессенджеры могут выступать одновременно как каналом коммуникации (личностное общение обмен информацией), так и полноценным источником воспроизводства информационного контента. В данном случае именно Telegram в наибольшей степени отражает амбивалентное содержание своего назначения и воздействия на аудиторию.

В структуре медиапотребления мессенджеры уступают социальным сетям, однако находятся выше традиционных СМИ (радио, газеты). Вместе с тем выявленные в рамках массового опроса мотивы использования и преимущества по сравнению с другими сетевыми ресурсами позволяют сделать вывод о том, что информационное влияние мессенджеров будет увеличиваться в дальнейшем. Ориентация на поиск определенной информации, равно как и востребованность каналов новостной и общественно-политической проблематики, характеризуют данный сетевой ресурс как информационный. Данное обстоятельство позволяет от-

нести как сам «Телеграм», так и мессенджеры в целом к полноценным сегментам национального Информационного поля наряду с традиционными СМИ (радио, газеты, телевидение) и интернет-ресурсы (новостные порталы, социальные сети).

Существенного доминирования по половым характеристикам среди аудитории мессенджера «Телеграм» не зафиксировано, при этом необходимо отметить незначительное превалирование мужской аудитории над женской. Мужская часть аудитории

в тематическом плане ориентирована на новостные каналы, в то время как для женщин характерен интерес к индивидуальным и образовательным Телеграм-каналам. В наибольшей степени в пространство Telegram включена молодежь, которая во многом определяет показатели возрастающей потребности данного ресурса среди аудитории. Как показывает анализ социально-демографических характеристик аудитории, Telegram будет наращивать свое влияние в белорусском информационном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинин, П. В. Социально-демографический портрет многодетной семьи в России: проблемы, поиски, решения / П. В. Акинин, С. Ю. Сивоплясова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 23 (56). – С. 45–49.
2. Зимарин, Р. А. Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов) / Р. А. Зимарин // Соц.-гуманитар. знания. – 2020. – № 4. – С. 350–357.
3. Солдаткина, Я. В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров / Я. В. Солдаткина // Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23, № 3. – С. 323–330.

REFERENCES

1. Akinin, P. V. Social'no-demografichieskij portriet mnogodietnoj siemji iz Rossii: problemi, poiski, rieshenija / P. V. Akinin, S. Yu. Sivopliasova // Nac. intieriesy: prioritiety i biezopasnost'. – 2009. – № 23 (56). – S. 45–49.
2. Zimarin, R. A. Al'ternativnyje kanaly kommunikicii kak novyj trend poluchienija politichieskoj informacii (na primierie politichieskikh Tieliegram-kanalov) / R. A. Zimarin // Soc-gumanitar. znaniya. – 2020. – № 4. – S. 350–357.
3. Soldatkina, Ya. V. Problemy siegmentacii kontenta v SMI i novyje vozmozhnosti mobil'nykh messendzherov / Ya. V. Soldatkina // Viestn. RUDN. Sier. Litieraturoviedienije. Zhurnalistika. – 2018. – T. 23, № 3. – S. 323–330.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.02.2021

УДК 392.6-055.1

Мария Григорьевна Соколовская*ст. преподаватель каф. политологии и социологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Maryia Sokolovskaya***Senior Lecturer of Department for Political Science and Sociology**of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: lllogos@list.ru***МАСКУЛИННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН:
СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Исследуются содержательные характеристики маскулинности, ее противоречивость и исторические трансформации. Подчеркивается каузальная связь с господствующими историко-культурными системами, а также: а) признается ее множественность, плюралистичность, вариативность; б) указывается на наличие иерархий в системе конструкторов маскулинностей; в) наблюдается противопоставление маскулинности феминности; г) осуществляется соотношение гегемонной маскулинности с ее другими моделями; е) указывается на институциональное, культурное и коммуникативное воспроизводство и конструирование маскулинности. Констатируется ее кризис в современном обществе и определяются его основные проявления, вызванные парадигмой «гендерно-ролевого напряжения», приводящей к драматическим последствиям в жизни многих мужчин. Эмпирически доказывается, что в современном белорусском обществе наблюдается диссонанс в восприятии маскулинности среди мужчин и женщин. Теоретически обосновываются ее новые критерии.

Ключевые слова: *гендер, гендерное неравенство, феминность, маскулинность, сексизм.*

Masculinity as a Social Phenomenon: Content and Main Trends

The article examines the substantive characteristics of masculinity, its inconsistency and historical transformations. Is underlined causal link with dominant historical and cultural systems, as well as: a) acknowledged multiplicity, variability, pluralism of masculinity; b) indicated on the presence of hierarchies in the system of masculine constructs; c) observed opposition of masculinity to femininity; d) realised correlation of hegemonic masculinity towards its other models; e) indicated on institutional, cultural and communicative reproduction and construction of masculinity. Is pointed out its crisis in modern society and are defined its main manifestations caused by the paradigm of «gender-role tension», which leads to dramatic consequences in the lives of men. It is empirically proved that in modern Belarusian society exists dissonance in the perception of masculinity among men and women. Its new criteria are theoretically specified.

Key words: *gender, gender inequality, femininity, masculinity, sexism.*

Введение

Традиционно гендерная социология фокусировала свое внимание на женщинах как социально уязвимой группе, призванной стать «агентами перемен», поскольку они обладают огромным, зачастую неиспользуемым или недооцененным потенциалом для развития общества, способны совмещать семейную жизнь с активной вовлеченностью в профессиональную деятельность. Само мужское сообщество находилось на периферии интереса исследователей, т. к. его интересы выступали производными от патриархальной традиции, принципиальные характеристики которой были определены в глубокой древности.

Масштабное переосмысление и переформулирование гендерных ролей в XX в.

пробудили научный интерес к чисто мужской тематике в силу необходимости заново прочесть и осознать социальную миссию мужчин. Как отмечают российские социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина, «причинами растущего интереса к исследованиям разнообразия и иерархии мужского опыта являются глобальные трансформации гендерного порядка, возрастающая общественная рефлексия в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явное противостояние патриархальных и эгалитарных гендерных идеологий. В последние десятилетия XX – начале XXI в. на глобальной сцене происходят изменения нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и феминности» [1, с. 51]. В результате этого интереса в 70-е гг. XX

столетия в мировой социологии и психологии появились специфически мужские исследования, имеющие своим предметом маскулинность как атрибут мужчины. В английском языке это научное направление получило названия «critical men's studies», «studies in men and masculinities», «masculinities theory».

Несмотря на растущее число научных работ по этой проблематике, все еще требуется уточнение содержания понятия «маскулинность», определение совокупности факторов, которые формируют в различных социумах и историко-культурных системах ее качественные характеристики. Специального анализа требует также усиливающийся в современном обществе кризис традиционной маскулинности, что является **целью** данной статьи.

Понятие маскулинности

Маскулинность как социальный феномен должна рассматриваться за рамками психологии мужчины, которая, как подчеркивает российский психолог Т. В. Бендас, делает свои первые шаги и изучает только те особенности психики, которых нет у женщин, а также исследует модели поведения в чисто мужских профессиях группах (сообществах), а также мужские группы, куда женщины не допускаются [2, с. 40]. Понимание в качестве первого аналитического шага требует определения содержания дефиниции «гендер» и ее соотношения с понятием «пол».

Современный американский социолог М. Киммель констатирует, что в настоящее время практически все исследователи «используют термин “гендер” совершенно другим способом, нежели понятие “пол”. “Пол” относится к биологическому, химическому и анатомическому инструментарию, а “гендер” – к значениям, которые создают различия в конкретной культурной системе. “Пол” может быть мужским или женским; “гендер” же свидетельствует о мужественности и женственности» [3, с. 20]. Белорусские исследователи И. Р. Чикалова и Е. И. Янчук убеждены, что «не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин... Мужчины и женщины являются

культурными продуктами своих обществ» [4, с. 227].

Для изучения феномена маскулинности важное теоретическое значение имеют, по утверждению Л. Э. Семенович, идеи выдающегося психолога Л. С. Выготского о «ведущей роли исторически развивающейся человеческой культуры в становлении и функционировании индивидуальной психики», использование которой в гендерных исследованиях позволяет прийти «к логическому утверждению, что: а) гендер культурно-исторически вариативен и изменчив; б) обусловлен образом жизни, ситуацией и динамичен в течение жизни человека; в) зависит от социального статуса индивида, класса, расы, этноса, образования и т. п.; г) содержит элементы индивидуального своеобразия» [5, с. 69–70]. Гендерный подход содержательно призван определить, какие качества индивида являются воплощением маскулинности (мужественности) и феминности (женственности), поскольку собранные психологами, культурологами, социологами и историками описания мужской и женской деятельности содержат свидетельства ее огромной вариативности в различных историко-культурных системах, особенно, относительно фактора дистанции власти (низкая – страны Скандинавии, высокая – мусульманские государства). Более того, историко-сравнительные исследования показали, что представления о типично мужском и типично женском меняются даже в рамках одного и того же общества, порождая доминирующие образы маскулинности и феминности. В этом отношении важным исследовательским потенциалом обладает теория линз гендера американского психолога С. Бем, в которой раскрывается процесс инкультурации индивида, его приобщения к культуре посредством присвоения ряда социокультурных линз – линз гендера.

В социологии принято определять маскулинность как «определенный набор практик и представлений, которые отвечают на вопрос о том, что значит быть правильным мужчиной в данное время и в данном социальном окружении» [6]. Думается, что данное определение нуждается в уточнении. Действительно, в социально стратифицированном обществе каждая социальная группа вырабатывает свои собственные

образцы маскулинности. Однако не менее очевидно и то, что доминирующая в обществе глобальная, интегративная культурная система продуцирует некий универсальный образ мужчины, принижающий все остальные, более локальные и специфичные.

Белорусские ученые И. Р. Чикалова и Е. И. Янчук полагают, что, несмотря на все различия мужского, в этой сфере существуют «некоторые универсалии». Так, «мужское традиционно ассоциируется с инициативностью в отношениях, агрессивностью, с установкой на господство, авантюризмом, авторитаризмом, стремлением к лидерству, рациональностью в мыслях и действиях, монизмом в поведении, стремлением к монологу, вызову и утверждению собственного “Я”, эгоцентризмом и эгоизмом» [4, с. 227]. Существуют и универсальные архетипические образы мужчин (воин, защитник, первопроходец, добытчик, хозяин, герой и др.).

Большинство современных западных психологов и социологов придерживаются мнения, что обладатель традиционной правильной маскулинности должен: а) быть непохожим на женщин и избегать в своей жизни соприкосновения с феминным; б) выступать в социуме победителем и символом успеха; в) стать сильным, независимым и самодостаточным человеком; г) не проявлять слабости, сомнения, эмоциональной чувствительности и открытости; д) не чуждаться агрессии и насилия; е) придерживаться гомофобии; ж) ориентироваться на деперсонализированную (не связанную с отношениями) сексуальность и проявлять сексуальную агрессию.

Подобная модель маскулинности существенным образом проистекает из теории пола австрийского мыслителя О. Вейнингера, который, исходя из убеждения о присутствии мужского и женского в разных пропорциях в каждом отдельном человеке, обозначает мужское начало в качестве наступающего, активного, имеющего кроме сексуальности еще другие интересы, обладающего чувством собственного «я», нуждающегося в вечном и бесконечном, выступающего носителем сознания, логики, этических и эстетических принципов [7]. В конечном счете маскулинность проявляется в доминирующих в конкретном обществе ме-

дийных, символических и идеологических образах.

Современные теоретико-методологические принципы анализа маскулинности основаны на: а) признании множественности, плюралистичности маскулинности; б) ее содержательной вариативности в историческом и социокультурном контекстах; в) наличии иерархий в конкретных феноменах маскулинности; г) противопоставлении маскулинности феминности; д) обязательном соотношении гегемонной маскулинности с другими ее моделями; е) институциональном, культурном и коммуникативном воспроизводстве и конструировании маскулинности.

Определенные исторические эпохи формируют свои специфические образы маскулинности. В науке получили широкое распространение некоторые из них, разработанные американским историком Б. Клементс. Она доказывает, что в Европе в течение последних тысячелетий последовательно господствовали: а) военно-гражданская модель античной Греции; б) патриархальная иудео-христианская модель; в) феодальная модель, основанная на кодексе чести и покровительстве; г) протестантская модель буржуазной рациональности [цит. по: 8, с. 98].

В первой (античной) модели доминантной маскулинностью является образ *воина-гражданина*, который является носителем таких общественно одобряемых качеств, как мудрость, рассудительность (способность контролировать свой чувственный мир), агональный дух (мужество) и справедливость (умение действовать в соответствии со своим природным призванием).

Вторая модель, укорененная в патриархальные конструкты и христианское вероучение, представлена образом *отца патриархальной семьи* и устанавливает безусловное главенство мужчин в семье и обществе, а также иерархическое различие между полами: «Жены, покоряйтесь мужьям вашим, как Господу, ибо муж – глава над женой своей, как Христос – глава церкви» [Еф. 5: 22]. Подобный взгляд основан не на пренебрежении женщиной, хотя существовало и такое толкование, а на изначальном призвании того факта, что именно мужчина должен брать на себя *ответственность* за семью, жизнь своей женщины и государство. В отличие от античности эта

модель осуждает гомосексуальные связи и отношения. С точки зрения христианского мыслителя О. Анделина, настоящий мужчина должен быть создан «из стали и бархата» и, черпая свои смыслы и силы из Священного Писания: а) являться лидером в семье и на работе, б) выступать созидателем общественных отношений, в) отвечать за духовное, душевное и материальное благополучие семьи, г) обладать уверенностью, мужеством и силой духа, д) выступать защитником для близких и окружающих, е) находиться в хорошей физической форме [9, с. 31].

Модель маскулинности средневекового общества рождает идеальный образ **мужчины-рыцаря**, который, являясь воином, христианином и политиком, в дополнение к ним включает два компонента, имеющих принципиальное значение для проявления подлинно мужских качеств – кодекс чести и любовь к Прекрасной Даме. Последний аспект усиливает в нем феминный компонент, способствуя формированию подчиненного типа маскулинности, проявляющийся, правда, на личностном уровне, локально и очагово.

В свою очередь, протестантская модель, также производная от христианской традиции, поступательно формирует образ **мужчины-партнера**, поскольку принцип рациональности, преобладающий в трудовой деятельности и семейных отношениях, настоятельно требует искать не доминирования, а взаимопонимания и взаимодополнения обоих полов. На этот процесс существенным образом влияет трансформация культурных и экономических факторов, технологического уклада общества. Белорусский социолог Ю. Бубнов, в частности, подчеркивает, что «новые требования на рынке труда стали стремительно разрушать традиционные образы так называемых “настоящих мужчин” и “настоящих женщин”, сформированные в средневековую доиндустриальную эпоху. Практически с зари XX в. начался процесс массовой нивелировки социальных статусов индивидов с различной половой принадлежностью» [10, с. 109]. На этот же тренд указывает М. Киммель, убежденный, что демократизация политических процессов, секуляризация и урбанизация общества, повышение уровня образования и политической культуры привели к то-

му, что в конце XVIII – начале XIX в. возник новый образ мужественности – **героический ремесленник**, т. е. мужчина, в равной степени активный и ответственный как на трудовом, так и на политическом поприще. Эти процессы в конечном счете способствовали тому, что, как полагает американский исследователь Э. Гоффман, в настоящее время «в США существует только один тип мужчины, которому абсолютно нечего стыдиться: молодой, женатый, белый, проживающий в городе, гетеросексуальный, рожденный протестантом, имеющий высшее образование и хорошее рабочее место, обладатель соответствующих внешности, веса и роста, который может похвастаться недавними спортивными достижениями. Каждый мужчина, который не соответствует в чем-то этим ожиданиям, может воспринимать себя, по крайней мере, в определенные моменты, как ущербного, неполноценного и недостойного» [11, с. 171].

В России XX в. обычно выделяют советскую и постсоветские модели маскулинности. Российский социолог И. Тартаковская доказывает, что советский тип мужественности складывался под сильным влиянием гипермаскулинного милитаризованного государства, которое было направлено на то, чтобы мужчина в полной мере мог самореализоваться только «на службе Родине» и основополагающим свойством «настоящего мужчины» должна быть постоянная готовность отдать жизнь за свою страну либо за поддерживаемые официальной идеологией ценности. При подобных «требованиях» эталоном мужчины провозглашался офицер либо «ударник производства». Разумеется, семейные обязанности обладали для них периферийным значением.

Российские социологи и психологи фиксируют общность позиций по поводу определения надлежащей, эталонной маскулинности в постсоветской России. Они фиксируют новые критерии мужественности, основополагающим из которых признается социальный успех, достигнутый уже не только в конкуренции с мужчинами, но и с женщинами, которые получили новые возможности для профессиональной, экономической и политической самореализации. При этом «новая мужественность» сохраняет образы добытчика, защитника и гетеросексуального партнера. И. Н. Димура, на-

пример, указывает на смену гендерных ориентиров в современном российском обществе, ссылаясь на результаты проведенного им психологического исследования. Он утверждает, что типичная дихотомия «мужское – женское», где мужчина, силен, активен, агрессивен, а женщина покорна, чадолюбива и соглашательна, в современном обществе интенсивно разрушается. Он приходит к выводу, что противовесом «мачистской» направленности выступает направленность «метросексуальная», т. к. «опрошенные мужчины по большей части считают, что мужчина всегда должен хорошо выглядеть и быть сексуально привлекательным, и не признают, что в сексуальном взаимодействии мужчины должны выступать инициаторами, а женщины – демонстрировать пассивность. 57,4 % из них отказываются признать, что настоящий мужчина не должен показывать свои чувства». 73,9 % респондентов ожидаемо ассоциируют с подлинно мужским началом агрессивные, энергичные, силовые качества, но одновременно около 40 % из них регулярно испытывают сомнения в собственной мужественности, а «забота, опека, защита» репрезентируются как мужские качества у 56,7 % опрошенных [12, с. 174–175].

В свою очередь, российские исследователи Е. С. Пышкина и Е. В. Зиновьева, изучая у молодых мужчин и женщин эмоционально-оценочный компоненты телесного образа «Я» с помощью опросника «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» в адаптации О. Г. Лопуховой, пришли к заключению, что «анализ результатов гендерной идентичности испытуемых подтверждает тренд на размывание границ между мужским и женским в современном обществе. Для большинства респондентов характерен андрогинный тип идентичности. Это можно объяснить тем, что андрогинность, умение проявлять в поведении как женские, так и мужские качества, позволяет молодым людям быть более адаптивными и гибкими в выборе вероятного типа поведения». В частности, «обработка полученных результатов позволяет утверждать, что молодые мужчины и женщины одинаково ориентированы на внешность. При этом удовлетворенность параметрами тела не имеет существенных различий» [13, с. 102, 104]. Подобный подход

является «российским отражением» концепции гендерной идентичности С. Бем, согласно которой в гендерном отношении индивидов можно относить к одному из трех типов: 1) преобладание фемининных характеристик; 2) доминирование маскулинных характеристик; 3) утверждение «андрогинного» типа, у которого наблюдался баланс маскулинных и фемининных характеристик [14].

Чтобы соответствовать существующему в современном белорусском обществе стереотипу маскулинности, согласно результатам социологических исследований (2000, 2014 гг.), проведенных под руководством автора, настоящий мужчина (по мнению гендерных собратьев) должен быть непременно умным (71,9 %), ответственным (49,1 %), мужественным (48,2 %), умеющим зарабатывать деньги (37,7 %) и т. д.

Но в представлении женщин, все эти качества как раз в наименьшей степени присущи белорусским мужчинам. По убеждению прекрасной половины человечества, для них самих наибольшей ценностью у мужчины обладают качества, ориентированные на гармонизацию отношений: мужчина должен быть безусловно «верным и преданным», «заботливым и нежным». В реальности в наибольшей же степени им характерны сексуальная активность (43,1 %), амбициозность (40,1 %), умение починить домашнюю технику (37,0 %), физическая сила (26,7 %). Это и неудивительно, т. к. такой перечень соответствует полоролевым стереотипам, принятым в белорусской гендерной культуре. Новые же ролевые нормы, которые хотели бы видеть в мужчинах женщины, более ориентированы на эмоции, чувства, а они, как правило, входят в «репертуар» женских моделей поведения [15; 16].

В постиндустриальном обществе идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств, что позволило женщинам наравне с мужчинами занять в обществе важные социально-политические позиции. Действительно, для того чтобы обеспечить гендерное равенство и усилить конструктивный потенциал общества, необходимо, чтобы мужчины и женщины могли пересекать границу социальных (и гендерных) ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Существует немалая группа женщин, для которой принципиальное значение имеет способность мужчины быть «сапиосексуалом», т. е. «человеком умным и рассудительным», поскольку для них самая «эрогенная зона» находится в мозге мужчины, его интеллекте, в способности конструктивно и ответственно мыслить, формировать чувство эмоциональной и психологической близости.

В последние два десятилетия появились радикальные маскулинные концепции, которые не противопоставляют мужское женскому, а игнорируют женщин как таковых, критикуя при этом патриархат и гегемонную маскулинную культуру как систему навязывания мужчинам жестких гендерных ролей и предлагая им выстраивать «свой параллельный мир, соответствующий их ценностям и ожиданиям» [17, с. 54]. При более детальном рассмотрении подобных концепций можно утверждать, что активное распространение указанных идей может вести к разрушению гендерного порядка в обществе.

Кризис маскулинности в современном обществе

Российский исследователь И. Н. Димура отмечает, что многие «ученые фиксируют “кризис маскулинности”, характеризующийся невозможностью соответствовать классическим социальным образцам традиционной мужественности, вредными привычками, несчастными случаями, высокой подверженностью заболеваниям, депрессивными настроениями и самоубийствами мужчин» [12, с. 168]. Причины этого, согласно серии социально-психологических исследований, коренятся не в мужской психофизиологии и особенностях индивидуального развития «сильной половины человечества», а в противоречивости нормативного канона маскулинности, ориентированного на оправдание и поддержание мужской гегемонии. Один из выходов из этого положения состоит в трансформации образа гегемонной маскулинности в направлении усиления в нем андрогинных начал.

В современном обществе стереотип маскулинности изменился: традиционно, как известно, в него входили физическая сила, подавление нежности и заботы, функциональное отношение к женщине и одно-

временно несдержанность в выражении гнева и страсти. Портрет настоящего мужчины XXI в. другой: интеллект ценится выше физической силы, в отношениях с женщиной допускается проявление нежности и душевной тонкости, приветствуется обуздание «грубых» чувств, хотя у менее образованных людей стереотип маскулинности остается традиционным. Этот синдром получил название «кризиса маскулинности».

Один из первых американских исследователей маскулинности Х. Колдберг убежден, что традиционная маскулинность является в большей степени психологически защитным действием, нежели естественным и органическим процессом. Мужская психологическая энергия часто используется для того, чтобы защищаться «против» чего-либо, нежели выражать то, что в действительности есть и кем мужчина является либо хочет стать. Например, усилия многих мужчин направлены на то, чтобы доказать, что они не феминные, не зависимые, не эмоциональные, не пассивные, не знающие страха, не беспомощные, не потерянные, не неудачники, не импотенты... Подобные установки ограничивают возможности их выбора и степень человеческой свободы, что может приводить к драматическим и трагическим последствиям.

Постоянные попытки мужчины подтвердить свой статус усиливают его психологическое напряжение, поскольку подобное стремление далеко не всегда заканчивается успешно. Для некоторых персон один из наиболее простых способов доказать, что «я мужчина» – это насилие как над женщинами, так и над другими мужчинами. Многие исследования показывают непреднамеренные последствия гегемонной маскулинности и обозначают «цену», которую платят конкретные мужчины за следование ее предписаниям. Осознавая остроту ситуации, Дж. Плек дополнил теорию маскулинности парадигмой «гендерно-ролевого напряжения». Он полагает, что большинство мужчин разделяют усвоенные с детства поведенческие стандарты гегемонной маскулинности, многие из которых поощряют нездоровое поведение (пьянство, агрессию, неоправданный риск), ориентация на которые может вызывать у мужчин «дисфункциональное напряжение». Те мужчины, которые отклоняются от традиционных ген-

дерных норм, часто подвергаются остракизму и испытывают чувство стыда или «травматическое напряжение». Белорусский культуролог Ю. Чернявская подчеркивает: «Смерть быстрее выкашивает мужчин. Тому есть не только физиологические, но и психологические причины. Например, установка “мальчики не плачут”. Она разрушает человеческую спонтанность, лишает права на яркое выражение чувств, формирует закрытого, закомплексованного человека, который всю жизнь чувствует себя самозванцем. Он должен быть сильным, а ведь он знает, что внутри он – другой» [18].

По утверждению Е. Г. Луковицкой, у мужчин наблюдается сочетание власти и страха, «причем власть их уменьшается, а страх увеличивается “благодаря” во многом: 1) рекламе гипермаскулинности и гиперсексуальности в средствах массовой информации; 2) неумению многих мужчин реализовать себя в семье; 3) уменьшению определенности в обществе в отношении гендерных ролей... Это приводит к внутреннему конфликту и часто ведет к таким стратегиям поведения, как насилие, уход (пьянство, наркомания), философствование и рационализация, апатия, депрессия» [19, с. 27]. Действительно, в современном обществе успешный мужчина в глазах многих людей должен быть внешне привлекательным и физически сильным, иметь доступ к материальным богатствам, обладать хорошей машиной и молодой девушкой модельной внешности. Но одновременно очевидно, что даже по объективным обстоятельствам социальный успех – это прерогатива меньшинства.

Традиционно мужские качества ориентированы на контроль эмоций, чувств, общества, других людей, а женские качества – на установление взаимоотношений с окружающими людьми и их гармонизации. Во многих современных обществах, особенно в медийном контексте, широко распространенным является образ «мачо», который на жизненной сцене презентует себя как активный, физически сильный, привлекательный и агрессивный мужчина, думающий исключительно о победах над женщинами в сексуальных интерьерах, а не о построении с ними гармоничных отношений. Он зачастую является «эмоциональным кретином», неспособным к сопереживанию,

нежности и заботе, что существенно ограничивает его мужской потенциал, поскольку в современном социуме существует большой спрос на близкие отношения, эмоциональные сопереживания и интимность.

Новые социально-культурные обстоятельства, производные из эпохи постмодерна, размывают доминировавшие ранее образцы гегемонной маскулинности. В науке все чаще используется понятие «*несостоявшаяся маскулинность*», не имеющее четкого концептуального определения, но, с одной стороны, говорящее о том, что сам мужчина индивидуально определяет свою собственную маскулинность, а с другой – указывающее на то, что ее прежние традиционные модели в социуме являются маргинальными.

Гегемонная маскулинность утрачивает свое значение, уступая место другим типам маскулинности. Наиболее распространенной является маскулинность *компромиссная (соучаствующая)*, представленная в поведении тех мужчин, которые не прилагают усилий, чтобы занять доминирующую позицию из-за дефицита мотивации, жизненных сил или характера. В гендерных иерархиях и практиках они обречены на второстепенную роль, но при этом пользуются ее преимуществами.

В свою очередь, *субординированная, подчиненная* маскулинность характеризует мужчин, которые в конкретном обществе находятся на самой низшей части гендерной иерархии (например, гомосексуалистов или представителей низших сословий).

В *маргинализованной* маскулинности «ставится под вопрос» маскулинность некоторых групп мужчин, социальный статус которых зависит от их принятия и одобрения членами мужского сообщества, персонифицирующих идеальный образец маскулинности. Эту группу составляют представители стигматизированных социальных групп – мигранты первого поколения в европейских государствах, представители некоторых национальных меньшинств. В вербальном дискурсе они маркируются как недостаточно мужественные.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что по причине укорененности феномена маскулинности в доминирующие

в обществе социокультурные коды и образцы, трансформация ценностей в эпоху позднего модерна и постмодерна неизбежно приводит к новому прочтению маскулинности, как это происходило и в предыдущие исторические эпохи в различных интегральных культурных системах. В современном обществе эти процессы обострили проблемы маскулинности, что требует для их решения принятия компетентных государственных решений.

Социологические и психологические исследования «мужской проблематики» указывают на неуклонное и последовательное усиление андрогинности в гендерной идентичности мужчин и женщин. С наибольшей силой оно представлено в сфере сексуальных отношений, отношений к своему телу, мира моды и в социально-политических практиках. Происходит своеобразное «размывание» гегемонной идентичности и одновременно получают широкое распространение новые типы маскулинности: субординированная, маргинализованная и компромиссная. Разработанные социальной наукой теоретико-методологические принципы анализа маскулинности основаны на

признании ее множественности, плюралистичности.

Все большее число социальных фактов свидетельствует о «кризисе маскулинности» в социуме, приводящем к драматическим и трагическим последствиям в жизни многих мужчин: они не могут «вписаться» в традиционные образцы мужественности. Растет количество мужчин, которых можно отнести к «несостоявшемуся» типу маскулинности.

В современном белорусском обществе наблюдается диссонанс в восприятии маскулинности среди мужчин и женщин, поскольку в представлении последних для них наибольшей ценностью обладают качества, ориентированные на гармонизацию отношений, в то время как первые отдают предпочтение традиционным энергичным началам, которым часто не в состоянии следовать.

Постиндустриальному обществу имманентно присуще «гендерно-ролевое напряжение», связанное с невозможностью для многих мужчин соответствовать поведенческим стандартам гегемонной маскулинности, что неизбежно вызывает у них дисфункциональное напряжение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравомыслова, Е. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина // Мониторинг обществ. мнения. Экон. и соц. перемены. – 2018. – № 6. – С. 48–73.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2007. – 431 с.
3. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Univ. Gdańskiego. – 2015. – 551 s.
4. Чикалова, И. Р. Гендер / И. Р. Чикалова, Е. И. Янчук // Новейший филос. словарь. – Минск : Книж. Дом, 2003. – С. 227–228.
5. Семёнова, Л. Э. Гендерный подход в контексте культурно-исторической психологии Л. С. Выготского / Л. Э. Семёнова // Культур.-ист. психология. – 2008. – № 2. – С. 69–73.
6. Тартаковская, И. Гендер для чайников – что такое маскулинность [Электронный ресурс] / И. Тартаковская. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/specials/11112-gender-dlya-chaunikov-cto-takoe-maskulinnost>. – Дата доступа: 12.01.2021.
7. Вейнингер, О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике / О. Вейнингер. – М. : Акад. проект, 2012. – 392 с.
8. Ушакин, С. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории / С. Ушакин // Интер. – 2004. – № 2–3. – С. 97–105.
9. Анделин, О. Мужчина из стали и бархата / О. Анделин. – СПб. : Христ. миссия, 2015. – 400 с.
10. Бубнов, Ю. М. Социальные образы мужчины и женщины / Ю. М. Бубнов // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 101–113.
11. Goffman, E. Piętno. Rozważnia o zranionej tożsamości / E. Goffman. – Gdańsk : Wydaw. Psychologiczne, 2007. – 371 s.

12. Димура, И. Н. Мужская телесность глазами мужчин / И. Н. Димура // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. – 2015. – № 4 (39). – С. 167–176.
13. Пышкина, Е. С. Телесный образ Я и гендерная идентичность молодежи / Е. С. Пышкина, Е. В. Зиновьева // Вестн. науки и образования. – 2019. – № 9 (63), ч. 1. – С. 101–105.
14. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – Nr 42. – P. 155–162.
15. Соколовская, М. Г. Мужчина и женщина в контексте современной белорусской действительности / М. Г. Соколовская // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2015. – № 2. – С. 117–125.
16. Соколовская, М. Г. Определение мужчины: женский взгляд / М. Г. Соколовская // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 6. – С. 92–96.
17. Столяров, Д. В. «Мужчины, идущие своим путем»: радикальная гендерная концепция, направленная на борьбу с дискриминацией мужчин (на примере социального движения MGTOW) / Д. В. Столяров // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 51–59.
18. Чернявская, Ю. Личные истории. Интервью / Ю. Чернявская // Нар. воля. – 2014. – 18 нояб.
19. Луковицкая, Е. Г. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / Е. Г. Луковицкая. – Великий Новгород : НГУ, 2003. – 127 с.

REFERENCES

1. Zdravomyslova, Ye. A. Chto takoje «maskulinnost'»? Poniatijnyje otmychki kritichieskikh issliedovanij muzhchin i maskulinnostiej / Ye. A. Zdravomyslova, A. A. Tiomkina // Monitoring obshchiestv. mnienija. Ekon. i soc. pieriemieny. – 2018. – № 6. – S. 48–73.
2. Bendas, T. V. Giendernaja psikhologija / T. V. Bendas. – SPb : Piter, 2007. – 431 s
3. Kimmel, M. Społeczność genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Univ. Gdańskiego. – 2015. – 551 s.
4. Chikalova, I. R. Giender / I. R. Chikalova, Ye. I. Yanchuk // Noviejshij filozofskij slovar'. – Minsk : Knizh. Dom, 2003. – S. 227–228.
5. Siemienova, L. E. Giendernyj podkhod v kontiektstie kul'turno-istorichieskoj psikhologii L. S. Vygotskogo / L. E. Siemienova // Kul'tur.-ist. psikhologija. – 2008. – № 2. – S. 69–73.
6. Tartakovskaja, I. Giender dlia chaynikov – chto takoje maskulinnost' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.colta.ru/articles/specials/11112-gender-dlya-chaynikov-chto-takoe-maskulinnost>. – Data dostupa: 12.01.2021.
7. Vejningier, O. Pol i kharakter. Muzhchina i zhenshchina v mire strastiej i erotiki / O. Vejningier. – M. : Akad. projekt, 2012. – 392 s.
8. Ushakin, S. Poznavaja v sravnienii: o jevrostandartakh, muzhchinakh i istorii / S. Ushakin // Inter. – 2004. – № 2–3. – S. 97–105.
9. Andelin, O. Muzhchina iz stali i barkhata / O. Andelin. – SPb. : Christ. missija, 2015. – 400 s.
10. Bubnov, Yu. M. Social'nye obrazy muzhchiny i zhenshchiny / Yu. M. Bubnov // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2014. – № 2. – S. 101–113.
11. Goffman, E. Piętno. Rozważnia o zranionej tożsamości / E. Goffman. – Gdańsk : Wydaw. Psychologiczne, 2007. – 371 s.
12. Dimura, I. N. Muzhskaja tieliesnost' glazami muzhchin / I. N. Dimura // Vestn. Akad. rus. balieta im. A. Ya. Vaganovoj. – 2015. – № 4 (39). – S. 167–176.
13. Pyshkina, Ye. S. Tieliesnyj obraz Ya i giendernaja identichnost' molodiozhi / Ye. S. Pyshkina, Ye. B. Zinovjeva // Vestn. nauki i obrazovanija. – 2019. – № 9 (63). – S. 101–105.
14. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – Nr 42. – P. 155–162.
15. Sokolovskaja, M. G. Muzhchina i zhenshchina v kontiektstie sovriemiennoj bieloruskoj diejstvitiel'nosti / M. G. Sokolovskaja // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2015. – № 2. – S. 117–125.

-
16. Sokolovskaja, M. G. Opriedielienije mužhchiny: zhenskij vzglaad / M. G. Sokolovskaja // Viestn. Brest. gos. tekhn. un-ta. – 2015. – № 6. – 92–96.
17. Stoliarov, D. V. «Mužhchiny, idushchije svojim putiom»: radikal'naja giendernaja koncepcija, napravliennaja na bor'bu s diskriminaciej mužhchin (na primierie social'nogo dvizhenija MGTOW) / D. V. Stoliarov // Viesn. Brest. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2018. – № 1. – S. 51–59.
18. Chierniavskaja, Yu. Lichnyje istorii. Intervju / Yu. Chierniavskaja // Nar. volia. – 2014. – 18 nojab.
19. Lukovickaja, Ye. G. Vviedienije v giendernyje issliedovanija : uchieb. posobie / Ye. G. Lukovickaja // Vielikij Novgorod : NGU, 2003. – 127 s.

Рукапіс наступіў у рэдацыю 03.02.2021

УДК 316.653 (476)

Николай Николаевич Сухотский*канд. социол. наук, аналитик Белорусского института стратегических исследований***Nikolai Sukhotsky***PhD of Sociological Sciences, Analyst of the Belarusian Institute of Strategic Research**e-mail: suhotstkiy@bisr.by***ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Рассматриваются состояние и особенности изучения общественного мнения, основные проблемные вопросы в данной сфере, а также возможные перспективы развития белорусской прикладной социологии. Предлагается ряд мер по повышению эффективности использования социологического знания в анализе белорусского общества: актуализация тематики социологических исследований; расширение практики использования социологической экспертизы; проведение республиканских экспертных мероприятий по социологической тематике; формирование социологической культуры у населения и органов власти и др.

Ключевые слова: общественное мнение, социологические исследования, опросы, профессиональное сообщество, социологические службы, социологические центры.

**Public Opinion Research in the Republic of Belarus:
State, Problems and Development Perspectives**

The article discusses the state and features of the study of public opinion, the main problematic issues in this area, as well as possible prospects for the development of Belarusian applied sociology. A number of measures are proposed to increase the efficiency of using sociological knowledge in the analysis of Belarusian society: updating the topic of sociological research; expanding the use of sociological expertise; conducting republican expert events on sociological topics; the formation of a sociological culture among the population and authorities, etc.

Key words: public opinion, sociological research, polls, professional community, sociological services, sociological centers.

Введение

Социология в том или ином виде вошла в повседневную жизнь значительного числа белорусов, что ею же и подтверждается. Так, по данным опроса, проведенного в 2019 г. Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (далее – ИАЦ), более половины жителей страны (53,2 %) интересуются социологической информацией (результатами опросов населения в передачах телевидения, радио, в газетах, журналах, Интернете). По регионам чаще всего с ней сталкивается население Брестской области (68,1 %), реже всего – Минской (40,4 %).

В настоящее время потребителями социологических данных являются органы государственного управления, бизнес-структуры, СМИ, научные организации, учреждения образования, а также обычные граждане. Для одних социологическая информация является основой принятия взвешенного решения, для других – выступает дополнительным аргументом для развития бизне-

са, а кому-то просто интересно узнать мнение населения по определенному поводу. Социология заметно востребована населением Беларуси: по данным опроса ИАЦ 2019 г., подавляющее большинство жителей страны (79,6 %) считает необходимым изучение общественного мнения населения. Противоположной точки зрения придерживается менее пятой части респондентов – 16,8 %.

Несмотря на то что социология считается относительно молодой наукой, вклад социологов в познание проблем, актуальных для общества, заметен и признан в современном мире. Коммуникация через социологические исследования стала востребованным формализованным каналом обратной связи с гражданами, дает возможность фиксировать мнение населения по тем или иным вопросам. Зачастую именно социолог способен прогнозировать возможные варианты развития событий, социальные последствия того или иного закона, реализации политических, экономических и

управленческих решений, а также определить механизмы согласования интересов различных социальных групп [9, с. 296].

Социологические исследования в Республике Беларусь: состояние и тенденции

В Беларуси проведение исследований, направленных на изучение мнения населения, началось во второй половине 1960-х гг. Этот процесс развивался в основном в рамках деятельности высших учебных заведений, Академии наук БССР. В 1967 г. в Белорусском государственном университете была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ), которая по праву стала колыбелью социологической науки в республике. Фактически это первая служба, которая работала по хозяйственным договорам с организациями. Кроме того, именно в ее структурах сформировалась плеяда ныне хорошо известных в стране и далеко за ее пределами ученых, перед которыми стояли задачи по подготовке профессиональных кадров ученых социологов, исследования актуальных проблем социальной жизни страны [2, с. 84].

В 1980-е гг. социология сделала решительный шаг навстречу практике: получили значительное распространение службы социального развития на крупных предприятиях, появился даже термин «заводские социологи» [4, с. 28].

Среди высших учебных заведений важнейшую роль для развития социологии в стране сыграл БГУ, где в 1989 г. на образованном философско-экономическом факультете открылись отделение и кафедра социологии. В связи с выборами на Съезд народных депутатов СССР (1989) и депутатов Верховного Совета БССР (1990) социологи БГУ (Д. Г. Ротман, Л. А. Соглаева, А. Н. Данилов и др.) впервые начали проводить электоральные исследования и разрабатывать первые методики их осуществления [2, с. 89].

После обретения Республикой Беларусь независимости стали появляться государственные и негосударственные социологические и маркетинговые структуры. Сегодня наиболее известными и авторитетными в отечественной социологической индустрии являются две структуры: Центр социологических и политических исследований

Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) и Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Эти организации, известные еще с 1990-х гг., постоянно проводят опросы на политическую и социально-экономическую тематику, а также выполняют маркетинговые исследования. Обе структуры имеют собственную республиканскую опросную сеть интервьюеров, сотрудничают с различными научными фондами, а также министерствами и ведомствами.

Среди региональных структур наиболее продуктивными службами являются лаборатория социологических исследований Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого, а также отдел социологических исследований и информационно-аналитической работы Информационного агентства «Могилевские ведомости». Эти структуры занимаются в основном региональной проблематикой и проводят оперативные и мониторинговые опросы населения по общественно-политической и социально-экономической проблематике в Гомельской и Могилевской областях.

Более узкой тематикой – исследованиями белорусской молодежи – занимается Молодежная лаборатория социологических исследований при Совете Республиканского союза общественных объединений «Белорусский комитет молодежных организаций» (РСОО «БКМО»). Так, совместно с Ассоциацией защиты интеллектуальной собственности «БелБренд» Молодежная лаборатория ежегодно проводит социологическое исследование «Молодежный бренд» с целью изучения молодежной потребительской среды, ее распределения по уровню материальной обеспеченности и предпочтениям. Кроме того, данная служба имеет уникальный опыт проведения экзитполов, проведенных в рамках четырех кампаний по выборам Президента Республики Беларусь в 2006, 2010, 2015, 2020 гг.). Опросы на выходе из избирательных участков в 2006 и 2010 гг. проводил также аналитический центр «ЕСОМ».

К сравнительно новым субъектам в исследовательской индустрии можно отнести созданные в 2018–2019 гг. вузовские социологические службы: Университетский научно-исследовательский кластер «Общественное мнение» (УНИК ОМ) Белорусско-

го государственного университета, Центр социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета, информационно-аналитическое управление Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Центр социологических исследований научно-исследовательской части Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”». Несмотря на относительно короткий период работы, эти службы уже провели несколько успешных как количественных, так и качественных социологических исследований. Кроме того, они укомплектованы профессиональными социологами, которые уверенно нарабатывают авторитет в профессиональном сообществе.

К коммерческим организациям, занимающимся проведением социологических исследований, в первую очередь маркетинговых, относятся Международное агентство социальных и маркетинговых исследований МАСМИ (международная сеть MASMI Research Group), Центр системных бизнес-технологий (САТИО), Лаборатория аксиометрических исследований НОВАК, Центр управленческих решений SARMONT, Исследовательский центр ИПИМ, Mia Research. Следует отметить, что указанные коммерческие организации могут проводить сбор данных (полевой этап) для международных исследовательских компаний (таких, как Gallup International Association, Ipsos Group, Pew Research Center и др.). Как правило, результаты подобных опросов публикуются под брендом зарубежного заказчика.

В этой связи актуализируется вопрос экспертного мониторинга информационного поля страны и присутствия в нем результатов исследований, выполняемых зарубежными социологическими службами. Например, в конце ноября 2019 г. содержание новостных заголовков составляли сообщения о том, что «почти 90 % белорусов выступили за союз с Россией». Обращение к первоисточнику показало, что «90 %» получилось от некорректной суммы совершенно разных показателей: тех, кто приемлемыми для Беларуси считает союзнические отношения с Россией (около 58 %), и тех, кто считает, что отношения двух стран должны быть партнерскими (около 32 %) [1]. При этом исследование проводила российская структура – Центр пространственного анализа

международных отношений МГИМО, не имеющая соответствующей аккредитации [3]. Подобная интерпретация данных опроса со стороны отдельных СМИ приводит к существенному искажению восприятия социологической информации у населения.

Следует отметить, что данный кейс не является единичным, что требует внимания со стороны государства и профессионального сообщества. Так, проведение социологических исследований по общественно-политической тематике регулируется Комиссией по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси посредством выдачи специального сертификата [8]. При этом сам процесс получения аккредитации для социологических организаций является добровольным и проводится в целях повышения научной достоверности и объективности таких исследований.

Примечательно то, что наша страна в данном вопросе опирается на международный опыт. Так, во Франции результаты изучения общественного мнения становятся предметом рассмотрения специальной комиссии [6]. В случае если она установит, что опубликованные данные не соответствуют определенным методологическим критериям, СМИ обязано дать пояснения относительно особенностей конструирования выборки и других параметров проведенного опроса. Так, по мнению белорусского социолога С. А. Шавеля, «адекватную, достоверную социологическую информацию можно получить только путем грамотно поставленных профессиональными специалистами социологических исследований. Глубоко ошибочно представление о том, что такую информацию могут дать другие источники, как и то, что организовать социологические исследования можно своими силами» [14, с. 35].

Все большую популярность в последнее время в Сети получают различные многочисленные опросы на новостных лентах, особенно в Телеграм-каналах. Подавляющее большинство таких онлайн-голосований являются нерепрезентативными исследованиями, а представляют собой «псевдосоциологию», несмотря на десятки тысяч «респондентов», и характеризуют лишь мнение наиболее активных пользователей.

Кроме того, фейковая социологическая информация становится значимым

средством манипуляции общественным сознанием и инструментом формирования искаженного восприятия основных социально-политических процессов («вбросы» от имени известных социологических служб, «эксклюзивная социология» с претензией на истину в последней инстанции и др.).

Основные проблемы развития социологических служб Беларуси

Рассмотрим основные проблемные моменты развития социологических центров страны, на которые обращают внимание сами представители профессионального сообщества¹.

1. Недостаточный уровень коммуникации между социологическими центрами внутри страны. Взаимоотношения между социологическими службами строятся, скорее, на основе ранее установленных личных контактов, нежели профессиональной солидарности и общности. Нередким в индустрии можно назвать ревностное отношение к достижениям других социологов, восприятие их как конкурентов, а не как коллег, недоверие к их данным и используемым исследовательским методам. Отсюда, возможно, определенная закрытость исследовательских коллективов и недостаточно тесная коммуникация региональных и столичных социологов.

2. Отсутствие массового запроса на проведение социологических исследований со стороны как государственных, так и коммерческих заказчиков для решения конкретных социальных проблем, а также отсутствие запроса (осознания важности и актуальности) на внедрение социологического сопровождения и проведение социологической экспертизы. Кроме того, фиксируется низкий спрос на внутреннем рынке на получение социологической информации о процессах, происходящих в стране. Вместе с тем данная проблема также связана с однозначной заинтересованностью в постоянных заказах со стороны социологических служб и объективно колеблющейся потребностью в подобной информации со стороны

государственных органов и коммерческих структур.

3. Недостаточное материально-техническое обеспечение. В отличие от маркетинговых агентств, технологическая составляющая работы значительного числа социологических центров остается на неудовлетворительном уровне (низкое использование интернет-технологий, планшетов для опросов и т. п.). В связи с этим участники экспертного опроса полагают целесообразным в большей степени учитывать возможности современных информационно-коммуникационных технологий (например, расширить удаленный доступ сотрудников центров к различным электронным информационным ресурсам; больше использовать для работы лицензионные программы IBM SPSS Statistics; своевременно обновлять оборудование и обучать сотрудников навыкам работы с новыми ИКТ и т. п.).

4. Недостаточное обеспечение кадрами высокой квалификации. Так, зачастую более привлекательными для молодых социологов являются маркетинговые направления, PR- и HR-службы, а не исследовательские центры. Следует, однако, отметить, что выпускникам-социологам часто сложно устроиться по специальности в социологические службы, т. к. данных структур в стране не так много, а штат сотрудников в них, как правило, немногочисленный. Кроме того, для большинства современной молодежи в целом карьера академического ученого выглядит малопривлекательной, т. к. требует постоянной работы над собой, глубокого научного погружения и не приносит «на входе» высокого дохода.

5. Недостаточный уровень социологической культуры потребителей социологической информации. За время существования суверенной Беларуси органы государственного управления и граждане в целом осознали необходимость получения актуальной социологической информации по различным интересующим их вопросам. Вместе с тем следует признать, что многие граждане не умеют эффективно работать с полученными данными, не знают специфики и преимуществ данного инструмента. Так, часто у потребителя встречается недостаточное понимание методов социологии, особенно сложных методов анализа, отсюда спрос только на линейное распределение,

¹По данным экспертных интервью с представителями ведущих социологических служб страны, проведенных автором в 2020–2021 гг., а также круглых столов на базе БИСИ по вопросам развития социологической отрасли.

игнорирование методов моделирования, прогнозирования, качественных исследований.

6. Кризис социального доверия: общество часто не доверяет данным социологических исследований. До сих пор среди части граждан встречается скепсис в отношении возможностей социологических исследований в решении конкретных проблем и ориентация на социальную мифологию. При этом недоверие населения результатам опросов, непонимание их целесообразности и эффективности ведет в дальнейшем к недостаточной искренности респондентов в ответах. Также дискуссионным вопросом для экспертов часто становится вопрос репрезентативности полученных данных. Как отмечает российский социолог Г. Б. Юдин, «если раньше на это можно было в меньшей степени обращать внимание, то в последнее время это стало проблемой: в опросах участвует все меньше и меньше людей, они отказываются отвечать на вопросы. За те 85 лет, в течение которых существуют опросы общественного мнения, количество отвечающих резко снизилось. Сегодня есть исследования, которые показывают, что отвечают всего 7–10 % населения, т. е. 7–10 % от нашей случайной выборки» [12].

Вместе с тем в Беларуси ситуация с доверием населения к социологии в целом позитивная и вселяющая оптимизм для работников сферы изучения общественного мнения. По данным опроса, проведенного ИАЦ в 2019 г., две трети жителей страны (65,6 %) доверяет данным социологических исследований, каждый четвертый (26,1 %) не доверяет подобной информации. По региону ей чаще доверяет население Могилевской и Брестской областей (в среднем по 74,6 %), реже – столичные жители (48,1 %). В социально-демографическом аспекте в большей степени склонны доверять социологической информации сельчане, чем горожане (76,4 и 62,7 % соответственно), женщины, чем мужчины (70,3 и 59,9 % соответственно).

7. Влияние пандемии на проведение прикладных социологических исследований. Пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы не только в повседневную жизнь граждан, но и в практики профессиональной деятельности социологов. Опросы в этом смысле не исключение, а, скорее, наоборот: сфера, ориентированная

на изучение общественного мнения, оказалась в условиях ограничения физического доступа к источнику этих мнений – к респондентам [11]. Социологи столкнулись с необходимостью изменения устоявшихся методов исследования, например личного интервью по месту жительства (face-to-face), переориентировав их на применение бесконтактного сбора информации (там, где возможно), в частности на онлайн-методы опроса и телефонные интервью.

В условиях пандемии актуальные для опросной индустрии методологические вопросы приобрели новое звучание. Так, среди молодого поколения социологов заметной тенденцией становится отказ от традиционных исследований в пользу нереактивных методов получения информации (например, за счет Big Data). При этом вопрос требует тщательной проработки. С одной стороны, использование методологии Big Data позволяет лучше понять различные общественные процессы, повысить точность прогнозов, рационализировать принятие управленческих решений, с другой – остро возникает проблема эффективного применения этой информации, грамотной ее обработки и интерпретации, подготовки специалистов и необходимой инфраструктуры для работы с большими данными [5, с. 103].

Меры по повышению эффективности использования социологического знания в белорусском обществе

По результатам бесед с экспертами-социологами были предложены следующие возможные меры для преодоления указанных выше проблем развития социологических служб Беларуси, повышения эффективности использования экспертным сообществом, учеными и управленцами социологического знания в анализе белорусского общества.

1. Актуализация тематики социологических исследований. В первую очередь социологи должны быть в тренде текущей новостной повестки, изучать действительно животрепещущие вопросы и давать по ним объективную экспертизу, такую, которая была бы понятна и востребована всеми членами общества. Для такой работы нужны кадры, и здесь целесообразно было бы начинать работать со студентами (магистрантами, аспирантами), которые

обучаются как на социологических, так и на смежных специальностях, помогать им находить свои экспертные области и мотивировать высказываться на различных площадках. По мнению экспертов, необходимо бороться за сохранение качества социологического образования, а возможные стейкхолдеры должны оказать поддержку для актуализации тематики социологических исследований.

2. Расширение практики использования социологической экспертизы. Профессиональное сообщество считает, что необходимо чаще привлекать социологов для оценки проектов важнейших законодательных решений, касающихся социально-экономического развития страны и регионов. Сведения о мнении людей по тем или иным спорным вопросам, затрагиваемым в законопроекте, а также прогнозы последствий принятия законопроекта, сформированные по данным социологических опросов и мониторингов, прямым образом способствуют корректировке изначального текста законопроекта и своевременному внесению конкретных изменений в уже действующее законодательство. Это же относится и к оценке качества и своевременности управленческих решений.

3. Проведение республиканских экспертных мероприятий по социологической тематике. К примеру, можно организовать республиканский семинар «Социология и белорусское общество» с представителями органов государственного управления, властной и идеологической вертикали, а также СМИ, в рамках которого социологические службы и аналитические структуры будут демонстрировать основные результаты НИР и отдельных исследований, проводимых в течение года. Это будет способствовать популяризации и «публичности» социологической науки, поскольку в настоящее время аналитические записки и отчеты с результатами исследований, как правило, так и остаются «внутри» самих организаций и общественность о них ничего не знает. Кроме того, целесообразно расширить число республиканских конференций по социологической тематике и, возможно, провести масштабный национальный форум по примеру Первого белорусского философского конгресса, состоявшегося в Минске в октябре 2017 г.

4. Проведение регулярных совместных социологических исследований, включая международные. Сегодня необходимо налаживание контактов в рамках социологического сообщества в целях взаимовыгодного диалога для обмена передовыми социологическими методиками изучения общественного мнения, что в перспективе должно привести к повышению качества проводимых исследований. Также возможно расширение межстранового сотрудничества в области актуальных социологических исследований. Например, проведение совместных мониторинговых проектов с крупными и авторитетными социологическими службами Российской Федерации (ВЦИОМ, ФОМ и др.).

5. Формирование социологической культуры у населения и органов власти. Во-первых, это популяризация социологического знания, повышение уровня доверия населения к социологическим опросам, развитие достаточной для управленцев социологической компетентности. Во-вторых, развитие социологической культуры среди руководителей управленческих структур. В-третьих, внедрение социологического обеспечения на всех уровнях изучения различных общественных проблем, доступ к источникам социологических данных по различной тематике. К примеру, в США огромной популярностью пользуются интернет-ресурсы RealClearPolitics и Five-Thirty-Eight, где публикуются и обобщаются последние данные опросов, а также делаются прогнозы на их основании [15, с. 9].

6. Бóльшее включение социологических исследований в механизм государственного управления. В частности, востребованным может быть выявление социологами по конкретному запросу государственных органов потребностей, проблем, оценок, запросов, реакции населения; проведение консультаций для управленцев, государственных служащих и т. д. По точному выражению известного белорусского социолога Д. Г. Ротмана, «каждое социальное исследование можно считать своеобразным мини-референдумом, позволяющим определить позиции общества в оценках важных, волнующих всех проблем» [7, с. 11]. При этом есть важный момент: общественное мнение надо знать, учитывать, но нельзя руководствоваться при принятии важного управ-

ленческого решения только им. Следует ориентироваться на комплексную информационную подготовку конкретных управленческих решений. Необходимо пользоваться не только социологической информацией, но и статистическими данными, анализировать документы, публикации в СМИ, живую общаться с населением.

7. Консолидация усилий профессионального социологического сообщества (Белорусской социологической ассоциации) по разработке современных методологий исследования общества, научного общения, обсуждения актуальных проблем организации исследований, создание единого интернет-ресурса с публикацией теоретических, методологических, прикладных результатов исследований белорусских социологических центров, организация школ молодых социологов и т. п.

Заключение

Для повышения эффективности использования социологических данных в анализе белорусского общества социологическим службам необходимо актуализировать исследовательскую тематику, расширить практику использования социологической экспертизы, включать исследования в механизм государственного управления, формировать социологическую культуру у населения и управленцев.

Одним из путей повышения интереса белорусской молодежи к социологическим исследованиям и привлекательности социологии для будущих ученых может стать привлечение высшими учебными заведениями студентов, магистрантов, аспирантов к коммерческим исследовательским проектам в рамках экспериментального проекта по внедрению модели «Университет 3.0», реализуемого на базе ведущих вузов страны (БГУ, БНТУ, БГУИР, БГТУ, БГЭУ и др.).

Нужна непрерывная работа социологов с аудиторией по формированию доверия к представляемым в информационном пространстве данным. Это можно осуществлять через партнерство ведущих социологических организаций страны, опубликование результатов социологических исследований в СМИ с представлением детальной методологической информации, комментариями специалистов. Актуальной была бы и активизация работы

Комиссии по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси по защите белорусского общества от все чаще появляющихся в Интернете социологических фейков и сомнительных данных, к сожалению, подрывающих доверие к социологии в целом. По мнению аналитика Белорусского института стратегических исследований В. В. Старичёнка, «защита информационного пространства Беларуси требует особого внимания к социологическому измерению и более активного использования данных социологической науки в ответ на текущие события политической повестки, выхода результатов белорусских социологических исследований в медийное пространство» [13, с. 271].

Немаловажным фактором, влияющим на качество получаемых данных, является ответственность социолога перед обществом в целом. Так, профессиональный кодекс социолога был принят еще в 1987 г. на VI Всесоюзной конференции Советской социологической ассоциации, но его принципы (профессиональная компетентность, научная честность и корректность на всех этапах социологического исследования) актуальны до сих пор и в целом согласуются с нормами, которых придерживается мировое социологическое сообщество. Действительно, социальная ответственность социолога подобна долгу врача-диагноста (принцип «не навреди») и состоит в стремлении найти пути сохранения стабильности общества, определить наименее болезненные способы достижения социального прогресса. На этот немаловажный аспект профессиональной деятельности в июне 2020 г. обратили внимание ведущие белорусские социологи, выступая в рамках проекта БелТА и БИСИ «Экспертная среда» [10].

Данные социологических опросов, полагаем, должны стать неотъемлемой частью системы информационно-аналитического обеспечения органов государственного управления и одним из дополнительных источников информации при принятии научно обоснованных управленческих решений. В связи с этим современным белорусским социологам необходимо соблюдать высокое качество проведения исследований, позволяющее достоверно отражать общественное мнение по наиболее актуальным проблемам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейникова, С. М. «Фейковая социология»: памятка пользователю [Электронный ресурс] / С. М. Алейникова, Н. Н. Сухотский // Белорус. ин-т стратег. исслед. – Режим доступа: <https://bistr.gov.by/mneniya/kommentariy-bisi-feykovye-novosti-sociologiya/-fejkovaya-sociologiya-ramyatka-polzovateliu>. – Дата доступа: 13.12.2020.
2. Данилов, А. Н. Социология в Белорусском государственном университете: история и современность / А. Н. Данилов // Весн. БДУ. – 2006. – № 3. – С. 82–93.
3. Домбровский, А. Половина белорусов выступает не за союзнические, а за партнерские отношения с Россией [Электронный ресурс] / А. Домбровский ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Режим доступа: <http://socio.bas-net.by/polovina-belorusov-vystupaet-ne-za-soyuznicheskie-a-za-partnerskie-otnosheniya-s-rossiej/>. – Дата доступа: 14.01.2021.
4. Иванов, В. Н. Социология в СССР (записки директора института) / В. Н. Иванов. – М. : У Никитских ворот, 2018. – 400 с.
5. Литвинович, В. М. Изучение общественного мнения в цифровую эпоху / В. М. Литвинович // Беларус. думка. – 2015. – № 2. – С. 98–103.
6. Лысенко, В. Как законы регулируют опросы общественного мнения на выборах [Электронный ресурс] / В. Лысенко ; Рос. фонд свобод. выборов. – Режим доступа: <http://www.rfsv.ru/law/normy-i-printsipy/kak-zakony-reguliruiut-oprosy-obshchestvennogo-mneniia-na-vyborakh>. – Дата доступа: 02.02.2021.
7. Михайловская, С. Компас для развития общества. О современных возможностях и роли социологии / С. Михайловская // Беларус. думка. – 2020. – № 5. – С. 11–20.
8. О некоторых вопросах проведения опросов общественного мнения, относящихся к республиканским референдумам, выборам и общественно-политической ситуации в стране и об опубликовании их результатов в средствах массовой информации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 нояб. 2005 г., № 1240 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20501240>. – Дата доступа: 04.12.2020.
9. Общая социология. Основы современной социологической теории : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. Н. Г. Осиповой. – М. : Канон+, 2017. – 336 с.
10. Опросы общественного мнения и ответственность социологов перед обществом [Электронный ресурс] // Информационное агентство БелТА. YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vXQvc-05DfE>. – Дата доступа: 03.06.2020.
11. Особенности проведения социологических исследований в период пандемии: кейс массового опроса населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncsem.o-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135-osobennosti-provedeniya-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-period-pandemii-kejs-massovogo-oprosa-naseleniya>. – Дата доступа: 05.03.2021.
12. Сеньшин, Е. Политическая функция опросов должна быть поставлена под сомнение. Имитация народной воли. Почему нельзя доверять соцопросам? [Электронный ресурс] / Е. Сеньшин. – Режим доступа: https://www.znak.com/2020-03-27/imitaciya_na_rodnoy_voli_pochemu_nelzya_doveryat_socoprosam. – Дата доступа: 05.03.2021.
13. Старичёнок, В. В. Социологические опросы на службе пропаганды: российское измерение / В. В. Старичёнок // Междунар. журналистика – 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Б. Л. Залесский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 266–272.
14. Шавель, С. А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 406 с.
15. Юдин, Г. Общественное мнение, или Власть цифр / Г. Юдин. – СПб. : Европ. ун-т в СПб., 2020. – 174 с.

REFERENCES

1. Alejnikova, S. M. «Fejkovaja sociologija»: pamiatka pol'zovatieliu [Elektronnyj riesurs] / S. M. Aliejnikova, N. N. Sukhotskij // Bielorus. in-t strateg. isslied. – Riezhim dostupa:

<https://bistr.gov.by/mneniya/kommentariy-bisi-feykovye-novosti-sociologiya/-feykovaya-sociologiya-pamyatka-polzovatelyu>. – Data dostupa: 13.12.2020.

2. Danilov, A. N. Sociologija v Bielaruskom gosudarstviennom univiersitietie: istorija i sovriemiennost' / A. N. Danilov // Viesn. BDU. – 2006. – № 3. – S. 82–93.

3. Dombrovskij, A. Polovina belorusov vystupajet nie za sojuznichieskije, a za partnorskije otnoshenija s Rossiej [Elektronnyj riesurs] / A. Dombrovskij // In-t sociologii NAN Bielarusi. – Riezhim dostupa: <http://socio.bas-net.by/polovina-belorusov-vystupaet-ne-za-soyuznichieskie-a-za-partnerskie-otnosheniya-s-rossiej/>. – Data dostupa: 14.01.2021.

4. Ivanov, V. N. Sociologija v SSSR (zapiski diriektora instituta) / V. N. Ivanov. – M. : U Nitskikh vorot, 2018. – 400 s.

5. Litvinovich, V. M. Izuchienije obshchiestviennogo mnienija v cifrovuju epokhu / V. M. Litvinovich // Belarus. dumka – 2015. – № 2. – S. 98–103.

6. Lysienko, V. Kak zakony riegulirujut oprosy obshchiestviennogo mnienija [Elektronnyj riesurs] / V. Lysienko // Ros. found svobod. vyborov. – Riezhim dostupa: <http://www.rfsv.ru/law/normy-i-printsipy/kak-zakony-reguliruiut-oprosy-obshchestvennogo-mneniia-na-vyborakh>. – Date dostupa: 02.02.2021.

7. Mikhajlovskaja, S. Kompas dlja razvitija obshchiestva. O sovriemiennykh vozmozhnostiakh i roli sociologii / S. Mikhajlovskaja // Belarus.dumka. – 2020. – № 5. – S. 11–20.

8. O niekotorykh voprosakh proviedienija oprosov obshchiestviennogo mnienija, odnosiaschikhsia k riespublikanskim riefieriendumam, vyboram i obshchiestviennopolitichieskoj cituacii v stranie i ob opublikovanii ikh riezul'tatov v sriedstvakh massovoj informacii [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rieesp. Bielarus', 8 nojab. 2005 g., № 1240 // Nac. pravovoj Internetportal Rieesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20501240>. – Data dostupa: 04.12.2020.

9. Obshchaja sociologija. Osnovy sovriemiennoj sociologichieskoj tieorii : uchieb. posobije dlja vuzov / pod obshch. ried. N. G. Osipovoj. – M. : Kanon+, 2017. – 336 s.

10. Oprosy obshchiestviennogo mnienija i otvietstnnost' sociologov pieried obshchiestvom [Elektronnyj riesurs] : Informacionnoje agentstvo BielTA. YouTube. – Riezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=vXQvc-05DfE>. – Data dostupa: 03.06.2020.

11. Osobiennosti proviedienija sociologichieskikh v period pandemii: kiejs massovogo oprosa nasielienija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://ncsem.o-mordovia.ru/index.php/analytics/expert-comment/item/135-osobennosti-provedeniya-sotsiologicheskikh-issledovanij-v-period-pandemii-kejs-massovogo-oprosa-naseleniya>. – Data dostupa: 05.03.2021.

12. Sien'shin, Ye. Politichieskaja funkcija oprosov dolzhna byt' postavliena pod somnienije. Imitacija narodnoj voli. Pochiemu niel'zia dovieriat' socoprosam? [Elektronnyj riesurs] / Ye. Sien'shin. – Riezhim dostupa: https://www.znak.com/2020-03-27/imitaciya_narodnoy_voli_pochemu_nelzja_doveryat_socoprosam. – Data dostupa: 05.03.2021.

13. Starichionok, V. V. Sociologichieskije oprosy na sluzhbie propagandy: rossijskoje izmierienije / V. V. Starichionok // Miezhdunar. jurnalistika – 2019: jevrasijsko-atlantichieskoje partnerstvo i media : materialy VIII Miezhdunar. nauch.-prakt. conf., Minsk, 21 fievr. 2019 g. / Bielorus. gos. un-t ; piedkol: B. L. Zaliesskij (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk : BGU, 2019. – S. 266–272.

14. Shaviel', S. A. Obshchiestviennaja missija sociologii / S. A. Shaviel' – Minsk : Bielarus. navuka, 2010. – 406 s.

15. Yudin, G. Obshchiestviennoje mnienije, ili Vlast' cif / G. Yudin. – SPb., 2020. – 174 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.02.2021

УДК 316. 334

Святослав Тихонович Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Sviatoslav Kavetsky***PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department for Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: kstbrest@mail.ru*

АНОМИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются теоретико-методологические основания социологического анализа аномии. Аномические процессы систематизируются по основным направлениям их изучения, выделяются хронологические этапы, региональные особенности. Проведена реконструкция исторического и социофилософского материала.

Ключевые слова: аномия, отчуждение, мегааномалии, социологический анализ, глобализация, девиантное поведение, солидарность, социальная катастрофа.

Anomy as an Object of Sociological Analysis

The article discusses the theory and methods underlying the social analysis of the anomy. The anomy processes are classified by key study areas, chronological stages are identified, as well as regional specifics, primarily in the transformation society. The historical and socio-philosophical material is reconstructed.

Key words: anomie, alienation, mega-anomalies, sociological analysis, globalization, deviant behavior, solidarity, social catastrophe.

Введение

Исследование теоретико-методологических оснований социологического анализа аномии необходимо структурировать через призму ее системного изучения. Рассматривать аномические процессы необходимо, систематизируя основные направления их изучения, хронологические этапы и региональные особенности, в первую очередь в трансформационном постсоциалистическом обществе, с учетом реконструкции исторического и социофилософского материала. Истоки понятия «аномии» лежат глубоко в структурах мировой цивилизации. Еще в Древней Греции получил распространение термин *аномос*, который обозначал такие понятия, как «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый». У Еврипида аномия символизировала жестокость бытия. Платон видел в аномии проявление анархии и неумеренности. В Ветхом Завете аномия связывалась с грехом и порочностью, в Новом Завете – с беззаконием: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24:12), «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (Ин. 3 : 4).

Помимо основополагающих социофилософских идей, связанных с проблема-

тикой аномийных общественных состояний, в исследовании подчеркивается важность учений античных философов (Сократ, Платон, Аристотель), в которых раскрываются гносеологические и онтологические аспекты этического дуализма. Анализируются труды средневековых мыслителей (Аврелий Августин, Фома Аквинский), социалистов-утопистов (Т. Мор, Т. Кампанелла), философа эпохи Просвещения XVIII в. Ж. Ж. Руссо, классиков философии XVII–XIX вв. (И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше, К. Маркс), рассматривающих общественные аномалии через призму отчуждения как микроуровня аномии.

Аномия, имея глубокие исторические корни, получила первое подлинно теоретическое осмысление лишь в трудах Эмиля Дюркгейма. Французский ученый использовал этот феномен в своих классических работах: «О разделении общественного труда» (1893), «Метод социологии» (1901) и в наиболее известном исследовании «Самоубийство». Э. Дюркгейму принадлежит роль первопроходца в теоретико-методологическом анализе аномии и ее базовых парадигм. Он связывал ее с различными формами аномалий, в т. ч. с ненормальным разделением труда, неполнотой органической

солидарности, ведущей к девиациям и отклонениям, при этом состояние социума нуждается в коллективном потенциале, стабильном нормотворчестве и ценностных ориентирах.

Р. Мертон анализирует ситуацию как расширение аномии, конфликт рассогласования, конфликт «норм в культуре» между различными стратами социума. Мертон выделяет различные типы поведенческих реакций на аномическое состояние, которые комплексно анализируют противоречие различных конструктов социума: «конформность», «инновация», «ритуализм», «ретритизм» и «мятеж».

Т. Парсонс толковал разнообразные катаклизмы социального равновесия как рецидив недомогания социума. В его трудах «Структура социального действия» (1937), «Социальная система» (1951), «К общей теории действия» (1951), «Социальное действие в условиях человеческого существования» (1978) прослеживается концепция социального действия. Он утверждает: «Главная функциональная проблема касается отношения социальной системы к системе личности, включая обучение, развитие и сохранение на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия» [1, с. 796].

Р. Дарендорф, анализируя концепцию социального конфликта, пришел к выводу: «Сегодня появилась еще одна форма воплощения конфликта. Он ныне на линии огня в революционной войне и даже не борьба демократического класса, а аномия» [2, с. 241]. В одном из разделов произведения «Современный социальный конфликт» он пишет об опасности аномии для современного общества: «Исследование социума в 1950–1980 гг. показало, что сегодня явно участились преступления против собственности, преступления, связанные с наркотиками» [2, с. 241].

Ю. Хабермас анализирует аномию как антиномию неотчужденного аномального мироустройства. Травматическое состояние социума он связывает с анализом «тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом европейского общества» [3]. М. Вебер констатирует значимость субъективных подходов, охватывающих социальную сферу индивидов. С одной стороны,

это отражает различные сферы социума, а с другой – социум, являясь объективным фактом, не только формирует личность, но и принуждает ее к чему-либо (Э. Дюркгейм). Таким образом, на их действиях держится основа социума (М. Вебер).

Р. Макайвер раскрывает аномию через призму неразвитых социальных и эмоциональных контактов.

Дэвид Рисмен понимает аномию в качестве неприспособленности человека к жизни в обществе. Причиной такого явления может быть несоответствие характера индивида типичному характеру эпохи, в которой он живет. В типологии Рисмена, индивиды, «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные», встречаются в любом обществе. Таким образом, часть социума, «которая не соответствует типу характера, преобладающего в данном обществе, может быть либо аномичной, либо автономной» [4, с. 287].

Термин *anomie* использовали и Дюркгейм, и Мертон для описания состояния социальной (общественной) «безнормности» применительно к большим или малым общностям. Однако современный американский социальный психолог и социолог Лео Сроул трактует понятие *anomia* как состояние индивидуальной депривации (в отличие от аномии социальных систем в целом). Для целей данной работы это различие имеет принципиальный характер, ибо позволяет анализировать аномичные состояния как со структурной стороны, так и с личностной» [5, с. 190].

Проанализировав современные социологические подходы к аномии, следует отметить ее значительные изменения. В качестве особенности анализа аномии в настоящем можно отметить рассмотрение ее не саму по себе, а в сложных переплетениях с различными социальными явлениями. Ярким примером тому служит XVII Всемирный социологический конгресс (Гетеборг, Швеция, 2010), на котором ни в одном из 11 докладов по данной теме не рассматривалась сама аномия, но при этом она фактически присутствовала.

Анализируя советский период, необходимо отметить, что гуманитарные науки в рамках марксизма-ленинизма на микро-, мезо- и макроуровне не рассматривали проб-

лемы аномии. В идеологической сфере господствовал фрагментарный подход к аномическим процессам. В лучшем случае они изучались как девиации, а в 1930–50 гг. как «родимые пятна капитализма». Научный анализ в социологическом и философском аспектах сводился к изучению нравственных, поведенческих и статистических аномалий личности через специфику общественно-исторического развития.

Гуманное по своей форме марксистско-ленинское мировоззрение через декларации построения справедливого общества определяло любые отклонения в сфере морали, характеризующиеся субъективными причинами поведения людей, и в толковании обществоведов надуманно догматизировались и выводились за рамки самого предмета научного анализа.

В настоящее время тот факт, что социальные деформации необходимо рассматривать в рамках теории социального поведения, не вызывает сомнения. При этом необходимо учесть, что в действительности перечень новых, неизвестных на сегодня факторов, характеризующих аномию, не исчерпан и требует дополнения. Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной разработке аномальных теоретико-методологических проблем.

Исследовательские материалы, в разной степени отражающие аномические процессы, на постсоветском пространстве встречаются сравнительно часто. Теоретико-методологический анализ трансформационных процессов на постсоветском пространстве (Беларусь, Россия, Украина) показывает, что «как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации, по сути, дают характеристику общественных состояний, имеющих ее явные признаки» [6].

Белорусские ученые (Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, Н. А. Барановский, Ю. М. Бубнов, С. П. Винокурова, Г. М. Евелькин, В. А. Клименко, О. В. Кобяк, Е. Е. Кучко, С. В. Лапина, С. А. Шавель, Н. Е. Лихачев, А. В. Рубанов, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, И. В. Левицкая, Ю. Г. Черняк и др.) анализируют аномальные состояния в основном через отклоняющееся поведение и широкий спектр девиации, что присуще для аномальных процессов. Российские исследователи изучали

аномальные парадигмы, но не всегда анализировали комплексный характер этого противоречивого социального явления (В. С. Афанасьев, В. М. Быченков, А. Б. Гофман, Я. И. Гишинский, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Семенов и др.).

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных в 1990-е гг. и в начале XXI в. раскрывают в своих исследованиях Д. Г. Геращенко, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Кравченко, В. В. Кривошеев, И. А. Крупский, Н. Н. Мещерякова, Н. П. Нарбут, А. В. Никонова, А. В. Плетнев, Н. Е. Покровский, Ж. Т. Тощенко, О. Н. Яницкий и др.

Украинские социологи Л. Д. Бевзенко [7], Е. И. Головаха и Н. В. Панина [8] проводят социологический мониторинг аномальных общественных состояний.

В исследовании, проведенном эстонским социологом Айли Аарелайд-Тарт, проанализировано развертывание целой серии культурных травм, возникших в XX – начале XXI в. [9].

Аномические процессы характерны и для постсоциалистических стран Европы. Польский ученый П. Штомпка, в частности, рассказывает «о концепции социальной травмы, позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований» [10]. Анализируя социальные трансформации в Польше (и не только современные), по мнению Е. Шацкого, «важно учитывать, феномен религии» [11]. И. Вингендер, анализируя опыт Венгрии, выделяет такую специфику аномальных состояний социума: «Они могут продолжаться длительное время» [12]. Современный анализ социологических подходов к аномии свидетельствует об усложнении ее содержания.

Среди основных факторов глобализации современного мира следует выделить следующие: 1) деятельность транснациональных корпораций (ТНК); 2) финансовые операции международных банков, страховых компаний и других организаций, способных оказывать давление на национальные государства; 3) планетарная система торговых сетей; 4) компьютерное поле, в первую очередь Интернет, оснащенное новыми технологиями и подконтрольными информаци-

онными потоками; 5) вестернизация социокультурного поля; 6) превращение в 1990-е гг. биполярного мира в однополярный.

Среди некоторых причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины: а) экономические; б) последствия войн и революций, гонка вооружений; в) национальные проблемы; г) конфессиональные; д) языковые проблемы; ж) территориальные претензии; з) геополитические и т. д. В качестве субъективных причин можно выделить: а) пренебрежение опытом развития народов СССР; б) последствия культа личности И. Сталина; в) бытовой уровень национализма (мифы, слухи, прогнозы, анекдоты и т. д.).

Одним из факторов глобальной нестабильности являются сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов.

Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918), революции (1905–1907, 1917), Гражданская война (1918–1921), раздел страны по Рижскому договору (1921), сталинские репрессии (1930–50), Великая Отечественная война (1941–1945), распад Советского Союза (конец 1980-х – начало 1990-х), глобальная катастрофа в Чернобыле (1986).

Заключение

На протяжении всего периода развития социологии ее исследователи обращались к проблемам общественного развития. Социологический анализ всех сферах социума: экономической, социально-политической, социокультурной – выявляет аномалии. Их место в функционировании какой-либо общественной системы важно не только само по себе, но и как средство для более глубокого, основательного понимания нормального состояния социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой. – М. : Акад. проект, 2002. – 832 с.
2. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт / Р. Дарендорф // Иностран. лит. – 1993. – № 4. – С. 236–242.
3. Habermas, J. The Post-National Constellation and the Future Democracy: Political Essays / J. Habermas ; ed. by M. Pensky. – Cambridge : MIT Press, 2001. – P. 58–112.
4. Riesman, D. The lonely growd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven Yale : Univ. Press, 1950. – 386 p.
5. Покровский, Н. Е. Универсум одиночества / Н. Е. Покровский, Г. В. Иванченко. – М. : Логос, 2008. – 421 с.
6. Кавецкий, С. Т. Аномальные состояния общественного развития: генезис и современность / С. Т. Кавецкий // Социология. – 2015. – № 1. – С. 94–104.
7. Бевзенко, Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л. Д. Бевзенко. – Киев : Ин-т социологии АН Украины, 2002. – 437 с.
8. Головаха, Е. И. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. И. Головаха, Е. И. Панина // Вестн. обществ. мнения. – 2005. – № 6. – С. 11–16.
9. Аарелайд-Тарт, А. Теория культурной травмы / А. Аарелайд-Тарт // Социс. – 2004. – № 10. – С. 63–72.
10. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
11. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2002. – 1076 s.
12. Вингендер, И. Аномия и девиация в венгерском обществе / И. Вингиндер // Социс. – 2001. – № 3. – С. 84–89.

REFERENCES

1. Parsons, T. O social'nykh sistiemakh / T. Parsons ; pod ried. V. F. Chiesnokovoj. – M. : Akad. projekt, 2002. – 832 s.

2. Darendorf, R. Sovriemiennyj social'nyj konflikt / R. Darendorf // Inostr. lit. – 1993. – № 4. – S. 236–242.
3. Habermas, J. The Post-National Constellation and the Future Democracy: Political Essays / J. Habermas ; ed. by M. Pensky. – Cambridge : MIT Press, 2001. – P. 58–112.
4. Riesman, D. The lonely growd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven Yale : University Press, 1950. – 386 p.
5. Pokrovskij, N. Ye. Univiersum odinochiestva / N. Ye. Pokrovskij, G. V. Ivanchienko. – M. : Logos, 2008. – 421 s.
6. Kavieckij, S. T. Anomal'nyje sostojanija obshchiestviennogo razvitija: gienezis i sovriemiennost' / S. T. Kavieckij // Sociologija. – 2015. – № 1. – S. 94–104.
7. Bievzienko, L. D. Social'naja samoorganizacija. Sintetichieskaja paradigma: vozmozhnosti social'nykh interpretacij / L. D. Bievzienko. – Kijev : In-t sociologii AN Ukrainy, 2002. – 437 s.
8. Golovakha, Ye. I. Integral'nyj indeks social'nogo samochuvstvija nasielienija Ukrainy do i poslie «oranzhevoj rievoliucii» / Ye. I. Golovakha, Ye. I. Panina // Viestn. obshchiestv. mnienija. – 2005. – № 6. – S. 11–16.
9. Aarelajd-Tart, A. Tieorija kul'turnoj travmy / A. Aarelajd-Tart // Socis. – 2004. – № 10. – S. 63–72.
10. Shompka, P. Social'noje izmienienije kak travma / P. Shtompka // Socis. – 2001. – № 1. – S. 6–16.
11. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2002. – 1076 s.
12. Vingender, I. Anomija i dieviacija v viengierskom obshchiestvie / I. Vingender // Socis. – 2001. – № 3. – S. 84–89.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.02.2021

УДК 316.4

Александра Александровна Алексева*соискатель Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
консультант управления общего среднего образования**Главного управления общего среднего, дошкольного и специального образования
Министерства образования Республики Беларусь***Aleksandra Alekseeva***Applicant of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Consultant of the General Secondary Education Department**of the General Directorate of General Secondary, Preschool and Special Education
of the Ministry of Education of the Republic of Belarus**e-mail: alekseeva311@mail.ru***АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ СРЕДЫ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Проведенный социологический анализ факторов формирования здоровьесберегающей среды в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь подтвердил рост средней наполняемости классов в городах, превышающий республиканский показатель в 2 раза. Анализ распределения учащихся по группам здоровья выявил у 12,3 % наличие различных заболеваний III–IV групп здоровья. Отмечена тенденция к ухудшению состояния здоровья к 15–17-летнему возрасту по сравнению с 6-летним (рост в 2,15 раза). Среди выявленных заболеваний из общего числа обследованных 11,4 % пришлось на снижение остроты зрения, 7,9 % – на сколиоз и нарушения осанки. Сделаны выводы о дополнительном проведении разноуровневого социологического анализа как со стороны учащихся и их родителей, так и со стороны сотрудников учреждений образования.

Ключевые слова: социальное здоровье, учащиеся, учреждения общего среднего образования, здоровьесберегающие технологии.

**Analysis of Social Factors the Formation of a Health-Saving Environment
in Institutions of General Secondary Education of the Republic of Belarus**

The article analyzes the factors involved in the formation of a health-preserving environment in institutions of general secondary education of the Republic of Belarus. The conducted sociological analysis of the structure confirmed the growth of the average occupancy of classes in cities, exceeding the republican indicator by 2 times. Analysis of the distribution of students by health groups revealed in 12,3 % the presence of various diseases, III–IV health groups. At the same time, there was a tendency to a worsening of the condition by the age of 15–17 years compared with 6 years old (an increase of 2,15 times). Among the identified diseases, 11.4% of the total number of examined patients had a decrease in visual acuity; 7,9 % – on scoliosis and posture disorders. Conclusions are made about the additional conduct of a multilevel sociological analysis both on the part of students and their parents, as well as on the part of employees of educational institutions.

Key words: social health, students, institutions of general secondary education, health-saving technologies.

Введение

Основным направлением социальной политики любого государства является сохранение здоровья людей, и прежде всего подрастающего поколения.

Понятие «здоровье» включает совокупность таких критериев, как генетический, экологический, биологический, социальный, демографический, психологический, педагогический, культурологический. При этом к понятию индивидуального здоровья, с учетом исследований Е. Н. Назаровой [1], относят такие категории, как физи-

ческое (уровень функционирования органов и систем организма), психическое (развитие психической среды и установок, обеспечивающих адекватные поведенческие проявления), социальное (уровень социального и профессионального благополучия), репродуктивное (уровень функционирования репродуктивной системы), нравственное (комплекс моральных ценностей, установок и мотиваций, характеризующих зрелую личность). Согласно данным экспертов ВОЗ здоровье социального индивидуума только на 30 % зависит от качества уровня меди-

цинской помощи вместе с наследственными факторами, в то время как в 50–70 % случаев решающую роль играет образ жизни, который ряд авторов понимают как совокупность индивидуальных практик, норм поведения и личностных установок, непосредственно положительно или негативно влияющих на показатель здоровья [2].

Здоровый образ жизни (ЗОЖ), по данным Л. И. Алёшиной, «объединяет совокупность категорий, способствующих выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях, а также выражает определенность личности в направлении как формирования, так и сохранения общественного и индивидуального здоровья» [3]. По мнению С. В. Попова, ЗОЖ определяется оптимальным двигательным режимом, рациональным питанием, отказом от вредных привычек, личной гигиеной и закаливанием и положительными эмоциями [4].

Проведенные исследования (Г. К. Селевко, А. В. Сократов, Н. Н. Малярчук, Е. О. Гузик) отметили выраженную взаимосвязь здоровья детей, их социально-психологической адаптации и адекватного развития со средой обитания, которой в возрасте 6–17 лет являются учреждения общего среднего образования (УОСО) [5–8]. В работах В. И. Дубровского [9] доказано, что до 70 % периода бодрствования учащихся связано с пребыванием в УОСО, оказывающим непосредственное влияние на формирование здоровья на всю оставшуюся жизнь. По данным института возрастной физиологии Российской Академии образования, именно со школьной образовательной средой связано развитие до 20–40 % негативного влияния на здоровье обучающихся [10].

Вместе с тем в настоящее время в имеющихся литературных источниках не полностью раскрыто влияние факторов социально-экономической среды, способствующих формированию здоровьесберегающих условий в учреждениях общего среднего образования; не проведена оценка социологических факторов формирования здоровьесбережения в зависимости от местонахождения (населенные пункты в зависимости от численности проживающего населения; уровня развития и специализации производственной и социально-культурной

инфраструктуры; государственных функций, осуществляемых на соответствующей территории), наполняемости и вида УОСО.

В связи с этим важнейшей задачей является оценка образовательной среды в УОСО с учетом социальных факторов, влияющих на организацию здорового и безопасного образа жизни и профилактики девиантного поведения учащихся.

Для оценки модели здоровьесберегающей среды в УОСО Республики Беларусь использован социологический анализ факторов, ее формирующих: здоровьесберегающая инфраструктура, рациональная организация образовательного процесса; организация физкультурно-оздоровительной работы; внешкольная работа, работа с родителями; медицинское сопровождение образовательного процесса; организация питания; формирование здоровьесберегающих привычек, ЗОЖ.

Методология исследования

С целью выявления показателей здоровьесберегающей среды была определена социальная структура образовательного процесса в УОСО Республики Беларусь, в которую вошли основные потребители образовательных услуг: учащиеся и их родители (законные представители), педагогические работники, руководители УОСО, руководители и ведущие специалисты управлений и отделов по образованию райисполкомов, горисполкомов, а также руководители и ведущие специалисты Главного управления общего среднего, дошкольного и специального образования Министерства образования Республики Беларусь.

Со всеми субъектами данной специфической социальной структуры был проведен опрос по разработанным специальным вопросам. С руководителями и ведущими специалистами Главного управления общего среднего, дошкольного и специального управления Министерства образования Республики Беларусь ($n = 16$) было проведено полустандартизированное экспертное интервью, экспертный опрос был проведен среди руководителей управлений образования облисполкомов, комитета по образованию Мингорисполкома, отделов по образованию райгорисполкомов ($n = 37$). Он был дополнен экспертным опросом руководителей УОСО ($n = 54$), анкетным оп-

росом педагогических работников УОСО (n = 384), анкетным опросом родителей (n = 965) и учащихся второй и третьей ступени общего среднего образования (n = 1260).

Обработка социологических данных проведена методами параметрической и непараметрической вариационной статистики с учетом средних значений, стандартного отклонения (вариабельность для шкал Лайкерта). Данные считали достоверными при уровне значимости не менее 95 % ($p < 0,05$).

Результаты и их интерпретация

В ходе анализа полученных данных были выявлены социальные факторы, в значительной степени влияющие на формирование здоровьесберегающей среды. В их число вошли такие, как наличие школьного самоуправления и его активное участие в укреплении ЗОЖ; вовлеченность родителей и их выборного органа в этот процесс; высокий охват социально-психологическим консультированием с учетом индивидуальных особенностей учащихся; отчетливая положительная динамика показателей (на уровне не менее чем у 40–55 %) тревожности и эмоционального стресса в течение одного календарного года.

В 2019/20 учебном году в Республике Беларусь функционировало 3 020 учреждений общего среднего образования, из которых 2 987 находились в подчинении Министерства образования (в числе которых 189 учреждений специального образования), 16 – в подчинении иных ведомств (Министерства культуры, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства спорта и туризма) а также 17 учреждений общего среднего образования частной формы собственности.

Всего в УОСО Министерства образования обучались 1 026 453 учащихся, в т. ч. в начальных школах – 10 383 учащихся, в базовых школах – 20 319 учащихся, в средних школах – 817 747 учащихся, в гимназиях и гимназиях-интернатах – 157 723 учащихся, в лицеях – 6 719 учащихся, в кадетских училищах – 1 595 учащихся, на уровне общего среднего образования учебно-педагогических комплексов (средняя школа (гимназия) – колледж) – 2 598 учащихся, 359 учащихся вечерних классов, 2 598 уча-

щихся с особенностями психофизического развития вспомогательных и специальных школ (школ-интернатов) и специальных классов при общеобразовательных школах и школах-интернатах, центрах коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, что на 21 066 и 37 132 учащихся больше, чем в 2018/19 и 2017/18 учебных годах соответственно.

Из них в I класс зачислено 113 849 учащихся, что на 8 688 больше (8,3 %), чем в 2017/18 учебном году.

В подчинении Министерства образования в городах и поселках городского типа располагалось 1 224 УОСО, в сельских населенных пунктах – 1 574 (рисунок 1), в которых соответственно обучалось в 2019/20 учебном году 847 363 и 169 721 учащийся (рисунок 2). В 2018/19 и 2017/18 учебных годах – 172 466 и 175 970 соответственно.

Средняя наполняемость УОСО (определяется как отношение общего количества учащихся к общему количеству УОСО) в 2019/20 учебном году составила 363,5; в 2018/19 и 2017/18 учебных годах – 344,4 и 329,9 соответственно. При этом отмечен рост средней наполняемости УОСО, расположенных в городской местности, в более чем 2 раза по сравнению с республиканским показателем: в 2019/20 – 692,3, в 2018/19 и 2017/18 учебных годах – 656,8 соответственно.

Средняя наполняемость УОСО, расположенных в сельской местности, в 2019/20, 2018/19 и 2017/18 учебных годах составила 107,8, 108,5 и 108,6 соответственно и была ниже данного республиканского показателя в 3,37, 3,17 и 3,04 раза соответственно.

Обеспеченность учащихся УОСО общей площадью составила 14,33 м² на 1 человека (норматив, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2003 № 724, предусматривает 8 м² на 1 учащегося).

Фактическое выполнение норматива бюджетной обеспеченности расходов на обучение одного учащегося в УОСО составило 2 688,22 руб. в год при нормативе 950 руб., что было обусловлено выделением дополнительных средств из республиканского и местных бюджетов на проведение капитальных и текущих ремонтов.

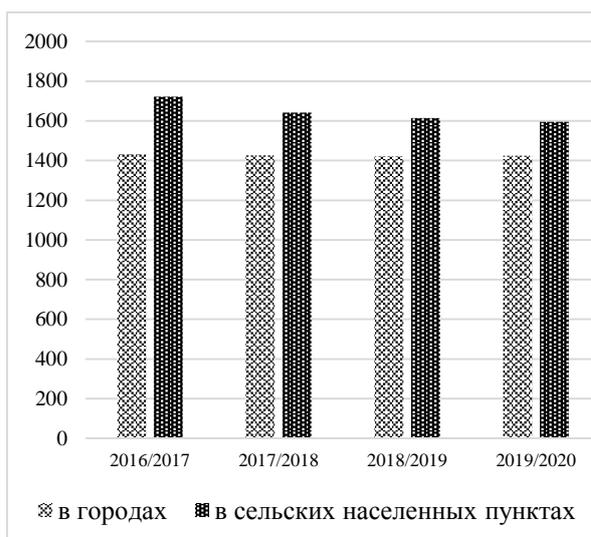

Рисунок 1. – Динамика количества УОСО, расположенных в городской и сельской местности

Рисунок 2. – Динамика количества учащихся УОСО, расположенных в городской и сельской местности

Согласно представленным данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь в 2019 г. 26,7 % учащихся имели первую группу здоровья, 59,2 % – вторую группу здоровья, что в совокупности составило 85,9 %. К третьей группе отнесены

12,3 % детей и подростков, к четвертой – 1,8 %, что суммарно составило 14,1 %.

Проведен анализ изменения групп здоровья учащихся в зависимости от их возраста (таблица 1).

Таблица 1. – Анализ групп здоровья учащихся УОСО с учетом возраста за 2019 г. по сравнению с детьми младшей возрастной группы, %

Возраст, лет	Группа				
	I	II	I + II	III	IV
3–5	31,4	59,2	90,6	7,9	1,5
6	28,6	61,0	89,9	8,6	1,8
11	25,7	59,2	84,9	13,0	2,1
14	24,1	57,3	81,4	16,5	2,1
15–17	21,9	55,7	77,6	20,2	2,2

Установлено, что у детей, поступающих на обучение в УОСО, по сравнению с дошкольниками младшего возраста состояние здоровья с учетом установленных групп достоверно не отличается, в то же время следует констатировать, что к 6 годам 9,4 % детей имеют III или IV группу здоровья.

В процессе обучения к 15–17 годам у учащихся старших классов УОСО, отнесен-

ных к I–II группам, отмечено снижение данного показателя по сравнению с 6-летними детьми на 12 % при одновременном увеличении в 2,15 раза учащихся III и IV групп здоровья.

Проведен анализ наиболее часто встречающихся заболеваний у учащихся УОСО за 5-летний период наблюдения (таблица 2).

Таблица 2. – Анализ наиболее встречающихся заболеваний у детей 1–17 лет за 5-летний период наблюдения, %

Год	Снижение остроты зрения	Снижение остроты слуха	Дефекты речи	Сколиоз и нарушение осанки
2015	10,2	0,3	4,2	7,8
2019	11,4	0,3	4,5	7,9

Устаноўлена, што за последние 5 лет состояние здоровья учащихся УОСО с учетом наиболее часто встречающихся заболеваний остается относительно стабильным. В то же время 11,4 % школьников имеют снижение остроты зрения; 0,3 % – слуха; 4,5 % – дефекты речи; 7,9 % – нарушения осанки и сколиоз (боковое искривление позвоночника).

Проведен дополнительный анализ динамики изменения данных показателей здоровья у младшей возрастной группы (3–5 лет) и учащихся старших классов УОСО (15–17 лет). Установлено увеличение в 3,53 раза числа подростков 15–17 лет по отношению с 3–5-летними детьми, имеющих проблемы здоровья, связанные со снижением остроты слуха; в 9,83 раза – имеющих сколиоз и нарушения осанки.

В то же время к 15–17-летнему возрасту по сравнению с детьми 3–5 лет отмечено в 6,81 раза снижение дефектов речи, что обусловлено проведением хорошей логопедической помощи на всех этапах обучения. Снижение остроты слуха, равное 0,3 %, не имело динамики за все время обучения.

Практическая обеспеченность УОСО спортивными плоскостными сооружениями составляет 13,49 м² на 1 человека при нормативе 1,62 м² на 1 человека (превышение в 8,32 раза).

Фактическая обеспеченность учащихся УОСО зданиями спортивного назначения составила 1,21 м² на 1 человека при нормативе 0,5 м² на 1 человека (превышение в 2,42 раза).

К регулярным физкультурным занятиям в УОСО привлечено 952 184 (или 98,9 %) учащихся. В целях создания условий для сочетания учебы и занятий выбранными видами спорта на базе УОСО в специализированных спортивных классах в 2019/20 учебном году обучались 8 579 учащихся, в 2017/18 учебном году – 62 227 (рост в 1,38 раза).

Специализированные спортивные классы созданы по 40 видам спорта, включая 35, относящихся к олимпийским видам, и 5 – к иным.

Ежегодно проводится республиканская спартакиада школьников по 24 видам спорта.

Проведен анализ обеспеченности спортивным инвентарем и оборудованием

УОСО согласно подпрограмме 2 «Развитие системы общего среднего образования» Государственной программы «Образование и молодежная политика», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.03.2016 № 250. Установлено, что обеспеченность спортивным инвентарем и оборудованием для занятий гимнастикой, акробатикой, аэробикой и атлетической гимнастикой в период с 2016/17 по 2020/21 учебный год выросло с 67,4 до 89,6 %, а для зимних видов спорта и спортивных подвижных игр увеличилось на 42 % и к началу зимнего сезона 2020 г. достигло 100 %.

Заключение

Социальное здоровье детей и подростков зависит от создания здоровьесберегающей среды у учащихся УОСО путем внедрения разноуровневых технологий: здоровьесберегающих образовательных, обеспечивающих безопасность жизнедеятельности, физкультурно-оздоровительных, медико-гигиенических, целью которых является создание целостной культуры здорового образа жизни (ЗОЖ).

Среди социальных факторов формирования здоровьесберегающей среды в УОСО выделены высокая обеспеченность учреждений образования физкультурно-спортивными площадками и залами (включая территориальными, расположенными не далее 800–1 000 м), соблюдение гигиенических требований по температуре, влажности, режиму проветривания и уровню освещенности; наличие не менее чем 80 % (от общего количества) классов, оснащенных учебной мебелью с учетом роста и возраста; соблюдение учебной нагрузки гигиеническим нормативам; оптимальное чередование в расписании основных предметов с занятиями физической культурой и предметами эстетической направленности, оптимальная плотность, рациональная структура и нагрузка уроков по учебному предмету «Физическая культура и здоровье»; проведение занятий по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» с учетом распределения учащихся на группы, достаточная (не менее 2–3 раз в неделю) спортивно-оздоровительная работа во внеурочное и каникулярное время; использование лично ориентированного подхода и ин-

дивидуальных траекторий; использование современных информационных технологий в обучении (в т. ч. и навыкам ЗОЖ).

Проведенный социологический анализ здоровьесберегающей структуры, включающий оценку организации образовательного процесса, физкультурно-оздоровительной работы, состояния групп здоровья учащихся УОСО, выявил ряд факторов, оказывающих непосредственное, в т. ч. негатив-

ное, воздействие на создание ЗОЖ. Данные факты нуждаются в дополнительной оценке путем внедрения разноуровневого социологического исследования как со стороны потребителей услуг (учащихся, родителей), так и со стороны тех, кто оказывает образовательные услуги (учителя, представители органов управления образованием) с целью создания оптимальной модели здоровьесбережения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назарова, Е. Н. Основы социальной медицины / Е. Н. Назарова, Ю. Д. Жилов. – 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2012. – 368 с.
2. Чимаров, В. М. Опыт организации инновационного образовательного учреждения здоровьесформирующей направленности / В. М. Чимаров // Валеология. – 2009. – № 2. – С. 22–25.
3. Алёшина, Л. И. Формирование у будущего учителя компетенции по обеспечению охраны жизни и здоровья обучающихся через содержание дисциплин кафедры морфологии, физиологии человека и медико-педагогических дисциплин / Л. И. Алёшина, О. В. Грибанова, Т. Г. Щербакова // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по материалам XLVI Междунар. науч.-практ. конф. «Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии». – М. : Интернаука, 2016. – № 1 (46). – Ч. 1. – С. 37–41.
4. Попов, С. В. Валеология в школе и дома: о физическом благополучии школьников / С. В. Попов. – СПб. : Союз, 1997. – 256 с.
5. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии : учеб. пособие / Г. К. Селевко. – М. : Нар. образование, 1998. – 256 с.
6. Современные технологии управления и сохранения здоровья детей : учеб. пособие / под общ. ред. Н. В. Сократова. – М. : Сфера, 2005. – 224 с.
7. Малярчук, Н. Н. Реальные пути преодоления факторов, негативно влияющих на здоровье детей и подростков в образовательных учреждениях / Н. Н. Малярчук // Образование и наука. – 2014. – № 1 (110). – С. 116–130.
8. Гузик, О. Е. Гигиеническая оценка факторов внутришкольной среды, формирующих здоровье учащихся / Е. О. Гузик, И. В. Машенко, О. Л. Сидукова // Сборник научных трудов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 50-летию медико-профилактического факультета, Минск, 22 апр. 2015 г. / Белорус. гос. мед. ун-т ; редкол.: А. В. Сикорский [и др.]. – Минск : БГМУ, 2015. – С. 86–94.
9. Дубровский, В. И. Экогигиена физической культуры и спорта : рук. для спортив. врачей и тренеров / В. И. Дубровский, А. Н. Разумов, Ю. А. Рахманин. – М. : Владос. – 2008. – 551 с.
10. Кучма, В. Р. Гигиена детей и подростков : учебник / В. Р. Кучма. – 2-е изд. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 528 с.

REFERENCES

1. Nazarova, Ye. N. Osnovy social'noj mediciny / Ye. N. Nazarova, Yu. D. Zhilov. – 3-je izd., ispr. – M. : Akadiemija, 2012. – 368 s.
2. Chimarov, V. M. Opyt organizacii innovacionnogo obrazovanija uchriehdzienija zdorov'jeformirujushchiej napravliennosti / V. M. Chimarov // Valieologija. – 2009. – № 2. – S. 22–25.
3. Alioshina, L. I. Formirovanije u budushchiego uchitielia kompietencii po obiespiechieniu okhrany zhizni i zdorovja obuchajushchikhsia chieriez sodierzhanije discipline kafiedry morfologii, fiziologii i miediko-piedagogichieskikh discipline / L. I. Alioshina, O. V. Gribanova, T. G. Shchierbakova // Nauchnaja diskussija: voprosy piedagogiki i psikhologii : sb. st. po materialam XLVI Miezhdunar. nauch.-prakt. conf. «Nauchnaja diskussija: voprosy piedagogiki i psikhologii». – M. : Internauka, 2016. – № 1 (46). – Ch. 1. – S. 37–41.

4. Popov, S. V. Valieologija v shkolie i doma: o fizichieskom blagopoluchii shkol'nikov / S. V. Popov. – SPb. : Sojuz, 1997. – 256 s.

5. Sielievko, G. K. Sovriemiennyje obrazovatel'nyje tiekhnologii : uchieb. posobije / G. K. Sielievko. – M. : Nar. obrazovanie, 1998 – 256 s.

6. Sovriemiennyje tiekhnologii upravlienija i sokhranienija zdorov'ja dietiej : uchieb. posobije / pod obshch. ried. N. V. Sokratova. – M. : Sfera, 2005. – 224 s.

7. Maliarchuk, N. N. Riealnyje puti prieodolienija faktorov, negativno vlijajushchikh na zdorov'je dietiej i podrostkov v obrazovatelnykh uchriezhdienijakh / N. N. Maliarchuk // *Obrazovanie i nauka*. – 2014. – № 1 (110). – S. 116–130.

8. Guzik, O. Ye. Gigijenichieskaja ocenka faktorov vnutrishkol'noj sriedy, formirijushchikh zdorov'je uchaschikhsia / Ye. O. Guzik, I. V. Mashchienko, O. L. Sidukova // *Sbornik nauchnykh trudov Rieasp. nauch.-prakt. konf. s mizhdunar. uchastijem, posviashch. 50-letiju miediko-profilaktichieskogo fakul'tieta, Minsk, 22 apr. 2015 g.* / Bielorus. gos. mied. un-t ; riedkol.: A. V. Sikorskiy [i dr.]. – Minsk : BGMU, 2015. – S. 86–94.

9. Dubrovskij, V. I. Ekogigijena fizichieskoj kul'tury i sporta : ruk. dlia sportive. vrachiej i trienierov / V. I. Dubrovskij, A. N. Razumov, Yu. A. Rakhmanin. – M. : Vldos. – 2008. – 551 s.

10. Kuchma, V. R. Gigijena dietiej i podrostkov : uchieb. posobije / V. R. Kuchma. – 2-je izd. – M. : GEOTAR-Media, 2015. – 528 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.02.2021

УДК 316. 37

Игорь Васильевич Котляров*д-р социол. наук, проф., зам. гл. ред. журнала «Иппокрена»***Igor Kotlyarov***Doctor of Sociology, Professor,**Deputy Editor-in-Chief of «Ippokren» Journal**e-mail: kotlarov2018@tut.by*

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ТРЕНД УПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИМ, ИЛИ КАКИМ БУДЕТ ЗАВТРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Обосновывается необходимость разработки теории цивилизационного кодирования как механизма управления общественными процессами, влияющими на социально-экономическое и духовно-нравственное развитие общества, ускорение экономического роста государства, повышение уровня духовности человека и социума. В работе предпринята попытка создания парадигмы конкретных действий, позволяющей определять смыслы и ориентиры развития различных событий, выявлять причины, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения. В рамках данного подхода предлагается принципиально новое понимание цивилизационного кода как целостной модели генетического, социального и культурного факторов, определяется их роль в жизни общества. Уникальность кода заключается в том, что он формирует объективное понимание прошлого, закрепляет отношение к современной реальности, детерминирует создание моделей будущего.

Ключевые слова: *цивилизационный код, общество, прогнозирование, модели будущего.*

Civilizational Coding as the Most Important Trend in Managing the Future or What Will Humanity be Tomorrow? (Sociological Discourse)

The article justifies the need to develop the theory of civilizational coding as a mechanism for managing social processes that affect the socio-economic and spiritual-moral development of society, accelerating the economic growth of the state, and increasing the level of spirituality of society. The work contains a paradigm that allows you to determine the meanings and guidelines of various events, identify the causes that determine certain negative processes and phenomena, and find ways to eliminate them.

Key words: *civilizational coding, society, forecasting, models of the future.*

Введение

В долгой истории человечество постоянно стремилось к лучшему будущему, переходя от дикости к цивилизации. Ученые веками продвигались все дальше и дальше в понимании тайн природы и человечества. Наука и техника существенно улучшили положение людей по сравнению с первобытными временами. В то же время жизнь, как сложная и поразительно хрупкая сеть взаимных связей, всегда находилась в неустойчивом равновесии. Стоило убрать или хотя бы изменить несколько системообразующих компонентов в системе человеческого общества, и вся социальная конструкция рушилась. Как результат, на Земле периодически случались жуткие катастрофы, когда практически все живое на планете находилось под угрозой.

Развитие человеческих сообществ всегда было многоуровневым и многомерным, но по мере совершенствования соци-

альных парадигм многовекторность развития постоянно возрастала, а такие темпоральные характеристики, как ритмичность, темп, стадийность, направленность, не оставались постоянными и линейными, а образовывали сложную модель, в которой медленное, спокойное, эволюционное течение прерывалось скачкообразными переходами и катастрофическими потрясениями. Причем, если сотни тысяч лет назад причинами таких бед были прежде всего объективные факторы, то постепенно человеческие сообщества стали переходить в неустойчивое, переходное, «пограничное» состояние, представлявшее собой сложнейший симбиоз знаний и их отсутствия, таланта и грубейших субъективных ошибок, конфликтов, выпадающих из системы координат и не понимающих важности различия добра и зла, прекрасного и безобразного, честности и справедливости, что детерминировало рост кризисов и катастроф.

Причем каждому природному и техногенному катаклизму и бедствию присущи свои особенности, характер поражений, объем и масштабы разрушений, величина человеческих потерь. Следует особенно отметить, что виновником всех был человек как самая распространенная причина бед практически во всех сферах деятельности.

Типичные примеры – катастрофы на атомных станциях в Чернобыле и «Фукусима-1». Японская катастрофа – крупнейшая радиационная авария максимального 7-го уровня, выбросов при которой было в пять раз больше, чем при Чернобыльской аварии. У руководства, инженеров, специалистов не было чувства ответственности за жизни людей, за будущее страны и мира [1–3].

Следует особо подчеркнуть, что мировые и временные тенденции взаимосвязаны, но они проявляются не менее отчетливо или даже нагляднее и как независимые друг от друга явления, которые развиваются в соответствии с собственной цивилизационной логикой. Поэтому судьба человечества, его история, катастрофы, циклы и кризисы цивилизаций, ее динамика и внутренние изменения должны постоянно находиться в центре внимания политиков и ученых. В последние годы многих ученых заинтересовало переосмысление прошлого, стремление улучшить настоящее и попытки предвидеть будущее, а дефиниция «цивилизация» стала одной из самых распространенных в теории и политике.

Как показывают многочисленные исследования, в современных условиях происходит интенсификация новизны, скорость изменений сама по себе становится цивилизационным фактором. Как результат, старая модель развития общества полностью изжила себя, современное его состояние – это кризис существующей парадигмы развития. В ней обнаружили существенные дисбалансы и диспропорции, механизм функционирования постоянно дает сбои, человек как катализатор прогресса остался где-то далеко в стороне. Причины подобных провалов кто-то связывает с глобализацией, кто-то – с технологической сингулярностью (взрывным ускорением научно-технического прогресса). Но это не совсем так. Цивилизация не прошла проверку на прочность. Современные вызовы очень остро поставили вопрос о возможностях многих

социальных институтов и соответствующих законов и действий в условиях глобализации [1; 3].

Все наши беды – результат отношений между людьми, между политическими партиями и государственными институтами, современными политиками и лидерами общественного мнения. Алармизм подобной ситуации требует анализа всех возможных путей и форм, истоков и механизмов борьбы с имеющимися проблемами. Императивом выживания человека и развития государств может стать новая парадигма управления Обществом. Важна не только смена общего видения мира, но поиск принципиально новых концепций его формирования в условиях глобальных вызовов и рисков. Необходим переход на новый мировоззренческий уровень понимания проблем, на новую интеллектуальную планку в их исследованиях. Человечеству важно искать пути выхода из цивилизационного кризиса, из состояния перманентной бифуркации, находить возможности формирования нового человека как основы будущей цивилизации. Нужен новый мировоззренческий порядок понимания происходящего, способный корректно сформулировать существующие проблемы и наметить пути их адекватного разрешения, нужна принципиально новая парадигма развития, переход на новую интеллектуальную планку исследования социальной реальности.

Теория цивилизационного кодирования как важнейший тренд управления будущим

Такой моделью может стать теория цивилизационного кодирования, позволяющая выйти за рамки научной рефлексии, осмыслить проблему «как развиваться, куда и как идти?», детерминировать действия цивилизационно ориентированных субъектов действий, направленных на воплощение стратегических замыслов, предложить реформирование системы развития цивилизации на технологическом, системном и структурном уровнях и стать настоящей потребностью общества. Суть теории цивилизационного кодирования – в научном исследовании социальной реальности, радикальном переосмыслении представлений о ней, конкретных предложениях по ее реформированию, по ликвидации разрыва в

изучении неживой и живой природы и, главное, в управлении смыслами и целеполаганием человека и общества, моделями их будущего, кодексами поведения и информационно-финансовыми потоками его строителей.

В основе теории цивилизационного кодирования находится идея формирования парадигмы цивилизационного развития общества, выражение ее в виде цивилизационного кода, создание сценариев будущего социумов и определение движения к нему. Сегодня все признают, что кодирование является одним из важнейших видов познавательной деятельности, играющей особую роль в творческом развитии научного знания. Оно характеризуется вероятностным характером, многовариантностью, сложными характеристиками и параметрами, иногда выраженными в виде качественно-содержательных, ценностно ориентирующих оценок, но в то же время обладающими значительными информационными и аналитическими ресурсами и возможностями и постоянно расширяющими границы своих знаний и умений.

Важнейшим смыслообразующим фактором цивилизационного кодирования является дефиниция «будущее». Будущее – это то, что еще не наступило, но вполне может наступить, это время и события, следующие за настоящим. Оно вытекает из конкретных действий человека и влияния на нынешнее состояние различных внешних компонентов и факторов. Будущее уже содержится в настоящем, а его возникновение обусловлено цепью предыдущих исторических событий, избежать влияния которых невозможно. Оно трудно предсказуемо, т. к. на ход событий может повлиять любое случайное явление. Прогнозирование и моделирование будущего может привести к новому пониманию реальности, где прошлое, настоящее и будущее тесно переплетены и имеют четкую направленность цивилизационных изменений.

Системообразующей категорией теории цивилизационного кодирования является дефиниция «цивилизация». Это одна из самых популярных категорий современного научного дискурса, общепринятого определения которой до сих пор нет. Предлагаю авторское определение цивилизации: это *социальная организация людей, располо-*

женных в конкретный исторический период на довольно обширной территории, объединенных географической средой и жизненным пространством, системой ведения хозяйства и исторической памятью, этническими признаками и менталитетом, политикой и религией, фундаментальными ценностями и духовно-нравственными традициями, системой знаний и технологиями их хранения и передачи. Наличие современных вызовов и рисков порождает необходимость в модернизации цивилизации и возможном переосмыслении основной смысловой интенции – перекодирования человека и общества [1–3].

Стержневым понятием методологии цивилизационного кодирования является цивилизационный код как информативная система цивилизационных знаков, символов, артефактов, имеющая конкретное значение в определенном контексте и хронотопе. Без него очень трудно, практически невозможно проследить развитие человеческих отношений. Это он может ответить на вопрос: могут ли белорусы когда-нибудь стать американцами, русские – французами, а китайцы – японцами. Цивилизационный код – это сложившийся и закрепившийся в сознании и поведении людей строго фиксированный набор смыслов и генетических, социальных и культурных ценностей, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил хранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт, умения и навыки передаются от поколения к поколению, регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития цивилизационных отношений. Это определение цивилизационного кода в широком понимании. В узком смысле цивилизационный код представляет закономерно связанные друг с другом элементы (взгляды, знания, ценности, традиции и т. д.), детерминирующие активность социальных субъектов, направленную на сохранение обычаев и исторической памяти, поиск новых путей и возможностей целенаправленного влияния на развитие цивилизаций [1–3].

Цивилизационный код детерминирует устойчивое функционирование цивили-

зационных структур, предлагает четко очерченную смысловую модель социальных действий и помогает найти дорогу в будущее с учетом традиций прошлого и современной парадигмы развития. Уникальность цивилизационного кода заключается в том, что он формирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной социальной реальности и детерминирует создание моделей будущего общества. Код помогает предложить четко очерченную цивилизационную парадигму как смысловую модель действий, способен начертить идеальную модель будущего состояния человечества.

Цивилизационный код состоит из генетического, социального и культурного компонентов, которые детерминируют движение человечества в самых различных направлениях, цементируют возможности его развития, определяют смыслообразующие факторы, целенаправленное влияние на которые дает предполагающий и ожидаемый для социума результат.

Одним из самых важных, если не самым важным для человечества, является генетический код. Это свойственный всем живым организмам способ кодирования аминокислотной последовательности белков при помощи последовательности нуклеотидов в молекуле ДНК. По мнению известного исследователя Мартина Ичаса, расшифровка биологического кода – действительно революционизирующее событие, ее, быть может, уместно сравнить с другим событием, вызвавшим переворот в науке сто лет назад с появлением дарвиновского «Происхождения видов» [4]. Когда был открыт генетический код, стало понятно, по каким закономерностям происходит развитие человечества, как формируется морфологическое строение, психика, предрасположенность к тем или иным заболеваниям, обмен веществ и пороки индивидов. Но самым трудным было понять и поверить, что этот код существует.

Сегодня практически все люди знают, что каждый человек имеет свой собственный генетический код, состоящий из множества генов. Геном человека – это уникальная система записи информации, которая содержится преимущественно в молекулах ДНК. Система записи генетического кода обеспечивает воспроизводство челове-

чества. Код передается от клетки к клетке, он универсален для всего на Земле. Код как набор определенных знаков и символов – своеобразная биохимическая азбука. В нем формула человеческой жизни. Код сохраняется в генофонде его потомков, и таким образом формируется человеческая популяция. Причем генетический код человека миллионы лет хранит в себе первозданную информацию. В то же время генетический код – это своеобразная энциклопедия, которую, как всякий текст, можно редактировать: геномное редактирование – современная биотехнология, позволяющая вырезать и вставлять в геном нужные кусочки. Современная наука способна целенаправленно менять генетический код так, чтобы в нем не осталось триггеров многих болезней. Китайские ученые уже проводят редактирование генов в человеческих эмбрионах, чтобы исправить тот ген, который вызывает отклонения в развитии человека.

В начале 2016 г. компания CRISPR Therapeutics – один из немногих стартапов, работающих с генной терапией, – заключила с фармацевтической компанией Bayer AG партнерский договор о сотрудничестве, оценивающийся в 105 млрд дол. Основная цель исследований – получение технологии редактирования генов с возможностью ее широкого использования. Если удастся полностью добиться поставленной цели, то это станет одним из самых важных событий в истории медицины: теоретически можно победить любую болезнь, существенно замедлить старение организма, с помощью редактирования генетического кода гипотетически удастся вылечить все человечество [5].

Особый интерес представляет социальный код. Каждое территориальное образование, каждое государство развиваются в соответствии со своими обычаями и традициями, канонами и ориентациями, ценностями и особенностями, исторической памятью и факторами быта. Если рассматривать территорию как социальный организм, внутри которого происходит обмен информацией, обеспечивающей взаимодействие с внешним миром, наблюдается, с одной стороны, разрушение сложившихся стереотипов поведения и ментальности, традиционного восприятия социальных ролей и этических ценностей, но, с другой стороны, до-

вольно сильны процессы формирования социальных источников развития на основе территориального капитала. Таким образом, происходит сохранение и транзит архитектурной и градостроительной, художественной и других ценностей наследственных особенностей бытия и хозяйствования, культуры исторической застройки, формирующих традиционную модель пространства. В данном случае речь идет о понятии, которое существенно отличается от генетического кода. Многие ученые называют его социальным кодом.

Особое место в жизни современных государств играет культурный код как важнейший хранитель всего лучшего, что есть в обществе. В его основе лежит совокупность норм и представлений, являющихся катализатором появления, развития и транзита культурных отношений, традиций и ценностей. Культурный код – это смысловая матрица, ключевая характеристика культуры, ее смысла и содержания, социальных конвенций и правил, своеобразный механизм развития индивидуального и коллективного сознания, обеспечивающего способ сохранения и передачи традиций и ценностей. Он играет роль своеобразной стяжки между нематериальными активами общества, интеллектуальным капиталом и конструктивным мышлением, конструированием будущего и осознанной идентичности. Вместе с творческими, интеллектуальными и моральными основаниями культурный код является одной из важнейших категорий настоящего столетия и способствует совершенствованию социальных и политических, финансовых и знаниевых организмов, рожденных цивилизациями [1; 2].

Целостное единство генетического, социального и культурного кода, знаний и практик трансформируется в цивилизационный код, который является одним из важнейших факторов развития человечества. От поколения к поколению и от человека к человеку веками при помощи цивилизаци-

онного кода передаются материальные объекты и социальная информация, навыки и способы предметной деятельности, стереотипы двигательных реакций, смыслы и обычаи, мировоззренческие принципы и идеи, разнообразные знания, ценности, модели повседневного поведения.

Заключение

В современном мире в условиях компьютеризации и глобализации намечаются и реализуются различные сценарии движения к будущему. Каждая эпоха предлагает свой набор генетических, социальных и культурных кодов, открытых к изменениям, порождению новых смыслов и вызовов и передачи их будущим поколениям. Цивилизационным институтам необходимо уметь выстраивать логические, мотивированные социальной реальностью связи между объектами культуры, историей и территориями как на синтагматическом, так и на парадигматическом уровнях. В этом случае цивилизационный код нуждается в квалифицированном прочтении – образы прошлого с течением времени становятся все дальше, а смысловых контекстов становится все больше.

Для успешного продвижения вперед Беларуси необходимо на основании теории цивилизационного кодирования разработать свой социальный механизм управления развитием обществом, национальными ценностями и регионами, подстроить под него образовательный, инновационный и информационный процессы, сформулировать национальную идею и идеологию белорусского государства и донести их до широких слоев населения через образование и средства массовой коммуникации, культуру и политику. Белорусы никогда не станут американцами, русские – французами, а китайцы – японцами, потому что у них разные генетический, социальный и культурный коды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь. наука, 2017. – 392 с.
2. Котляров, И. Будущее как определенность неопределенности, или каким будет завтра? (социологический дискурс) / И. Котляров // Иппокрена. – 2020. – № 1. – С. 109–133.

3. Котляров, И. Современная цивилизация: парадигма для XXI века (социологический дискурс) / И. Котляров // *Иппокрена*. – 2020. – № 2. – С. 136–154.
4. Ичас, М. Биологический код / М. Ичас. – М. : Мир, 1971. – 352 с.
5. Хэмблин, Дж. Если бы наши тела могли говорить. Руководство по эксплуатации и обслуживанию человеческого тела / Дж. Хэмблин. – М. : Азбука-Аттикус, 2018. – 490 с.

REFERENCES

1. Bieloruskoje obshchestvo v kontiektie civilizacionnogo koda: sociologichieskoje izmierienije / I. V. Kotliarov [i dr.] ; ried. kol.: I. V. Kotliarov [i dr.]. – Minsk : Bielarus. navuka, 2017. – 392 s.
2. Kotliarov, I. Budushchieje kak opriedielionnost' neopriedielionnosti, ili kakim budiet zavtra? (sociologichieskij diskurs) / I. Kotliarov // *Иппокрена*. – 2020. – № 1. – С. 109–133.
3. Kotliarov, I. Sovriemiennaja civilizacija: paradigma dlia XXI vieka (sociologichieskij diskurs) / I. Kotliarov // *Иппокрена*. – 2020. – № 2. – С. 136–154.
4. Ichas, M. Biologichieskij kod / M. Ichas. – М. : Mir, 1971. – 352 s.
5. Hemblin, J. Jesli by nashy tiela mogli govorit'. Rukovodstvo po ekspluatacii i obsluzhivaniu chieloviechieskogo tiela / J. Hemblin. – М. : Azbuka-Atticus, 2018 – 490 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.06.2021

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастапоўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заключэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілеу*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 04.08.2021. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 19,30. Ул.-выд. арк. 14,88. Тыраж 100 экз. Заказ № 223.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.